

Международный бестселлер

МИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ МИРНОГО ВОИНА

СОФИЯ

ДЭН МИЛЛЭН

Дэн Миллмэн

**Мистическое путешествие
миролюбивого воина**

*Посвящаю своей жене Джой,
за ее руководство и поддержку,
и моим дочерям — Холлы, Сьерра и Чина,
которые напоминают мне о важных вещах*

Предисловие

*Что, если вы спите
и видите сон, в котором попадаете на
небеса
и там срываете странный и прекрасный
цветок?*

*Что, если, проснувшись, вы держите этот
цветок в руке?*

Что тогда?

Сэмюэл Тэйлор Колридж

Моя первая книга, «Путь Мирного Воина», посвящена событиям, которые открыли мне глаза и сердце и расширили мои взгляды на жизнь. Те, кто читал эту книгу, вспомнят, что в 1968 году, после периода обучения и подготовки у Сократуса — старого «воина заправочной станции», ставшего моим учителем, — мы расстались на восемь лет, в течение которых мне предстояло усваивать преподаваемое учение в повседневной жизни и готовиться к окончательному испытанию, о котором я рассказал в конце той книги.

«Мистическое путешествие Мирного Воина» является в определенном смысле продолжением первой книги, однако, в отличие от большинства продолжений, она начинается не с конца предыдущей, но описывает определенный период в пределах первой книги — тот самый промежуток времени, когда Сократус отослал меня и во время которого я путешествовал по миру и прошел свое посвящение в Путь Мирного Воина.

Я немного упоминал об этом периоде в «Пути Мирного Воина», однако решил не раскрывать полное содержание тех событий, пока сам не разберусь в важности происшедшего.

Я называю эту часть своей жизни «потерянными годами», потому что она началась с внутренней борьбы и разрушенных мечтаний; это было время полной потери ориентации и иллюзий, что заставило меня

предпринять путешествие с целью вновь найти себя и обрести новое видение, цель и веру, подобные тем, к которым мне помог прийти Сократус и которые я затем потерял.

Книга, которую вы держите в руках, описывает первые шаги этого путешествия. Оно началось в 1973 году — мне тогда было двадцать шесть лет. Я действительно путешествовал по всему миру, сталкивался с необычными событиями и примечательными людьми, но в своем повествовании я смешиваю реальные факты и свое воображение, сплетая подлинные случаи своей жизни в ткань, простирающуюся по различным уровням реальности.

Представляя мистическое учение в форме повести, я надеюсь вдохнуть новую жизнь в древнюю мудрость и напомнить читателям, что любое путешествие мистично, а вся наша жизнь — путешествие.

Дэн Миллмэн, Сан-Рафаэль, Калифорния, зима 1991 года

Пролог

Совет Сократуса

*Свободная воля не означает, что мы сами определяем обстоятельства;
свободная воля представляет собой только возможность выбора того, что ты хочешь сделать в данный момент.
«A Course in Miracles»^[1].*

Поздними ночами, на старой станции техобслуживания в Техако, во время практических занятий, которые были чрезвычайно разнообразными — от медитаций до чистки туалета, от глубокого самомассажа до замены свечей зажигания, — Сократус частенько упоминал о разных людях и местах, которые мне предстояло когда-нибудь посетить в целях «дальнейшего обучения».

Однажды он заговорил о женщине-шамане,^[2] живущей на Гавайях. В другой раз он упомянул о специальной школе для воинов, скрытой где-то в Японии. Кроме того, он рассказывал о священной книге в пустыне, открывающей предназначение жизни каждого человека.

Все это, разумеется, меня крайне интриговало, но, когда я просил его подробнее рассказать об этом, он обычно менял тему разговора, так что у меня никогда не было полной уверенности в том, что эти женщина, школа и книга действительно существуют.

В 1968 году, перед тем как отослать меня, Сократус вновь заговорил о женщине-шамане.

— Около года назад я написал ей письмо и упомянул о тебе, — сказал он. — От нее пришел ответ, в котором говорится, что она не против поработать с тобой. Это большая честь, — добавил он и посоветовал найти ее, когда я почувствую, что наступило подходящее время.

— Где же мне ее искать? — спросил я.

— Она написала свое письмо на бланке какого-то банка.

— Какого именно? — переспросил я.

— Не помню. Мне кажется, какой-то банк Гонолулу.

— Можно увидеть это письмо?

— У меня его уже нет.

— А как ее зовут? — раздраженно спросил я.

— У нее несколько имен. Я не знаю, каким из них она пользуется сейчас.

— Ну а как она выглядит?

— Трудно сказать. Я не видел ее уже много лет.

— Сократус! Да как же мне ее найти?! Отмахнувшись, он произнес:

— Я уже говорил тебе, Дэнни, — я тебе помогаю, но не облегчаю твои задачи. Если ты не сможешь ее найти, значит, ты еще не готов.

Я глубоко вздохнул и посчитал до десяти.

— Хорошо, а что насчет других людей и мест, о которых ты рассказывал?

Сократус пристально посмотрел на меня.

— Я что, похож на агента бюро путешествий? Держи нос по ветру и доверяй своим инстинктам. Сначала найди ее, а потом события приведут тебя к следующему шагу.

Возвращаясь домой в тишине раннего утра, я обдумывал то, что сказал мне Сократус, — и то, чего он мне не рассказал. Сократус говорил, что, если вдруг я «окажусь где-то рядом», я могу захотеть связаться с этой безымянной женщиной без адреса, которая все еще может работать в каком-то банке в Гонолулу; с другой стороны, она может там уже и не работать. Если я найду ее, она может согласиться научить меня чему-то или захотеть направить меня к другим людям, в другие места, о которых упоминал Сократус.

Вечером, когда я ложился спать, какая-то часть меня стремилась поехать в аэропорт и сесть на ближайший самолет, направляющийся в Гонолулу, однако более настоятельные проблемы требовали моего присутствия здесь: мне предстояло в последний раз выступить на Национальном чемпионате по гимнастике среди студентов колледжей, потом — окончить колледж и жениться. Вряд ли это было подходящим временем для того, чтобы в спешке нестись на Гавайи. Так я и заснул

— на целых пять лет. А проснувшись, я обнаружил, что, несмотря на все свое обучение у Сократуса и духовное совершенствование, я все еще не был готов к тому, с чем придется столкнуться в будущем. Я выскочил из раскаленной сковороды уроков Сократуса — и оказался в открытом огне повседневной жизни.

Книга первая

По зову духа

*Вот что важно:
быть готовым в любой момент
пожертвовать тем,
кто ты есть,
во имя того, кем ты можешь стать.*

Шарль Дюбуа

Глава 1

Прочь из огня

Просветление представляет собой не только

созерцание сияющих форм и образов.

Просветление — способность видеть во тьме.

Это трудно, и поэтому менее популярно

Карл Юнг

В ночь своей свадьбы я плакал. Я очень ясно помню тот день: мы с Линдой обвенчались в Беркли, в год моего выпуска. Беспричинно подавленный, я проснулся до рассвета, выскользнул из смятой постели и вышел на воздух — мир еще был покрыт ночной тьмой. Я прикрыл стеклянную дверь террасы, чтобы не разбудить спящую жену, и почувствовал, как в моей груди рождаются рыдания. Плакал я очень долго, хоть и не понимал почему.

«Почему мне настоль ко грустно? Ведь я должен быть счастлив!» — спрашивал я себя. Единственным ответом было какое-то глубокое интуитивное беспокойство, ощущение того, что я упустил нечто очень важное, что что-то ускользнуло из моей жизни. Это чувство мрачной тенью нависло над всей моей семейной жизнью.

Вместе с учебой в колледже закончились успехи и победы, которых я добился как гимнаст-чемпион. Мне пришлось приспособливаться к резко наступившему затишью. Мы с Линдой переехали в Лос-Анджелес, и тогда я впервые столкнулся с обязанностями реальной жизни. У меня было блестящее прошлое, диплом колледжа и беременная жена. Пришло время искать работу.

После непродолжительных попыток стать страховым агентом, каскадером в Голливуде и писателем, мне удалось найти достаточно стабильную должность тренера гимнастики в Стэнфордском университете.

Несмотря на вполне благосклонную судьбу и рождение горячо любимой дочери Холли, меня не переставали терзать острые приступы ощущения того, что я упустил что-то предельно важное. Я не мог и не пытался объяснить это чувство Линде и очень скучал по наставлениям Сократуса, так что просто отталкивал от себя все свои сомнения и старательно исполнял роли «мужа» и «отца», хотя они казались мне чем-то вроде работы, к которой никак не удается привыкнуть, подобными плохо скроенному костюму.

Прошло четыре года. На фоне моего крошечного мира университетских политических склок, профессионального честолюбия и семейных обязанностей прошли война во Вьетнаме, высадка астронавтов на Луну и Уотергейтский скандал.

Во время учебы в колледже жизнь казалась мне очень простой: занятия, тренировки, развлечения, отдых и приятный флирт — я прекрасно разбирался в правилах такой игры. Но сейчас правила изменились: экзамены принимала сама повседневная жизнь, и обмануть этого преподавателя не могла никакая хитрость. Я мог обманывать лишь самого себя, что и продолжал делать с непоколебимым упорством.

Заставив себя сосредоточиться на образах беленького заборчика вокруг дома и двух машин в гараже, я продолжал отрицать свои путанные внутренние стремления и пытался наладить свои отношения с обычным миром. В конце концов, Линда обладала множеством достоинств, и с моей стороны было бы просто глупо отбрасывать все это. И у меня была дочь, о которой нужно было заботиться.

По мере того как мои укрепления в «реальном мире» затвердевали, словно цементные стены, воспоминания об уроках и учении Сократуса стали выцветать, как настальгические фотографии в старом альбоме, превратились в смутные образы иных времен и иного мира, в мечтания далекого прошлого. С каждым годом слова Сократуса о гавайской женщине, школе в Японии и книге, скрытой в пустыне, казались мне все менее реальными, пока я не забыл о них окончательно.

Я оставил Стэнфорд и начал работать в колледже Оберлин в Огайо, надеясь, что эта перемена сможет укрепить мои отношения с Линдой, однако в новой обстановке разница наших интересов проявилась еще сильнее: Линда любила готовить и обожала мясо, а я был приверженцем вегетарианской кухни. Ей нравилась красивая мебель, а

я придерживался простоты Дзэн и довольствовался матрасом, брошенным на пол. Она была очень общительной; я же предпочитал трудиться. Она была типичной американской женой, а я казался ее друзьям чудаком-метафизиком и склонялся к одиночеству. Линде было очень легко жить в этом обычном мире, отталкивающем меня, хотя я завидовал тому комфорту, который она испытывает от такой жизни.

Линда тоже ощущала мою неудовлетворенность, и ее раздражение возрастало. В течение этого года я понял, что моя личная жизнь стала жалкой, а семейная разрушается у меня на глазах. Я уже не мог не замечать этого.

Раньше я считал, что обучение у Сократуса сделает мою жизнь более счастливой, но она, казалось, лишь ухудшалась. Бесконечные приливы и отливы работы, семейного быта, заседаний кафедры и личных проблем смыли из моей памяти практически все, чему когда-то учил меня Сократус.

Несмотря на напоминание о том, что «воин, подобно ребенку, полностью 'открыт'», я жил в своем собственном защищенном мирке. Я был убежден, что никто, даже Линда, не знает и не понимает меня. Я испытывал острое одиночество — и не мог найти взаимопонимания даже наедине с собой.

Хотя Сократус учил меня «отпустить свой разум и жить в текущем мгновении», мой ум был исполнен гнева, чувства вины, обиды и беспокойства.

Заразительный смех Сократуса, который когда-то часто звучал во мне, подобно хрустальному колокольчику, превратился в приглушенное эхо, отдаленные воспоминания.

Я был настолько подавлен и выбит из колеи хроническим стрессом, что у меня оставалось совсем немного времени и энергии для дочери. Я продолжал нагружать себя различными делами и обязанностями, потеряв всякое чувство меры и уважение к себе. Хуже всего было то, что я лишился нити предназначения своей жизни, глубинного смысла своего существования.

Я наблюдал за самим собой в зеркале своих отношений с людьми, и то, что я видел, меня совсем не радовало. Я всегда был центром своего собственного мира и никогда не учился уделять внимание другим, хотя привык к вниманию окружающих. Я то ли не хотел, то ли не был

способен жертвовать собственными целями и ценностями во имя Линды и Холли или кого бы то ни было еще.

Обеспокоенный ясным осознанием того, что я являюсь самым эгоистичным человеком из всех, кого знаю, я все сильнее погружался в этот разрушительный образ самого себя. Благодаря прошлым спортивным тренировкам и победам, я все еще представлял себя рыцарем в сияющих доспехах, но теперь мои латы полностью проржавели, а самооценка опустилась в бездонные глубины.

Сократус говорил: «Поступай соответственно тому, чему учишь других, и учи только тому, что сам воплотил в жизнь». Притворяясь ярким, даже мудрым учителем, я ощущал себя шарлатаном и шутом. И чем дальше, тем острее и болезненней становилось это чувство.

Чувствуя себя неудачником, я целиком окунулся в тренерскую работу, позволившую мне вновь иногда испытывать ощущение успеха и забывать о проблемах личных отношений — о том, что настоятельнее всего требовало моего внимания.

Мы с Линдой все больше отдалялись. Она нашла свою собственную интересную компанию, а я полностью ушел в себя — пока слабеющая нить, связывающая нас, не разорвалась окончательно. Мы решили разойтись.

Я уехал холодным мартовским утром. Снег таял и превращался в грязь, когда я загрузил в грузовик своего приятеля несколько коробок и отправился искать себе какое-нибудь жилье. Разум твердил, что это было правильное решение, но мое тело говорило на собственном языке: меня постоянно мучили спазмы в животе, которые вскоре перешли в мышечные судороги. В то время любая моя царапина мгновенно превращалась в гнойный нарыв.

В течение нескольких недель я по инерции продолжал вести привычный образ жизни, и ежедневно ходил на работу. Но моя личность и весь тот образ жизни, который я когда-то рисовал в воображении, были разрушены. Подавленный и жалкий, я не знал, что мне делать дальше.

Однажды, когда я открыл свой почтовый ящик на кафедре физической подготовки, одно из писем выскользнуло у меня из рук и упало на пол. Я наклонился за ним и замер, когда мои глаза остановились на объявлении: «Все преподаватели приглашаются к

участию в конкурсе «Путешествие», целью которого является культурный обмен в области профессиональных интересов».

Внезапно у меня в животе возникло ощущение знака судьбы. Я знал, что подам заявку на этот конкурс, и почему-то был уже уверен, что получу бесплатную путевку.

Две недели спустя я открыл тот же ящик и обнаружил в нем письмо от конкурсного комитета, разорвал конверт и прочел: «Исполнительный Комитет Совета Попечителей счастлив уведомить Вас о том, что в рамках конкурса «Путешествие» Вы получаете две тысячи долларов, предназначенные для путешествий и исследований, связанных с Вашей академической деятельностью. Поездка должна быть предпринята летом 1973 года и, по вашему желанию, может быть продлена на шесть месяцев, которые будут рассматриваться как оплачиваемый отпуск...»

Дверь открылась — у меня снова появилась цель.

Но куда же мне отправиться? Ответ возник во время урока йоги — я записался на эти занятия, пытаюсь вернуть равновесие и покой своему телу. Дыхательные и медитативные упражнения напомнили мне те техники, которым меня обучал Джозеф, один из старых учеников Сократуса, владелец небольшого кафе в Беркли. Как я скучал по его пушистой бороде и мягкой улыбке!

Когда-то Джозеф ездил в Индию и очень положительно отзывался о том, чему там научился. Я читал множество книг об индийских святых, мудрецах и гуру, о философии и метафизике йоги. Ну конечно же, именно в Индии я смогу найти тайные знания и практики, которые принесут мне свободу — или, по крайней мере, вернут к нормальному существованию.

Решено, я отправлюсь в Индию! Выбор определился. Я поеду налегке — небольшой рюкзак и авиабилет, ничего больше. Я изучил карты этой страны, прочитал еще несколько книг о ней, получил паспорт и визу.

Когда все было готово, я сообщил новость Линде, пообещав, что постараюсь прислать Холли несколько открыток, но, вполне возможно, могу надолго исчезнуть.

Она ответила, что в этом не будет ничего удивительного.

Теплым весенним утром, перед самым окончанием учебного года, я сидел на лужайке рядом с четырехлетней Холли, тщетно пытаюсь

объяснить ей свое решение.

— Доченька, мне нужно будет на какое-то время уехать.

— А куда ты едешь?

— В Индию.

— Там слоны?

— Да.

— Давай поедem вместе: я, ты и мама.

— Обязательно, но только в другой раз. Когда-нибудь мы будем путешествовать вместе, только ты и я, хорошо?

— Хорошо. — Она помолчала. — А где Индия?

— Там. — Я показал рукой.

— А тебя долго не будет?

— Да, Холли, — честно ответил я. — Но где бы я ни был, я всегда буду любить и вспоминать тебя. А ты будешь меня вспоминать?

— Да. Тебе очень нужно ехать, папочка? — Этот вопрос я и сам постоянно задавал себе.

— Очень.

— Почему?

Я пытался найти верные слова.

— Есть вещи, которые ты поймешь, когда вырастешь. Но мне действительно нужно уехать, хотя я буду ужасно скучать по тебе, пока не вернусь.

Когда мы с Линдой решили разойтись и я собирал вещи, Холли обхватила мою ногу и не пускала меня, заливаясь слезами: «Не уезжай, папочка! Ну пожалуйста! Не уезжай!» Мягко, но решительно освободившись от ее ручонок, я обнял ее, пытаюсь удержаться от слез. Тот отъезд был для меня одним из тяжелейших в жизни испытаний.

Теперь, когда я сказал Холли, что уезжаю, она не расплакалась и не умоляла меня остаться. Она просто уставилась на траву прямо перед собой, и это было еще хуже, потому что я чувствовал, что происходит у нее внутри: она прощалась со мной.

Учебный год закончился через неделю. После натянутого прощания с Линдой я обнял Свою дочурку и вышел. Хлопнула дверь такси. Когда машина тронулась, я обернулся назад, чтобы в последний раз увидеть, как мой дом и весь привычный мир становятся все меньше, пока в стекле не осталось только мое отражение. Испытывая

смесь глубокого сожаления и острого предвкушения нового, я повернулся к водителю: «Аэропорт Хопкинс».

Впереди у меня было все лето, а затем еще шесть месяцев оплаченного отпуска — в сумме, целых девять месяцев — для поисков и постижения того, что мне встретится.

Глава 2

Путешествие

*В гавани корабль в безопасности,
Но предназначение корабля совсем не в
этом*

Джон Шедд

Пребывая между небом и землей, я смотрел из окна «Боинга-747» на облака, скрывающие под собой Индийский океан, и гадал, найду ли ответы на мучающие меня проблемы там, внизу.

Я наблюдал, как эти мысли протекают в моем сознании; мои веки сомкнулись. Мне показалось, что прошло всего мгновение, но я проснулся только тогда, когда колеса самолета коснулись полосы.

В Индии был влажный период муссонов. Постоянно мокрый от дождя или от пота, я ездил в старомодных такси, в колясках рикш, на автобусах и в электричках. Я бродил по грязным улицам и шумным базарам, где индийские факиры демонстрировали свои необычные способности, суровую дисциплину тела и чудеса аскетизма.

Города, поселки и деревни... Экзотические цвета и запахи... Угнетающая жара... Аромат благовоний, смешанный со смрадом коровьего навоза... Калькутта, Мадрас, Бомбей...Всюду люди — толпящиеся, движущиеся, суетливые... Священная Индия — перенаселенная, спрессовывающая живые души на каждом квадратном километре, метре, сантиметре...

Мои чувства были переполнены непривычными видами и запахами. Каждую секунду я замирал, пораженный новыми впечатлениями, а в следующий миг возвращался к состоянию сновидения. Но у меня не было времени на праздные развлечения.

С неукротимой настойчивостью и чистосердечным стремлением я посещал многие школы йоги, где освоил множество поз, систем дыхания и медитации, подобных тем, которым учили меня Сократус и Джозеф.

В Калькутте я увидел беднейших из бедных, живущих прямо на улице. Куда бы я ни повернулся, я видел нищих — мужчин, женщин и искалеченных детей в рваных обносках. Стоило дать монетку одному, и перед тобой возникал целый десяток — разительный контраст величию Тадж-Махала и других менее известных обителей духовной силы, храмов красоты и духовной уравновешенности.

Я совершал паломничества в ашрамы^[3] и беседовал со старцами, исполненными недуалистичной мудрости адвайты веданты,^[4] учившей, что сансара^[5] и нирвана,^[6] плоть и дух неразделимы. Я узнал о Брахмане и о святой троице — Брахме-Творце, Вишну-Хранителе и Шиве-Разрушителе.

Я сидел у ног гуру > проповедовавших простую мудрость и излучавших любовь и силу. Я испытывал глубочайшее восхищение этими святыми людьми. Сопровождаемый проводниками, я путешествовал по Тибету, Непалу и Памиру, встречаясь с аскетами и отшельниками. Вдыхая разреженный горный воздух, я ночевал и медитировал в пещерах.

И все-таки с каждым днем я становился все более угнетенным, потому что нигде не смог найти учителя, подобного Сократусу, и не узнал ничего такого, что нельзя было бы прочесть в книгах любого магазина Западного Побережья США. Мне казалось, что я приехал на поиски загадочного Востока только для того, чтобы обнаружить, что он в это время отправился навестить родственников в Калифорнии.

Я испытывал глубокое уважение к духовным традициям Индии, к ее культурному наследию и общечеловеческим ценностям. Но куда бы я ни попадал, я чувствовал себя посторонним, подглядывающим в чужие окна. Никто и ничто не задевало меня. Проблема была не в Индии, а во мне самом. Осознав это, унылый и неудовлетворенный, я решил вернуться домой и вновь попытаться восстановить свою распавшуюся семью. Это было нечто правильное, требующее ответственности.

Я решил отправиться на восток, остановиться для небольшой передышки на Гавайях, а затем продолжить свой путь в Огайо — к Холли и Линде. Я очень соскучился по обеим. Может быть, еще не поздно все наладить?

Я убеждал себя в том, что та пустота, которую я обнаружил в Индии, является знаком. Возможно, учеба у Сократуса окажется

единственной духовной подготовкой, которую мне суждено пройти. Но если так, то почему же это внутреннее чувство беспокойства становится все сильнее?

Ночью меня уносил самолет. Огни на его крыльях сливались с крошечными звездами, сияющими над спящим миром. Я пытался читать, но никак не мог сосредоточиться. Я пытался заснуть, но меня захлестнул поток воспоминаний. Передо мной вновь и вновь возникало лицо Сократуса, повторяющее фрагменты фраз, сказанных много лет назад. К тому времени, как мы приземлились на Гавайях, мое ощущение «ты-что-то-упус-тил» стало совершенно нестерпимым. Живот просто горел огнем. Я сгорал изнутри! Спазмы были настолько сильными, что я едва сдерживал стоны. Да что же мне *делать**.

Когда я выбрался из «Боинга» к ослепительному солнцу, свежий гавайский бриз на какое-то время остудил меня.

Легенда гласит, что эти острова, сотворенные из земли, воздуха, огня и воды, излучали свою исцеляющую энергию задолго до того, как моряки, миссионеры, исследователи и весь ход истории превратили Гавайи в туристский курорт. Я надеялся, что за внешним лоском цивилизации еще осталась часть этой энергии, которая сможет успокоить воющего пса внутри меня, не позволяющего мне расслабиться и передохнуть.

Перекусив в буфете аэропорта, я прокатился в шумном автобусе по оживленным улицам Вайкики, а потом около часа бродил по городу, пока не нашел комнатку подальше от пыльного центра. Проверив работу кранов в старенькой ванной, я быстро распаковал свой небольшой рюкзак. В незакрывающемся ящике комода я обнаружил потрепанный телефонный справочник и новенькую Библию. Все это на несколько дней поступало в мое полное распоряжение.

Почувствовав усталость, я прилег на продавленную кровать, ритмично поскрипывающую пружинами в такт дыханию, и забылся полудремой, как вдруг мои глаза раскрылись и меня словно подбросило: «Женщина-шаман!» Не отдавая себе полного отчета в том, что говорю, я воскликнул: «Как же я мог забыть?» Я хлопнул себя по лбу: «Думай!» Что рассказывал Сократус? Одно за другим, в памяти всплывали забытые воспоминания: он советовал мне найти кого-то на Гавайях, а еще упоминал какую-то школу в... Где же? В Японии! И

что-то насчет сокровенной книги в пустыне... Он говорил о книге, в которой кроется цель жизни!

Мне очень хотелось найти эту школу и эту книгу, но сначала нужно было найти ту женщину. *Вот почему я здесь оказался. Вот в чем смысл того чувства предназначения, которое я ощущал. Вот в чем смысл всего этого путешествия.*

Когда я понял это, мой живот расслабился, а боль сменилась возбуждением. Я едва сдерживался. Мой разум метался: что же он рассказывал об этой женщине? Она написала ему на каком-то бланке — на *банковском* бланке, вот на каком!

Я схватил телефонный справочники открыл его на странице «Банки». Только в Гонолулу их оказалось целых двадцать два. «Ничего себе!» — пробормотал я. Сократус не сообщил мне ни имя, ни адрес, даже не описал ее внешность. У меня просто не было шансов. Задача казалась невыполнимой.

Внезапно я вновь испытал чувство предназначения. Нет, все это просто не может оказаться напрасным. Ведь я здесь! И я найду ее, хотя еще не знаю, как именно. Я посмотрел на часы: если поспешить, то еще можно успеть обойти несколько банков.

Но это Гавайи, а не Нью-Йорк, и люди здесь особенно не спешат. И что, собственно, мне делать, когда я приду в банк, — поднять вверх плакат: «Ищу особенную женщину»? Или шептать каждой женщине: «Я от Сократуса»? Да ведь она может и не знать, что я называл его Сократусом, — даже если она все еще работает в банке, если она вообще существует.

Я задумчиво уставился в окно, на кирпичную стену на противоположной стороне улицы. Пляж был всего в десяти кварталах. Сейчас я пообедаю, а потом поброжу по песку и подумаю, что делать дальше. Я добрался к океану только к закату и обнаружил, что солнце уже скрылось за холмами на другом конце острова. «Здорово, — усмехнувшись, подумал я. — Ты собираешься найти эту загадочную женщину, хотя не можешь даже поймать закат солнца».

Я растянулся на мягком песке, теплом по сравнению с вечерним воздухом, и смотрел на пальмы, склонившиеся надо мной. Наблюдая за тем, как легкий бриз колышет их зеленые ветви, я напряженно думал, безуспешно пытаясь изобрести какой-нибудь план.

На следующий день я проходил мимо редакции местной газеты — и меня осенило! Я вошел и быстро составил объявление, которое должно было выйти в колонке «Личные сообщения». Текст гласил: «Молодой мирный воин, друг Сократуса, разыскивает единомышленницу, работающую в банке. Нам нужно встретиться». Я добавил свой номер телефона в мотеле. Конечно, это была глупая идея, и шансы на успех были настолько же призрачными, как если бы я сунул эту записку в бутылку и швырнул ее в океан. Выстрел наудачу — но все-таки это был выстрел.

Прошло несколько дней. Я ходил по художественным выставкам, плавал с аквалангом и валялся на пляже — мне оставалось только ждать. Объявление явно не принесло никаких результатов, и я понимал тщетность своих надежд, неумоимо блуждая по улицам. В конце концов я позвонил в аэропорт и заказал билет домой. Я был готов покончить со всем этим.

В автобусе, направляющемся к аэропорту, я впал в состояние оцепенения, совершенно не замечая происходящего вокруг. В следующее мгновение я осознал, что стою перед стойкой кассы. Потом я сидел в зале ожидания, и когда голос диктора объявил мой рейс, голос в моей голове произнес: «Нет! Ты не можешь вот так все бросить. Если не сейчас, то никогда больше. Ты должен сделать это, несмотря ни на что. Вставай и ищи ее!» Я сдал билет, купил карту города и успел на автобус, который снова доставил меня в Гонолулу. По дороге я отметил на карте все банки.

Когда я вошел в первый банк, я испытал огромное облегчение, обнаружив, что в это время дня он практически пуст. Обшарив взглядом помещение, я сразу отметил подходящий вариант — стройную женщину со спортивной фигурой, на вид около сорока. Она как раз посмотрела в мою сторону и улыбнулась. Когда наши взгляды встретились, я ощутил интуитивную уверенность. С первого раза — это просто невероятно! Почему я сразу не доверился своим предчувствиям?

Женщина закончила разговор с сотрудниками и вернулась к своему столу, стоящему между индивидуальными сейфами и проходом к хранилищу. Я терпеливо дождался удобного момента, а затем, сделав глубокий вдох, подошел к ней.

— Простите, — сказал я, демонстрируя женщине свою самую яркую, открытую и сногшибательную улыбку, чтобы не выглядеть полным идиотом. — Я разыскиваю женщину... Я ищу одну женщину, но не знаю ее имени. Понимаете, один пожилой джентльмен — впрочем, он не то чтобы джентльмен... в общем, один старик по имени Сократус говорил мне, что я могу найти ее здесь. Это имя о чем-нибудь вам говорит?

— Сократус? — повторила она. — Разве это не какой-то там грек или римлянин, из древних?

— Да... конечно... был такой... — мои надежды начали рушиться. — Может быть, вы знали этого старика под другим именем? Он был моим учителем, я познакомился с ним на заправочной станции, — многозначительно подчеркнул я. — На станции техобслуживания в Калифорнии. — От напряжения я задержал дыхание.

Ее глаза становились все шире, и вдруг в них зажегся огонек понимания.

— Ну конечно! У меня был один приятель, который возился с машинами в Калифорнии. Но его звали Ральф. Как вы думаете, это мог быть Ральф?

— Нет, — разочарованно ответил я. — Боюсь, что нет.

— Что ж, очень жаль, что не могу помочь. Желаю вам удачи в поисках своего Архимеда...

— Сократуса! — поправил я. — Но я ищу не его, я ищу женщину. Я понял, что совершил ошибку, по изменению ее тона.

— Извините, я очень занята. Надеюсь, вы найдете себе женщину достаточно скоро.

Я чувствовал убийственный взгляд этой женщины, направленный мне в спину, когда, извинившись, перешел к другому окошку и повторил аналогичную беседу с женщиной лет пятидесяти, которая явно не скупилась на покупку румян и другой косметики. Она была не самым подходящим кандидатом, но я решил проводить свои поиски самым тщательным образом. Эта женщина обменялась тревожным взглядом с первой, после чего рассматривала меня с нескрываемым подозрением.

— Чем могу помочь? — вежливо спросила она.

— Я ищу одну женщину, которая работает в банке, — я снова пустился в объяснения, — но не знаю ее имени. Не знакомы ли вы с человеком по имени Сократус?..

— Думаю, вам лучше обратиться к начальнику, — заявила она.

Сначала я подумал, что имеется в виду начальник охраны, но она указала на третью женщину в темном костюме, которая сидела за дальним окошком и только что закончила телефонный разговор.

Кивнув оператору в знак благодарности, я направился к женщине в темном костюме, уставился ей прямо в глаза и сказал:

— Добрый день! Я — мирный воин, и я ищу приятельницу Сократуса.

— Что?! — переспросила она, бросив выразительный взгляд в сторону охранника.

— Я говорю, я—потенциальный клиент и мне нужна ссуда для страховки.

— А! — Она облегченно улыбнулась и одернула пиджак. — Думаю, мы можем вам помочь.

— Боже! Уже так поздно! — воскликнул я, взглянув на часы. — Мне нужно бежать на обед. Я загляну к вам завтра. Пока, чао, гуд бай, алоха! — Я поспешил выскочить из банка.

Остаток дня я провел, навещая другие банки и используя ту же методику «мирный воин — потенциальный клиент». Вечером я зашел в какой-то бар и выпил первую за многие годы кружку пива. А ведь я даже не любил пиво.

Обследовав восемь банков, я уселся у стены очередного храма финансов и сказал себе: «Никогда, никогда и не мечтай о карьере частного детектива! Только надорвешь себе спину и наживешь язву. Вообще, все это — просто безумие. Возможно, кто-то просто дал этой женщине банковский бланк. Как шаман может работать в банке? Впрочем, старый воин Сократус почему-то сидел на заправочной станции...»

Я был еще более смущен и растерян, чем раньше. У меня уже не было никаких иллюзий относительно того, что я волшебным образом наткнулся на шамана из банка, а она немедленно признает во мне своего блудного сына. Мой вера в собственную интуицию была раздавлена, как банка из-под пива, валяю щаяся на проезжей части. Я встряхнулся,

встал и бросил эту банку в урну — маленькое доброе дело. Хоть что-то хорошее за весь этот день, пропавший впустую.

Ночью я спал как мертвец — и это совсем не преувеличение.

На следующий день я обошел еще десять банков, что довело меня до полного истощения и изнеможения. В двух из них меня вообще отказались слушать, а в последнем чуть не арестовали, потому что я пришел в совершенно воинственное состояние. Мои нервы были совершенно расшатаны, и я решил устроить день отдыха.

Мне приснилось, что я прохожу мимо той женщины, которую ищу, — как в мелодраме, когда два главных героя вот-вот должны встретиться, но в последнюю минуту поворачиваются друг к другу спиной и расходятся. В моем сне эта сцена повторялась много раз в сводящей с ума последовательности совпадений.

Я проснулся совершенно измученным. Сегодня я был готов и хотел делать все — все что угодно, за исключением поисков безымянной женщины среди работниц банков. Однако — по всей видимости, обучение у Сократуса все-таки сказывалось — что-то во мне стремилось вскочить, одеться и продолжить свое занятие. Подобная мелкая самодисциплина способна полностью изменить весь мир.

Третий день поисков стал проверкой моих предельных возможностей. Я все-таки обнаружил одно яркое пятно, оазис в океане хмурых лиц. В четвертом из банков, которые я посетил в этот день, я встретил поразительно симпатичного клерка примерно моего возраста. Когда я сказал, что ищу особенную женщину, она ответила мне удивительной улыбкой, с ямочками на щеках:

— А я недостаточно особенная?

— Ну... я... на самом деле, вы одна из самых особенных женщин, которых я встречал в последнее время, — рассмеялся я. Я очень сомневался, что она — та самая женщина-шаман, но по опыту с Сократусом я знал, что не стоит удивляться самым невероятным вещам: никогда не угадаешь заранее.

Она смотрела мне прямо в глаза, как будто чего-то ждала. Возможно, она просто заигрывала. Возможно, она хотела, чтобы я сделал вклад в ее банк. А может быть, она действительно что-то знала. Не исключено, что она — дочка той женщины-шамана. Или кто-то еще, связанный с ней. «Я не могу позволить себе упускать ни одну из

нитей», — сказал я себе. В любом случае, развлечение мне совсем не повредит.

— Вы знаете, кто я такой? — спросил я.

— Ваше лицо кажется знакомым. Черт! Знает она что-то или нет?

— Послушайте... — Я взглянул на карточку с ее именем. — Барбара, меня зовут Дэн. Я профессор колледжа, и я приехал в Гонолулу, и... ну... мне довольно одиноко здесь одному. Я понимаю, мы только что познакомились, но как насчет обеда вечером? Может быть, вы покажете мне, где здесь садится солнце, и мы потолкуем о заправочных станциях и старых учителях?

Она снова улыбнулась — определенно, это был хороший знак.

— Что ж, — ответила она. — По крайней мере, это действительно необычно. Моя работа заканчивается в пять. Встретимся на улице, перед банком.

— Отлично! Буду ждать.

Я вышел из банка в прекрасном настроении. Мне предстояло свидание, и, возможно, это и есть недостающая ниточка. Но почему же внутренний голос твердил мне: «Идиот! Что ты делаешь? Сокрагус отправил тебя на поиски, а ты строишь глазки девушкам из банков».

— Заткнись! — сказал я себе, и проходящий мимо незнакомец удивленно посмотрел на меня — я произнес это вслух.

На часах было 14:35. До пяти часов я успею исследовать еще пару банков. Я развернул свою карту, испещренную кружочками, указывающими банки Гонолулу — как раз за углом * находился Центральный Гавайский Банк.

Глава 3

Золото глупца

Страстным и одержимым способствуют боги.

Эсхил

Когда я вошел в зал, охранник глянул на меня, направился в мою сторону, но прошел мимо в каких-то двух шагах. Я с облегчением вздохнул и посмотрел на камеры слежения — казалось, все они обращены ко мне. Я непринужденно подошел к окошку, выбрал какой-то бланки сделал вид, что заполняю его. В нескольких метрах от меня за стойкой сидела высокая женщина лет пятидесяти с аристократическими чертами лица. Она взглянула на меня, когда я направился к ней, но не успел я открыть рот, как она встала:

— Простите, я опаздываю на обед, но я думаю, вам может помочь миссис Уолкер, — сказала она, указывая на другое окошко, развернулась и вышла.

— Хм, спасибо, — пробормотал я ей вслед.

Ни миссис Уолкер, ни другие служащие ничем не смогли мне помочь. Неудача постигла меня и в следующем банке, откуда меня выпроводил охранник, посоветовавший больше там не появляться.

Когда я вышел из очередного царства полированного мрамора и занял уже привычное сидячее положение напротив его стен, мне хотелось захохотать или разрыдаться.

— Черт с ним, — произнес я вслух. — Забудь об этом. Хватит! Никаких банков.

Я понимал важность настойчивости, но рано или поздно наступает момент, когда бесполезно продолжать биться головой об стену. Просто не сработало. Сейчас я отправлюсь на свидание, понаблюдаю за закатом солнца, а потом отправлюсь домой, в Огайо.

Я сидел, склонив голову и испытывая жгучую жалость к самому себе, как вдруг сверху донесся голос:

— Все в порядке?

Я поднял голову и увидел маленькую полную женщину с азиатскими чертами лица и седыми волосами, в свободной муу-муу и с бамбуковой тростью в руке. На вид ей было около шестидесяти лет, и она улыбалась мне с оттенком материнской заботы.

— Спасибо, все нормально, — ответил я, не без усилий поднимаясь на ноги.

— Непохоже, — сказала она. — Вы выглядите усталым. Раздраженный, я едва удержался от вспышки. Какое ей дело? Я сделал глубокий вдох и признался:

— Вы правы. Я действительно устал. Но это случилось со мной и раньше, и скоро все будет в порядке. — Я надеялся, что она просто кивнет и пойдет своей дорогой, но женщина осталась на месте и продолжала меня рассматривать.

— И все же, — сказала она, — мне кажется, что стакан сока пойдет вам на пользу.

— Вы что, врач? — Это становилось забавным.

— Нет, — улыбнулась она. — Не совсем. Но Виктор, мой крестник, тоже сгорает сразу с двух концов. — Заметив, что эта фраза меня озадачила, она быстро добавила: — Как свеча, понимаете?

Я улыбнулся. Она казалась довольно приятной дамой.

— Да, пожалуй, я не прочь выпить стакан сока. Не желаете составить компанию?

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала она, когда мы вошли в маленькое кафе рядом с банком. Она заметно прихрамывала при ходьбе.

— Меня зовут Рут Джонсон, — сообщила она, прислонив свою трость к столику и протягивая мне руку. Джонсон... Не самое обычное азиатское имя. Я решил, что она замужем за белым,

— Дэн Миллмэн, — представился я, отвечая на рукопожатие. Я заказал себе морковный сок.

— Мне то же самое, — сказала миссис Джонсон. Пока она говорила с официанткой, я изучал ее лицо — что-то гавайское и, может быть, японское или китайское. Очень загорелое.

Официантка принесла сок. Я сделал глоток и заметил, что миссис Джонсон внимательно рассматривает меня. Наши взгляды

встретились. У нее были очень глубокие глаза, чем-то похожие на глаза Сократуса. «Да хватит тебе! — подумал я. — Хватит сочинять».

Она продолжала пристально смотреть на меня и спросила:

— Я не могла встречать вас раньше?

— Не думаю, — ответил я. — Я здесь впервые.

— В Гонолулу?

«На планете Земля», — усмехнулся я про себя.

— Да, — произнес я вслух.

Она смотрела на меня еще несколько секунд и заметила:

— Что ж, должно быть, мне просто показалось. Приехали по делам?

— Да. Я работаю в колледже Оберлин, а здесь провожу исследования.

— Да ну? Оберлин? Один из моих племянников учился в Оберлине!

— Правда? — Я начал поглядывать на часы.

— Да. И мой крестник, Виктор, собирается поступать туда в следующем году. Он только что закончил школу в Пунахо. Почему бы вам не зайти к нам в гости сегодня вечером? Поговорили бы с Виктором — он будет просто в восторге от возможности встретиться с профессором из Оберлина!

— Ну... большое спасибо за приглашение, но у меня еще есть дела.

Это ее не смутило; дрожащей рукой она торопливо нацарапала на клочке бумаги свой адрес и вручила его мне.

— На случай, если передумаете.

— Спасибо еще раз, — сказал я и поднялся.

— Вам спасибо, — ответила она. — Спасибо за сок.

— Ну что вы! — сказал я, расплачиваясь с официанткой. На мгновение я заколебался, но спросил: — Вы, случайно, никогда не работали в банке?

— Нет, — ответила женщина. — А что?

— Нет, ничего.

— Что же, тогда алоха! — Она помахала рукой. — Сделайте свой день добрым.

Я остановился и повернулся к ней.

— Вы сказали: «Сделайте свой день добрым»?

— Да.

— Обычно говорят просто: «Доброго дня».

— Возможно.

— И только мой старый учитель говорил так, как вы.

— Да? — она кивнула и загадочно улыбнулась. — Забавно.

В голове у меня зашумело, язык слегка онемел. Неужели?

Она снова уставилась на меня и пронзила настолько пронизательным взглядом, что я перестал обращать внимание на все остальное.

— Я тебя знаю, — решительно сказала она.

Все вокруг словно стало ярче. Я почувствовал, как мое лицо вспыхнуло, а по всему телу прошли мурашки. Когда же я испытывал подобное в последний раз? Я вспомнил: на старой заправочной станции, в одну звездную ночь.

— Вы меня знаете?!

— Да. Сначала я не была уверена, но теперь я вижу в тебе человека с добрым сердцем, хотя ты и слишком придирчив к самому себе.

— Это все? — Я уселся и расслабился. — Это все, что вы имели в виду?

— Еще я могу сказать, что ты очень одинок и тебе нужно расслабиться. Например, прогуляться босиком по прибою... Да, тебе определенно стоит пройтись босиком по берегу океана. — Она говорила почти шепотом.

Ошеломленный, я переспросил:

— Пройтись босиком по берегу?

— Совершенно верно.

В полном тумане я встал и направился к выходу. Вслед я услышал:

— Приходи вечером, часам к семи.

Я плохо помню, как вышел из кафе. Я пришел в себя уже на ферегу, обнаружив, что бреду по чистому влажному песку Вайкики с обувью в руках, а мои босые ноги омывают океанские волны.

Очевидно, я бродил так довольно долго. Над головой с пронзительным криком пролетела чайка, и в этот миг я внезапно проснулся. Что я здесь делаю? — И тут я окончательно все вспомнил — Рут Джонсон... кафе... приглашение... семь часов вечера. Я посмотрел на часы: 18:15.

«Четверть седьмого! Уже четверть седьмого!» — повторял 9 вслух, словно это что-то значило. Вдруг меня осенило: я опоздал на свидание

с Барбарой, симпатичной девушкой из банка.

Я чувствовал себя полным идиотом.

Не представляя, к чему все это приведет, я сел в автобус, доехал до Гонолулу, а потом шел пешком, пока не нашел адрес, который дала мне Рут Джонсон. По крайней мере, я надеялся, что нашел нужный адрес, потому что ее почерк был очень неразборчивым.

В четверть восьмого я подошел к крыльцу опрятного домика. Возле него было много машин, из открытой двери доносилась танцевальная музыка, а на веранде сидела пожилая женщина, раскачивающаяся в кресле-качалке в лунном свете. Я поднялся по ступенькам и обнаружил, что- это не Рут Джонсон... В доме громко говорили и смеялись. У меня возникло неприятное подозрение, что я что-то перепутал и это не то место, куда я хотел попасть.

Женщина в кресле крикнула:

— Алоха! Давай, входи!

Я кивнул ей, вошел в дом и оказался в большой гостиной, заполненной толпой подростков и несколькими взрослыми — все танцевали, болтали, жевали. Женщины были одеты в яркие летние платья с бретельками, мужчины в основном были в джинсах и рубашках с короткими рукавами.

В этот момент музыка стихла, и я услышал всплеск — кто-то прыгнул или свалился в плавательный бассейн, видневшийся за большой стеклянной дверью с другой стороны гостиной. Последовал взрыв хохота.

Когда я подергал за руку какую-то девушку, вновь загремел рок-н-ролл, и мне пришлось кричать, чтобы заглушить музыку.

— Я ищу Рут Джонсон.

— Кого? — крикнула она в ответ.

— Рут Джонсон! — заорал я.

— Я здесь не многих знаю. — Она пожала плечами. — Эй, Джанет! — крикнула она кому-то. — Не знаешь, кто такая Рут Джонсон?

Джанет что-то сказала, но я не расслышал.

— Ладно, неважно, — сказал я и направился к двери.

Спускаясь с крыльца, я остановился и решил попытать счастья еще раз. Обратившись к женщине в кресле-качалке, я спросил:

— Скажите, Рут Джонсон здесь живет?

— Нет, — ответила женщина.

— Простите. — Я развернулся и собрался уходить, мрачно размышляя: «Интересно, ты хоть что-то способен сделать правильно?»

— Руги остановилась у своей сестры, чуть ниже по этой улице, — добавила женщина, сидящая на террасе. — Она отправилась за содовой.

В этот момент во двор въехала машина.

— А вот и она, — сказала женщина.

Вначале мне показалось, что никто не собирается выходить из машины. Потом я увидел Рут Джонсон, медленно выбирающуюся наружу. Я быстро сбежал по ступенькам, чтобы помочь ей. Я был полон решимости разобраться во всем этом до конца, чем бы это ни обернулось.

Миссис Джонсон как раз вытаскивала из машины большой пакет с продуктами, когда я оказался у нее за спиной и произнес:

— Позвольте помочь.

Она обернулась. Мне показалось, что она обрадовалась, хотя и не удивилась.

— Махало! Спасибо! — сказала она. — Видишь, я была права, когда сказала, что ты добрый человек.

— Боюсь, не такой добрый, как вам кажется, — ответил я. У меня в голове вспыхнули образы моей маленькой дочери и жены.

Я медленно поднимался по ступенькам, стараясь идти в ногу с миссис Джонсон.

— Для чего вы меня сюда пригласили?

— Извини, что я иду так медленно, — сказала она, не обращая внимания на мой вопрос. — У меня, можно сказать, небольшой ушиб. Но я быстро выздоравливаю.

— Миссис Джонсон, может быть, вы ответите на мой вопрос?

— Я очень рада, что ты нашел дом, — сказала она.

— Мне пришлось побродить...

— Да, на наши вечеринки всегда собирается целая куча людей. Мы действительно знаем, как устраивать приятный отдых!

— Но на самом деле вы не знаете, кто я?

— Не думаю, что на самом деле кто-то может хорошо знать кого-то другого. И все-таки мы пытаемся! — весело сказала она. — Раз уж ты

пришел, то почему бы не войти, не поболтать с Виктором и не повеселиться вместе со всеми?

Я уселся, прислонившись к стене, и уставился в землю. Я был совершенно разочарован.

— Что-то не так? — озабоченно спросила она.

— Нет, все в порядке.

— Эй, Руги! — крикнул кто-то из веселящихся в гостиной. — Ты купила содовую и чипсы?

— Да, сейчас принесу, Билл! Она снова повернулась ко мне:

— Прости, не мог бы ты повторить, как тебя зовут?

— Дэн. — Я расстроено поднял глаза.

— Ну же, Дэн! Заходи, потанцуй, познакомься с людьми. Это тебя оживит.

— Послушайте, я очень признателен вам за приглашение, вы действительно очень приятная леди, но я лучше пойду. Завтра у меня трудный день, нужно многое сделать. — Я внезапно почувствовал, насколько сильно устал, глубоко вздохнул и поднялся на ноги. — Приятной вечеринки и еще раз спасибо — махало — за вашу доброту. — Я направился к дорожке, ведущей на улицу.

— Минутку, — воскликнула она, прихрамывая вслед за мной. — Подожди, это была моя ошибка, а теперь тебе придется еще и выбираться отсюда. Позволь мне дать тебе кое-что на дорожку. — Она открыла свой кошелек.

— Нет, ну что вы! Я не могу... У меня есть деньги!.. Она схватила мою ладонь и заглянула мне прямо в глаза. Мир начал вращаться.

— Возьми это, — сказала она, сунув мне в руку какие-то бумажки, похожие на скомканные купюры. — Возможно, мы встретимся когда-нибудь.

Она резко развернулась и направилась в дом. Музыка зазвучала еще громче, но внезапно оборвалась, когда дверь за миссис Джонсон захлопнулась.

Все еще сжимая в руке банкноты, я покачал головой, сунул деньги в карман и вышел на улицу, в теплую тропическую ночь.

Кокосовые пальмы, баньяны и тщательно подстриженные газоны домов слегка мерцали в свете фонарей, освещавших автобусную остановку. Я уселся, охватив руками колени, и пытался освободиться от грустных раздумий. Что-то во всем этом было не так. Какая-то

ерунда. Это должна была быть она, но я ошибся. Я опять оказался в самом начале.

Я не знал, смогу ли заставить себя снова ходить по банкам — мне надоело выглядеть ненормальным. Возможно, вся эта затея действительно безумна. Может быть, жена права, когда говорит, что я странный. Ну почему я не могу быть обычным нормальным парнем, играть в бейсбол, ходить в кино и наслаждаться барбекю по воскресеньям?

Когда подъехал автобус и со свистящим звуком раскрыл передо мной двери, я уже вполне серьезно раздумывал о том, что должен завтра же вылететь в Огайо и немедленно отправиться к психотерапевту. Я вскочил на ноги, подошел к дверям, полез в карман за деньгами — и обнаружил, что Рут Джонсон дала мне совсем не деньги.

— Эй, приятель, так ты заходишь или нет? — окликнул меня водитель.

Я был занят рассматриванием мятых листков бумаги, поэтому не расслышал его и ничего не ответил. Мои глаза широко раскрылись, а дыхание замерло. Я не обратил внимания на то, что водитель закрыл двери и уехал. Мои глаза были прикованы к этим двум скомканным бумажкам. Одна из них была вырезанным из газеты объявлением, которое начиналось словами: «Молодой мирный воин, друг Сократуса...» Мое сердце яростно и учащенно билось в груди, а потом задрожало все тело.

На втором листке была записка от миссис Джонсон, написанная уже знакомым дрожащим и неразборчивым почерком:

Я из старой школы... Из трудной школы. Ничто не дается без стремления, подготовки и посвящения. Нужны доверие и вера. Через три ночи, в четверг, течение будет подходящим. Если ты хочешь продолжать, тщательно следуй всем инструкциям: ранним вечером приходи на пляж Макапуу. Я перевернул листок — там было продолжение:

В стороне мыса Макапуу ты увидишь каменистый район. Двигайся к мысу, пока не найдешь небольшую пещеру в углублении в скалах. Рядом с ней ты найдешь доску для катания на волнах. Когда останешься на пляже один — и не раньше сумерек, — садись на доску

и гребни, пока не преодолеешь прибрежный прибой. Там тебя подхватит сильное течение — позволь ему нести тебя. Убедись...

Странно... «Убедись...» На этом записка заканчивалась. Что она имела в виду? Я сунул записку в карман и задумался.

Мое удивление сменилось возбуждением и чувством глубокого облегчения. Поиски закончились. Я нашел ее! Во мне фонтаном забилась источник энергии. Все мои чувства обострились — я одновременно ощущал температуру воздуха, слышал далеких сверчков, вдыхал острый аромат свежескошенных лужаек, мокрых после недавнего дождя. До мотеля я добрался пешком. Когда я вошел в комнату, за окном начало светать.

Я с размаху упал на кровать, отозвавшуюся жалобным скрипом пружин, и мечтательно уставился в потолок. Сон наступил нескоро и очень плавно.

Мне приснились скелеты — сотни скелетов, разбросанных по черным лавовым скалам на берегу моря. Кости были выбелены палящим солнцем и обточены горячим ветром. Их скрыла огромная волна, и когда она схлынула, берег был совершенно чист—только черная, как ночь, застывшая лава. Эта чернота полностью поглотила меня, и я услышал рев, далекий и тихий, но неумолимо приближающийся.

Меня разбудил гул мотора машины мусорщиков за окнами. Я открыл глаза и долго смотрел в потолок, но яркий и отчетливый образ скелетов оказался навязчивым и вызывал во мне страх и дурные предчувствия. Все начнется вечером в четверг.

События определенно начали развиваться. В жизни наступал очередной подъем. Я чувствовал себя полным сил, совсем как в старые добрые времена! Это ощущение помогло мне осознать, что на самом деле моя жизнь все эти годы была слишком легкой: я стал воином в кресле-качалке, увлеченным воображаемыми приключениями в образе телевизионных героев. Сейчас я вновь встал на ноги и ждал звонка.

Глава 4

Жар океана

Дающее свет должно выносить его жар.

Виктор Франкль

Я не проводил никаких особых приготовлений — очевидно, от меня требовалось лишь найти лодку и немного погрести.

После обеда в четверг я собрал свои пожитки и выписался из гостиницы. Я был готов провести остаток времени на пляже, я был готов к переменам, я был готов ко всему. Или так мне казалось, когда я шел с рюкзаком за спиной к пляжу Макапуу. Вдыхая свежий, соленый воздух, я направлялся к мысу. Вдалеке, на вершине скалы из застывшей лавы старый маяк пронзал краснеющее небо.

Прогулка оказалась более продолжительной, чем я предполагал. К тому времени как я нашел пещеру, стало совсем темно. Доска для серфинга была на месте. Я ожидал увидеть обтекаемые формы современной доски из стекловолокна, но это была массивная старомодная деревянная плита, похожая на средства передвижения древних гавайских царей — я когда-то видел такую на фотографии в «Нейшнл Джиогрэфик».^[7] Я осмотрел пустынный пляж и спокойный океан. Несмотря на то что солнце уже зашло, ароматный воздух был очень приятен. Я разделся, оставив на себе лишь нейлоновые плавки, сунул одежду и бумажник в рюкзак и спрятал его в кустах. Потом я по пояс вошел в воду и стащил за собой тяжелую доску, со звонким хлопком ударившуюся о зеркало воды

Взглянув на берег в последний раз, я оттолкнулся и заскользил по приборю, неуклюже переваливаясь через медлительные волны.

Я тяжело дышал, и мне пришло в голову, что не мешало бы восстановить прежнюю спортивную форму. Мимо проплыло последнее фосфоресцирующее пятно, отражающее слабый и прерывистый свет луны, которую застилали облака. Я отдыхал на

мягких покачиваниях океана и размышлял об этом странном посвящении. Достаточно забавная выдумка Рут Джонсон, но сколько мне придется плавать, прежде чем меня принесет назад? Всю ночь?

Ритмичное дыхание океана вызвало у меня приятную истому. Я перевернулся на спину — прямо надо мной висели созвездия Скорпиона и Стрельца. Мой взгляд устремился в небеса, а мысли тоже словно понесло свободным течением. Я не знал, что произойдет дальше. Все это было настолько загадочным, что я не удивился бы, если бы дальнейшие инструкции принесла летающая тарелка.

Должно быть, я заснул, потому что внезапно сел прямо и покрепче обхватил доску ногами — сейчас ее раскачивало гораздо сильнее. Я не осознавал, что сплю, пока не проснулся. Интересно, так ли ощущается просветление?

Я огляделся, пытаюсь различить во тьме берег, как вдруг меня осенило: течение. Она написала, что течение будет «подходящим». Подходящим для чего? Я тщательно исследовал горизонт во всех направлениях, но вздымающиеся повсюду волны и сгустившиеся тучи не позволяли мне что-либо увидеть, по крайней мере, до рассвета. Не было видно ни звезд, ни земли.

Часы я оставил на берегу, и у меня не было никакого ощущения времени. Как долго меня несут волны? И куда? Я с ужасом подумал, что меня может вынести в открытое море! Мной овладела паника

В театре моего воображения разыгрались параноидальные фантазии. Что, если эта женщина—эксцентричная или просто сумасшедшая старуха? Что, если у нее какие-то старые счета с Сократусом? Не могла же она намеренно... Нет! Это просто невозможно! В этой ситуации мне не мог помочь ни один из моих испробованных методов проверки реальности.

Когда я преодолел первый приступ страха, ко мне пришла вторая волна паники. Я представил себе то, что происходит под поверхностью океана, и вздрогнул, когда воображение нарисовало мне образы гигантских темных теней, проплывающих под моей жалкой доской. Я почувствовал себя маленьким и одиноким, крохотной точкой в огромном океане, висящей в километрах над его таинственным дном.

По моим представлениям, прошли целые часы. Я лежал неподвижно, пытаюсь услышать сирену катера береговой охраны и

разглядеть в непроглядных небесах вертолет спасателей. Но никто не знал, где я сейчас, — никто, кроме Рут Джонсон.

Облака полностью скрыли луну и звезды, и небо было таким черным, что я уже не понимал, открыты или закрыты мои глаза. Я то проваливался в дремоту, то возвращался к полному Сознанию. Я боялся заснуть. Но в конце концов колыбельная мягкого покачивания океанских волн одержала победу, и я медленно погружался все глубже в тишину, как камень, плавно спускающийся в пучину моря.

Я проснулся с первыми лучами рассвета, мгновенно вспомнил, где я, вскочил — и свалился с доски. Выплывывая соленую воду, я вскарабкался на доску и посмотрел по сторонам с надеждой, которая сменилась возрастающей тревогой. Вокруг не было ничего, кроме океана. Облака все еще застилали весь горизонт, и я не видел никаких признаков земли. Судя по всему, меня вынесло в Тихий океан. Я слышал о мощных течениях, которые все уносят далеко в открытое море. Можно было бы грести, но куда? Пытаясь побороть панику, я заставил себя сделать глубокий успокаивающий вдох.

Затем ко мне пришло еще более тревожное откровение. У меня не было ни рубашки, ни панамы, ни солнцезащитных очков, ни еды, ни пресной воды. Внезапно я совершенно ясно осознал, что вполне могу умереть — это совсем не путешествие в салоне первого класса. Похоже, я сделал самую серьезную ошибку в своей жизни.

Рут Джонсон писала, что «нужны доверие и вера». «Да уж, — пробормотал я, — доверие, вера — и непроходимая тупость». Что за дурацкая идея взбрела мне в голову? Какой нормальный человек ночью поплывет на деревянной доске по воле океанского течения только потому, что незнакомая старуха написала ему записку?

— Это просто невозможно, — сказал я, с удивлением прислушиваясь к собственному голосу. Слова звучали приглушенно, терялись в бескрайнем пространстве, окружавшем меня со всех сторон. Я уже представил, как спину начинает припекать утреннее солнце.

Облака совершенно рассеялись, надо мной было чистое и пылающее лазурное небо. Времени для обдумывания ситуации было предостаточно. Собственно, кроме времени, у меня не было ничего. За исключением редкого крика альбатроса или отдаленного гула самолета где-то высоко в небе, моим единственным попутчиком была тишина.

Время от времени я хлопал ладонью по воде или начинал напевать какую-нибудь песенку — только для того, чтобы убедиться, что все еще способен слышать. Однако мои насвистывания быстро стихали. По позвоночнику медленно прокатывались волны страха.

К концу дня мне все больше хотелось пить, и страх усилился с приходом послеобеденной жары. Это не был внезапный ужас, возникающий, когда чувствуешь дуло пистолета, уткнувшееся в бок, или когда встречная машина вдруг сворачивает на твою полосу. Этот страх был спокойным пониманием, полным осознанием неизбежности того, что, если вскоре меня не спасут, я иссохну от жары и жажды посреди синего океана.

Время текло мучительно медленно, и моя кожа уже замет-до> порозовела. К вечеру жажда превратилась в наваждение. Я испробовал все, что только могло меня защитить: разворачивал доску в разных направлениях, постоянно окунался в воду, (Стараясь спрятать голову в тень доски и тщательно удерживаясь за ее потрескавшиеся края. Вода была моей единственной защитой от солнца, она манила меня в свои благословенные прохладные глубины.

Ночью мое тело то пылало от жара, то содрогалось от озноба. Малейшее движение вызывало жгучую боль. В полном отчаянии я охватывал себя руками, пытаясь унять дрожь. Ну почему я совершил такую глупость? Как я мог поверить этой пожилой женщине — и почему она так со мной поступила? Была это преднамеренная жестокость или просто ошибка? Так или иначе, результат был налицо: я умру, даже не зная почему. Почему? — спрашивал я вновь и вновь у своего затуманенного разума.

Я встретил утро, неподвижно распростершись на доске. Мое тело покрылось волдырями, а губы потрескались. Думаю, я умер бы в тот же день, но небеса даровали мне милость: с рассветом на небе появились темные тучи, и вскоре начался тропический ливень, подаривший мне несколько часов тени — и жизнь. Капли дождя сливались со слезами благодарности, текущими по моему обожженному лицу.

Мне пришлось ловить воду ртом. Я перевернулся на спину, широко раскрыл губы и пытался поймать каждую каплю, пока Челюсти не свело судорогами. Я снял плавки, чтобы они впитали каждую драгоценную каплю пресной воды.

Очень скоро вернулось палящее солнце, и небо вновь было таким чистым и высоким, что прошедший ливень остался только в моих воспоминаниях. Трещины на губах стали еще глубже. Со всех сторон окруженный водой, я умирал от жажды.

Махатма Ганди однажды сказал: «Перед голодным Бог может предстать только в форме хлеба». В тот день вода стала моим богом, моей святыней, единственным предметом моего страстного вожделения. Меня уже не заботили ни просветление, ни понимание— я променял бы любые небесные откровения на стакан чистой, холодной и живительной воды.

Большую часть дня я провел, окунувшись в море и цепляясь за свою доску, но это не могло успокоить мою ужасную жажду. Потом мне показалось, что неподалеку мелькнул черный плавник, и я быстро залез назад на доску. Однако чуть позже, когда моя кожа вновь начала пылать и я чувствовал, что просто сгораю заживо, мне в голову пришла мысль о том, что челюсти акулы могут стать единственным спасением от надвигающейся медленной смерти. Как раненый олень, подставляющий горло зубам льва, какая-то часть меня стремилась немедленно покончить со всем этим, погрузиться в воду и исчезнуть в глубинах океана.

Пришла долгожданная ночь, и меня снова трясло в лихорадке. В приступах горячки я мечтал о купании в горном ручье, об огромных стаканах ледяной воды, о прохладных бассейнах, о воде, проникающей во все клеточки моего организма. Потом передо мной возникало обрамленное седыми волосами лицо Рут Джонсон, и эти глубокие глаза смеялись над моей глупостью.

Сознание проваливалось и всплывало вновь в такт волнам, качающим доску. Рациональное мышление возникало и исчезало, как приливы и отливы. В одно из мгновений ясности я понял, что, если завтра мне не доведется добраться до земли, я умру.

Перед моим внутренним взором проносились картины прошлого: мой домик в Огайо, двор и садик, я читаю какой-то роман в шезлонге в тени березы, потягивая лимонад, играю с дочерью, съедаю бутерброд, чуть только почувствовав легкий голод — такова сладость комфорта и безопасности. Теперь все это казалось далеким сном, а наяву я пребывал в кошмарной реальности. Если мне и удалось заснуть в эту ночь, то я этого не помню.

Утро пришло слишком быстро.

В этот день я познал муки ада: страдания жажды и невыносимая боль ожогов, парализующий страх и истощающее ожидание. Несколько раз я едва удерживался от того, чтобы не соскользнуть в воду, уплыть прочь от доски и позволить Смерти забрать меня — я был готов на все, только бы прекратить эти мучения. Я проклинал свое тело, эту смертную оболочку. Сейчас она превратилась в тяжкую ношу, в источник невообразимых страданий. Но что-то во мне отчаянно цеплялось за жизнь и было исполнено решимости сражаться за нее до последнего вздоха.

Солнце двигалось по небосводу удивительно медленно. Я уже научился ненавидеть эту ясную голубизну и посылал мысленную благодарность каждому облачку, на время скрывающему меня от испепеляющих лучей солнца. Я сползал с деревянной доски и погружался в океан прохладной воды, которой нельзя было утолить мою дикую жажду.

Очередной и, очевидно, своей последней ночью я был совершенно обессилен и истощен. Я не спал и не бодрствовал — это было возвращением в чистилище. Сквозь полуприкрытые веки я видел скалы вдали, и мне казалось, что я слышу шум прибоя, разбивающегося о камни. Внезапно я вернулся к сознанию и понял, что это был не мираж. Я действительно видел это! Во мне вспыхнула надежда — впереди была жизнь, и я не собирался упускать этот шанс. Мне хотелось плакать, но для слез в моем теле уже не осталось влаги.

Я испытал прилив энергии. Сейчас мой ум был кристально ясен и сосредоточен. Течение все быстрее несло меня к скалам и неожиданно стало яростным. Я помню, как пытался дотянуться до своей доски после того, как волна подбросила меня высоко в воздух и стряхнула с нее. Ударившись о камни, я потерял сознание.

Глава 5

Новые начинания

*Исцеление — вопрос времени,
но иногда это еще и вопрос возможности.*

Гиппократ

На острове Молокаи, в долине Пелекуну, в поросших мхом скалах спряталась маленькая хижина. Из нее доносились вскрики женщины. «Мама Чиа! Мама Чиа!» — кричала она от боли и страха, сопротивляясь мучениям трудных родов.

Молокаи — сюда в 1800-х годах ссылали прокаженных и оставляли их здесь умирать отрезанными от всего мира стеной страха и невежества.

Молокаи — дом коренных гавайцев, японцев, китайцев, филиппинцев и небольшого числа американцев и европейцев; прибежище контркультуры и иного образа жизни; родина выносливого и независимого народа, избегающего цивилизации и наплыва туристов с соседних островов; работающего и живущего простой жизнью народа, который учит своих детей вечным ценностям и любви к природе.

Молокаи — остров духов природы и древних легенд, место тайных захоронений кахуна купуас — шаманов, магов и знахарей, духовных воителей, живущих в гармонии с энергиями Земли.

Молокаи готовился принять на свою землю нового жителя, новую душу, новую жизнь.

Голова Мицу Фуджимото, миниатюрной полуамериканки-полуяпонки лет сорока, металась из стороны в сторону, лоб был покрыт испариной. Она плакала, стонала и молилась за свое дитя, слабо выкрикивая: «Мама Чиа!» Отчаянно напрягаясь, содрогаясь при каждой очередной схватке, она сражалась за жизнь своего ребенка.

Часы или минуты спустя — я не могу определить, сколько прошло времени, — после метания в бреду, возвращения и провалов сознания, я проснулся — и ко мне вновь вернулась отчаянная жажда. Но если я

испытываю жажду, то я все еще жив! Это простое логическое заключение ошеломило меня, и в эти мгновения ясности разума я ощутил свое тело и прошел по нему внутренним взором, критически оценивая состояние каждого органа. Голова гудела, кожа горела огнем. И я ничего не видел — я ослеп! Я пошевелил рукой. Движение было невероятно слабым. Я ощупал свои глаза и с огромным облегчением обнаружил, что они покрыты легкой тканью.

У меня не было никакого представления о том, где я — в палате больницы, дома в Огайо или где-то в Калифорнии. Может быть, я заболел или со мной произошел какой-то несчастный случай? Возможно, все это лишь сон.

Длинные черные волосы Мицу спутались и беспорядочными прядями покрывали ее лицо и подушку. После того как около десяти лет назад умер ее первый ребенок, она поклялась никогда больше не иметь детей — она не смогла бы пережить страданий еще одной утраты.

Но когда она пересекла рубеж сорокалетия, то поняла, что у нее остался последний шанс. Сейчас — или никогда. Так Мицу Фуджимото и ее муж Сей приняли решение.

Через несколько месяцев лицо Мицу засияло, а живот округлился. Бог благословил чету Фуджимото ребенком.

Сейчас Сей побежал в долину за помощью. Мицу, скорчившись, лежала на кровати, пользуясь передышкой между схватками, — обессиленная, одинокая и испуганная, измученная мыслями о том, что может случиться самое страшное. Когда подступала новая волна схваток и ее живот вновь превращался в камень, Мицу начинала выкрикивать имя Мама Чиа.

Когда я снова пришел в сознание, мир по-прежнему был темным — мои глаза все еще были покрыты повязкой. Кожа все так же горела, и мне оставалось только стонать и терпеть эту боль.

Я услышал какой-то звук, словно кто-то выжимал мокрую тряпку над ведром с водой. В это мгновение моего лба коснулась прохладная ткань, а мои ноздри затрепетали, почуяв аромат воды.

Мои чувства были настолько обострены, что по щекам покатились слезы.

— Спасибо, — прошептал я. Мой голос срывался и я сам едва его слышал.

Я медленно поднял руку и слабо пожал тонкую ручку, которая держала влажный компресс и сейчас прикладывала его к моей груди и плечам.

Я был удивлен, услышав голос девяти-десятилетней девочки.

— Отдыхайте, — сказала она.

— Спасибо, — повторил я и добавил: — Воды... пожалуйста...

Другой рукой девочка мягко приподняла мою голову, чтобы я мог напиться. Я ухватился за чашку и начал жадно пить. Вода стекала по моему подбородку на грудь. Девочка отняла от меня чашку.

— Мне очень жаль, но я могу давать вам только немного воды за один раз, — извинилась она, опуская мою голову на подушку. Я тут же заснул.

Страдания Мицу продолжались, но она была уже слишком истощена, чтобы напрягаться, и слишком слаба, чтобы говорить. Дверь хижины внезапно отворилась, и в нее вбежал ее муж, задыхаясь от бега по крутому подъему.

— Мицу! — воскликнул он. — Я привел ее!

— Фуджи, мне нужны чистые простыни — немедленно! — Оказала Мама Чиа, которая торопливо подошла к измученной роженице и уже осматривала ее. Она потерла руки:

— Еще три чистых полотенца. И вскипяти большой таз воды. Потом вернись к грузовику и принеси кислород.

Быстро и уверенно Мама Чиа — акушерка, знахарка, кахуна — еще раз осмотрела Мицу и начала готовиться к приему ребенка. Эти роды будут трудными, но с Божьей помощью и при содействии духов острова она сможет сохранить жизнь матери и помочь появиться на свет новой душе.

Жар кожи превратился из непрерывной жгучей боли в мягкую пульсацию. Я осторожно попытался пошевелить мышцами лица.

— Что со мной случилось? — в отчаянии спросил я, все еще надеясь очнуться от этого кошмара — глупого, безумного и мучительного.

Нет, это был не сон. Слезы навернулись на мои глаза. Я совершенно ослабел и едва мог двигаться, мои губы пересохли и потрескались. Я с трудом произнес:

— Воды... — но меня никто не слышал.

Я вспомнил, что сказал Сократус о поиске чего-то значимого: «Лучше никогда не начинай. Но если начал — закончи». — Лучше и не начинай, лучше и не начинай... — пробормотал я, вновь погружаясь в сон.

Крик младенца донесся из открытых окон крохотной хижины и растворился в джунглях. Мицу слабо улыбнулась, глядя на ребенка у своей груди. Сияющий Фуджи сидел рядом, нежно поглаживая то руку жены, то младенца. По его щекам катились слезы радости.

Мама Чиа прибирала комнату. В прошлом ей приходилось уже множество раз делать это.

— Мицу и твой сын будут в полном порядке, Фуджи. Я оставлю их на твое попечение, и я уверена, что передаю их в надежные руки. — Она улыбнулась.

Плачущий Сей смущенно сжал обе руки Мамы Чиа в своих и заговорил, сбиваясь с гавайского на японский и английский.

— Мама Чиа, махало! Махало! Аригато госсшмас! Как я смогу отблагодарить тебя? — спросил он, глядя на нее влажными от слез счастливыми глазами.

— Ты уже это сделал, — ответила она. Но выражение его лица показывало, что ни слова, ни слезы радости не станут для Фуджи достаточной мерой благодарности. Для него это был вопрос чести и гордости, поэтому она добавила:

— Немного овощей с твоего поля, когда придет время урожая, будет вполне достаточно. У тебя лучший ямс на острове.

— Ты получишь все самое лучшее! — поклялся он.

В последний раз взглянув на усталое, но счастливое лицо Мицу, качающей ребенка, Мама Чиа собрала свои вещи, вышла из хижины и начала свой неторопливый спуск в долину. Ей нужно было навестить еще одного пациента.

Я проснулся, когда уже знакомые маленькие руки приподняли мою голову и аккуратно влили мне в рот несколько капель жидкости. Я жадно проглотил их; жидкость была странной на вкус, но приятной. Еще пара глотков — и девочка отобрала у меня чашку, а потом смазала какой-то мазью мое лицо, грудь и руки.

— Это отвар из плодов дерева нони и сока алоэ, — сказала она тонким голоском. — Он поможет вылечить ваши ожоги.

Очнувшись в следующий раз, я почувствовал себя гораздо лучше. Головная боль почти прошла, а кожа уже не горела, хотя и была натянутой. Я открыл глаза—повязку с них уже сняли — и с радостью обнаружил, что не потерял зрение. Медленно повернув голову, я осмотрелся: я был один и лежал на узкой кровати в углу маленькой и опрятной однокомнатной бревенчатой хижины. Сквозь щели в стенах прорывались лучи света. В ногах кровати стоял деревянный сундук, а у дальней стены — комод с множеством ящиков.

В моей голове крутились вопросы. «Где я? Кто меня спас? Кто перенес меня сюда?»

— Эй? — сказал я. — Эй! — Я крикнул громче и услышал за дверью шаги. В комнату вошла девочка, у нее были гладкие темные волосы и прекрасная улыбка.

— Привет! — сказала она. — Как вы себя чувствуете? Вам лучше?

— Да, — сказал я. — Кто... кто ты? И где я?

— Вы здесь — лукаво улыбаясь, ответила она. — Я — Сачи, помощница Мама Чиа, — гордо добавила она. — Мое полное имя Сачико, но Мама Чиа зовет меня Сачи...

— Кто такая Мама Чиа? — перебил я.

— Моя тетя. Она учит меня искусству кахуна.

— Кахуна? Значит, я все еще на Гавайях?

— Ну конечно! — Она рассмеялась над моим глупым вопросом. — Это Молокаи. — Она показала на выцветшую карту Гавайских островов, которая висела прямо над моей кроватью.

— Молокаи? Меня отнесло к Молокаи?! — пораженный, повторил я.

Мама Чиа медленно брела по извилистой тропе. Эта неделя выдалась трудной, и она очень устала за последние несколько дней. Работа потребовала от нее гораздо большей энергии, чем могло дать ее физическое тело.

Она неумоимо продолжала идти сквозь лес. Отдыхать не было времени, ей хотелось проведать своего нового пациента. Ее цветастое платье было все еще влажным от недавнего ливня, и его подол был забрызган пятнами грязи. Волосы слиплись на лбу мокрыми прядями. Но сейчас ее не беспокоил внешний вид, и она так быстро, как только могла, шла по этой скользкой тропе в джунглях, ведущей к ее новому больному.

Наконец она достигла последнего поворота — ее тело знало эту тропу настолько хорошо, что она могла бы пройти по ней с закрытыми глазами, — и увидела небольшую поляну, на которой в тени деревьев стояла хижина. «Странно, все на месте», — шутливо подумала Мама Чи. Она прошла мимо сарайчика с утварью, крошечного огорода и вошла в дом.

Я медленно сел в кровати и посмотрел в окно. Было послеобеденное время, солнце уже висело низко и освещало противоположную стену комнаты. От слабости у меня закружилась голова, и я снова лег.

— Сачи! — позвал я. — Как я сюда попал? И... Я рывком сея в кровати и чуть не потерял сознание, когда увидел женщину, которая вошла в комнату и подошла ко мне.

— Рут Джонсон?! — воскликнул я, совершенно ошеломленный. — Это невозможно! Я что, сплю?

— Вполне возможно, — ответила она.

Но нет, это был не сон. Передо мной стояла женщина, которая отправила меня в это кошмарное путешествие в океане на деревянной доске.

— Вы чуть не убили меня! — крикнул я.

Она прислонила свою трость к стене, молча взбила мне подушку и мягко уложила в постель. Она не улыбалась, но в ее лице была такая нежность, какой я никогда не видел раньше. Она обернулась к девочке:

— Ты хорошо о нем позаботилась, Сачи. Твои родители могут гордиться тобой.

Сачи вспыхнула от удовольствия, ее лицо засветилось. Но я был занят своими мыслями.

— Кто вы? — спросил я. — Почему вы так со мной поступили? Что происходит?

Она ответила не сразу. Достав пузырек с мазью, она начала растирать ее по моему лицу, и только потом тихо сказала:

— Не понимаю. Ты совсем не похож на глупенького мальчика. Так почему же ты не выполнил мои указания? Почему не взял с собой ни воду, ни еду, ни одежду, ни средство от загара, ни солнцезащитные очки?

Я оттолкнул ее руку и снова сел.

— Какие указания? Зачем бы ночью понадобились очки? Кто берет с собой воду и еду, катаясь на доске для серфинга? И почему вы не сказали, что все это мне понадобится?

— Но я написала об этом! — воскликнула она. — В той записке я писала, чтобы ты убедился, что взял трехдневный запас воды, пищи, что-то для защиты от солнца и...

— В записке не было ни слова об этом! — оборвал я.

Она замолчала и задумалась, явно озадаченная.

— Как не было? — спросила она, глядя в пространство. — На второй странице я обо всем этом написала.

— На какой второй странице? — спросил я. — Вы мне дали вырезку из газеты и записку. Она была исписана с двух сторон...

— Но была ведь еще одна страница! — заявила она. И тут меня осенило:

— Записка заканчивалась словом: «Убедись...» Я решил, что вы предлагаете мне действовать решительно и довериться вам.

Когда Мама Чиа поняла, что произошло, она закрыла глаза — и по ее лицу пробежала волна самых разных чувств. Печально покачивая головой, она вздохнула.

— На второй странице я рассказывала обо всем, что тебе понадобится, и о том, куда тебя принесет течение.

— Я... наверное, я обронил эту страницу, когда сунул эти бумажки в карман. — Я откинулся на подушку, не зная, плакать или смеяться. — А в океане я решил, что вы действительно относитесь к «трудной школе».

— Ну не настолько же трудной! — воскликнула она.

Мы оба захохотали. Что нам оставалось делать? Все это было совершенно нелепым. Продолжая смеяться, она добавила:

— А когда ты окрепнешь, мы столкнем тебя в пропасть, чтобы завершить начатое.

Я хохотал еще больше, чем она, так, что у меня снова заболела голова. Правда, в первое мгновение я не был уверен, что она шутит.

— Но кто же вы? Я имею в виду...

— На Оаху я была Рут Джонсон. Здесь, где живут мои друзья, ученики и пациенты — а теперь еще и кое-кто, кого я пыталась убить, — меня зовут Мама Чиа.

Она снова улыбнулась.

— Мама Чиа... Но как же я попал сюда? Она показала на карту островов:

— Течения пронесли тебя по проливу Каиви, мимо мыса Илио, и дальше, на восток, вдоль северного побережья Моло-каи, мимо мыса Кахиу — к Камакоу. Там тебя и выбросило на берег — к сожалению, не очень мягко, — именно там, где я ожидала, возле долины Пелекуну. С берега ведет одна тропа, о которой знают только немногие. Друзья помогли мне перенести тебя сюда.

— И где мы сейчас?

— Это уединенное место, лесной заповедник. Я покачал головой и поморщился от боли.

— Ничего не понимаю. Зачем нужно было делать все так загадочно?

— Это часть твоего посвящения, я ведь тебе говорила. Если бы ты приготовился к путешествию... — Она сделала паузу. — Я была слишком беспечна. Прости меня за то, что тебе пришлось вынести все это, Дэн. Я всего лишь собиралась устроить тебе испытание на доверие, а не зажарить тебя заживо. Как и у Сократуса, у меня есть склонность к театральности.

— Хм, — сказал я. — Могу ли я хотя бы считать, что прошел посвящение?

— Надеюсь, да, — вздохнула она. Помолчав, я спросил:

— Как вы узнали, что я приехал на Гавайи? Еще несколько дней назад я сам не знал, что окажусь здесь. Знали ли вы, кто я, когда мы встретились там, возле банка? И как вы нашли меня в первый раз?

Перед тем как ответить, Мама Чиа задумчиво посмотрела в окно:

— Здесь проявились особые силы—мне трудно объяснить это как-то иначе. Я не часто читаю газеты, и практически никогда не читаю колонки частных объявлений. Но когда я навещала свою сестру на Оаху, перед очередной вечеринкой Виктора, я нашла эту газету на столике. Мы собирались пройтись по магазинам, и я дожидалась внизу, пока сестра соберется. От нечего делать взяла в руки газету и полистала ее. Мои глаза почему-то сразу остановились на твоём объявлении, и по телу словно прошел электрический разряд. Я ощутила предопределенность, судьбу.

Я лежал неподвижно, но по спине у меня забегали мурашки. Она продолжала:

— Я прочитала объявление и увидела твое лицо почти так же ясно, как вижу сейчас. — Она нежно погладила мою обожженную щеку. — Я так рада, что ты наконец-то добрался сюда.

— Но почему вы радуетесь? Почему вы так заботитесь обо мне?

— Когда я прочла твое объявление, я вспомнила все, что Сократус писал о тебе.

— И что он писал?

— Пока не важно. Сейчас тебе нужно поесть, — сказала она, поднялась и извлекла из своей сумки манго и папайю.

— Я не голоден, — заявил я. — У меня весь желудок ссохся. И мне хочется знать, что Сократус писал обо мне.

— Ты ничего не ел почти неделю, — мягко возразила она.

— Это и раньше бывало, — улыбнулся я. — К тому же мне не повредит сбросить лишний вес. — Я показал на свою талию, которая заметно утончилась.

— Может быть. Но эти плоды освящены и помогут тебе быстрее выздороветь.

— Вы действительно верите в такие вещи?

— Я не верю — я знаю, — спокойно сказала она, разрезав папайю, вытряхнув из нее черные косточки и протянув мне половину плода. Я посмотрел на папайю.

— Пожалуй, я действительно чуточку голоден, — признался я и откусил маленький кусочек. Я ощутил сладость плода, тающего у меня на языке. Я вдохнул его тонкий экзотический аромат и восторженно замычал, снова впившись в сочную мякоть. — Он действительно целительный?

— Конечно, — сказала она, протягивая мне ломтик манго. — Этот тоже.

Я покорно жевал, и мой аппетит разгорался все сильнее. Продолжая есть, я спросил:

— Так как же вы нашли меня тогда, прямо на улице?

— Еще один поворот судьбы, — сказала она. — Прочитав твое объявление, я решила связаться с тобой, но сначала хотела понаблюдать, сможешь ли ты сам найти меня.

— Я бы никогда не нашел вас — ведь вы никогда не работали в банке.

— Я ушла из банка шесть лет назад.

— Что ж, все-таки мы нашли друг друга, — сказал я, проглатывая очередной кусочек манго. Мама Чиа улыбнулась:

— Да. А теперь мне пора идти, а тебе нужно отдохнуть.

— Мне намного лучше, правда, и я хотел бы узнать, почему вы так рады, что я добрался сюда.

Она снова раздумывала, прежде чем ответить.

— Есть кое-что большее, что ты пока еще не можешь увидеть. Когда-нибудь ты сможешь встретиться с многими людьми, найти правильную точку приложения своих усилий и перевернуть свой мир. Теперь закрой глаза и поспи.

«Точка приложения усилий...» — думал я, закрывая глаза. Эти слова эхом отдавались в моей голове, и я вдруг вспомнил один случай, который произошел много лет назад, когда я еще был с Сократусом. Мы шли по студенческому городку Беркли, только что позавтракав в кафе «У Джозефа». Ко мне подбежал какой-то парень и сунул в руку листовку.

— Взгляни, Сок, — сказал я. — Это о спасении китов и дельфинов. На прошлой неделе они раздавали листовки об угнетенных, а на позапрошлой — о голодающих детях. Иногда я испытываю чувство вины. Я занимаюсь только своими делами, а ведь столько людей нуждаются в помощи.

Сократус выразительно посмотрел на меня, но продолжал идти молча, словно не услышал того, что я сказал.

— Ты меня слышишь, Сократус?

Он остановился, повернулся ко мне и сказал:

— Пять долларов, если ты дашь мне пощечину.

— Что? Как это связано с тем, что...

— Десять долларов! — оборвал он меня и начал игриво шлепать меня по щекам, но я отказался от игры и отстранился.

— Я никогда раньше не бил пожилых людей, и поэтому не собираюсь...

— Поверь мне, мой мальчик, у тебя просто нет никаких шансов дать пощечину старику. У тебя реакция, как у улитки.

Это на меня подействовало. Я сделал несколько обманчивых взмахов, а потом действительно попытался ударить его по щеке — и обнаружил, что лежу на траве и не могу пошевелиться, зажатый крепким захватом. Потом Сократус помог мне подняться и спросил:

— Ты понял, что даже небольшое усилие при правильной точке приложения может оказаться очень эффективным?

— Да уж, заметил, — ответил я, потирая поясницу.

— Чтобы по-настоящему помогать другим, ты должен научиться понимать их. Но ты не сможешь понять другого человека, пока не разобрался в себе. Познай себя; подготовься, выработай в себе ясность, смелость и чувствительность, необходимые, чтобы найти правильную точку приложения силы—нужное место и нужное время. Только тогда ты способен действовать.

Это было последнее, что я вспомнил. Я уснул.

Меня разбудила Сачико, которая принесла свежие фрукты и кувшин с водой. Она помахала мне рукой и убежала, крикнув на прощанье:

— Мне пора в школу.

Вскоре пришла Мама Чиа. Она опять смазала мое лицо, шею и грудь своим пахучим бальзамом:

— Ты быстро поправляешься. Впрочем, я этого и ожидала. Я сел в постели и потянулся.

— Через несколько дней я буду готов к отъезду.

— К отъезду? — переспросила она. — Ты думаешь, что уже готов куда-то отправиться? И что ты собираешься найти там, куда собираешься? Что ты нашел в Индии?

— Откуда вы знаете? — изумленно спросил я.

— Вот когда ты поймешь, откуда я все это знаю, — заявила она, — тогда и будешь готов продолжить свое путешествие. — Она пронзила меня пронизательным взглядом. — Эйб Линкольн однажды сказал, что, если у него будет шесть часов на то, чтобы срубить дерево, он проведет пять из них, затачивая топор. Впереди у тебя большие задачи, а ты еще не заточен. И это потребует времени и больших затрат энергии.

— Но я чувствую себя все лучше. Скоро у меня будет вполне достаточно энергии.

— Я говорю не о твоей, а о своей энергии.

Я вновь прилег, почувствовав внезапную усталость.

— Мне действительно нужно ехать. У вас много других проблем, много других людей, которым нужно помочь. Я не хочу навязываться.

— Навязываться? — откликнулась она. — Разве алмаз навязывается ювелиру? Разве сталь навязывается кузнецу? Прошу тебя, Дэн, останься. Я не могу представить себе лучшего применения своей энергии.

Ее слова ободрили меня, и я улыбнулся.

— Что ж, возможно, это будет не так трудно, как вы думаете. Я хороший гимнаст и знаю, как правильно распределять свои силы. И я довольно долго учился у Сократуса.

— Да, — сказала она. — Сократус готовил тебя для меня. А я подготовлю тебя к тому, что последует потом. — Она закрыла пузырек и поставила мазь в комод.

— А что последует потом? Что-то уже запланированное? Чем вы вообще здесь занимаетесь? Она рассмеялась.

— Я играю разные роли, и надеваю новые наряды для каждого нового человека. Но для тебя я буду ходить без театральных нарядов. — Она помолчала. — Большую часть времени я помогаю своим друзьям. Иногда я просто сижу и ничего не делаю. Иногда я практикую смещение формы.

— Смещение формы?

— Да.

— Что это значит?

— Самые разные вещи. Слияние с духом животных, камней или воды — что-то вроде этого. Видение жизни с другой точки зрения, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Но не можете ведь вы на самом деле...

— Мне пора идти, — сказала она, оборвав мой вопрос. — Нужно кое с кем повидаться. — Она подняла сумку, которая стояла у книжной полки, взяла свою трость и вышла, прежде чем я успел что-то сказать.

Не без усилий я уселся в постели. Сквозь полуоткрытую дверь я видел, как она, прихрамывая и размахивая тростью, поднимается по извилистой лесной тропе.

Я снова улегся на подушку, смотрел на узкие лучики солнца, просачивающиеся сквозь легкие занавески, и размышлял о том, когда вновь смогу спокойно относиться к солнечным лучам.

Я пережил ужасные события, но все-таки нашел ее! Мое тело вздрагивало от возрастающего радостного предвкушения. Возможно,

будущее будет трудным, даже опасным, но, по крайней мере, оно у меня появилось.

Глава 6

Босиком по джунглям

*Самый чистый путь Вселенной
проходит через лесные чащи.*

Джон Мюир

Проснувшись, я почувствовал страшный голод и с радостью обнаружил на столике корзину с фруктами. В ящике стола я нашел нож и ложку и довольно быстро справился с двумя бананами, манго и папайей. Несмотря на то что я старался есть помедленнее, фрукты исчезли практически мгновенно.

Почувствовав себя намного бодрее, я решил провести небольшую разведку. Я свесил с кровати ноги, ощутил легкое головокружение, подождал, пока оно пройдет, и встал на ноги. Покачиваясь от слабости, я осмотрел себя: мое тело сильно похудело, и плавки чуть не спадали с бедер. «Нужно будет написать книгу о диете, — подумал я. — Я назову ее «Метод серфинга». Можно кучу денег заработать».

На полусогнутых ногах я направился к кувшину с водой, стоящему на комодe, сделал большой медленный глоток, а потом посетил что-то вроде химического туалета за ширмой. Какое облегчение! По крайней мере, мои почки еще работали.

Потом я принялся разглядывать себя в старом зеркале. Мое лицо было покрыто подсыхающими язвами и струпьями и казалось совершенно незнакомым. Часть спины все еще была забинтована. Как могла эта малышка, Сачи, смотреть на меня и тем более прикасаться ко мне без отвращения?

Делая частые передышки, я вышел наружу и присел в тени хижины и деревьев. Ходить босиком по упругой земле было очень приятно, но мои ноги все еще дрожали. К тому же без обуви я не мог зайти далеко. Я вспомнил о рюкзаке со всеми моими пожитками и бумажником. Не нашли ли его? Если так, то они могли решить, что я утонул. А может быть, его нашел какой-то воришка, и сейчас он пользуется моим

бумажником и кредитной карточкой? Нет! Я хорошо спрятал рюкзак — сунул его в кусты и прикрыл сухой листвой. Нужно будет сказать о нем Маме Чиа, когда она появится... Как оказалось, это произойдет только через несколько дней.

Я немного прогулялся по тропе, пока не нашел удобную точку обзора. Вдалеке, в центре острова, высоко в небо упирались голые лавовые скалы, возвышающиеся над сплошными джунглями. Где-то внизу сквозь буйные заросли можно было видеть фрагменты лазурного неба. По моей оценке, по высоте хижина располагалась примерно посередине между вершинами скал и уровнем моря.

Усталый и удрученный своей слабостью, я вернулся к дому, лег в постель и снова заснул.

Шли дни, и мой аппетит вернулся к норме. Я поглощал тропические фрукты, сладкий ямс, картофель, кукурузу, таро и — хотя обычно моя диета была вегетарианской — небольшое количество свежей рыбы и что-то вроде супа из водорослей, который регулярно появлялся на комодке каждое утро. Я подозревал, что его приносила Сачико. Позже Мама Чиа настаивала на том, чтобы я ел этот суп, потому что «он лечит ожоги и последствия облучения».

Ранним утром и после обеда я гулял и теперь заходил дальше, поднимаясь на несколько сот метров вглубь буйной растительности долины, вверх по тропе, окруженной гладкими деревьями кукуй, искривленными стволами баньяна, стройными пальмами и эвкалиптами, листья которых по вечерам слабо мерцали, волнуемые морским бризом. Изыщные папоротники умау-мау перемежались красным и белым имбирем, а красноватая земля была покрыта толстым ковром мха, травы и опавшей листвы.

За исключением небольшой ровной площадки, на которой стояла хижина, все вокруг росло на довольно крутых склонах. Сначала я очень быстро уставал, и мне приходилось останавливаться, чтобы успокоить сбившееся дыхание, когда я карабкался вверх, вдыхая влажную атмосферу джунглей. Далеко внизу, в нескольких километрах от меня, в море врезались острые утесы — пали. Как же им удалось перенести меня сюда, в хижину?

Каждое утро в моем сознании оставались следы ночных сновидений — образ Мамы Чиа и ее голос. И каждое утро я чувствовал себя необъяснимо бодрым. Подходя к зеркалу, я с

удивлением наблюдал, как быстро заживают и исчезают мои язвы на лице и как на нем появляется новая нежная кожа. Я уже практически выздоровел — и новая кожа была еще лучше старой. Ко мне вернулись физические силы, а с ними и нетерпение. Я нашел Маму Чиа. Я здесь. Что теперь? Что мне нужно узнать и сделать, прежде чем она направит меня к следующему этапу моего путешествия?

Я проснулся, когда солнце было уже почти в зените. Я лежал неподвижно и прислушивался к пронзительным крикам птиц, доносившимся из леса, а потом встал и собрался на традиционную короткую прогулку. Мои босые ступни уже привыкли к земле.

Возвращаясь с прогулки, я увидел Маму Чиа, входящую в хижину и, судя по всему, рассчитывавшую застать меня в постели. Я быстро спустился по склону, практически съехал по влажным листьям, скользким после недавнего ливня. Я гордился своим быстрым выздоровлением и решил немного подшутить на Мамой Чиа, поэтому спрятался за сараем. Выглядывая из-за угла, я видел, как она с озадаченным видом вышла из дома и огляделась вокруг. Я снова спрятался в тень и прикрыл рот рукой, чтобы не выдать себя рвущимся наружу смешком, потом сделал глубокий вдох и вновь выглянул из своего укрытия. Возле дома никого не было.

Испугавшись, что она могла пойти на поиски, я вышел из-за сарая и уже собрался позвать ее, как вдруг чья-то рука схватила меня за плечо. Я обернулся и увидел, что Мама Чиа стоит рядом и улыбается мне.

— Как вы узнали, что я здесь? — спросил я.

— Я услышала, как ты меня зовешь.

— Но я вас не звал!

— Нет, звал.

— Да нет же! Я собирался, но...

— Как же тогда я узнала, где ты прячешься?

— Я вас об этом и спрашиваю!

— Что ж, похоже, мы вернулись к тому, с чего начали, — сказала она. — Садись. Я принесла обед.

Услышав слово «обед», я с готовностью подчинился и уселся прямо на землю, на толстый слой листьев в тени пальмы. У меня в животе заурчало, когда я увидел пышный ямс — лучший, какой мне только доводилось пробовать, — особо приготовленный рис и богатый

выбор свежих овощей. Не представляю, как ей удалось принести все это в своей небольшой сумке.

Когда мы принялись за еду, разговор ненадолго угас. Наконец, продолжая жевать, я сказал:

— Спасибо. Вы действительно умеете готовить!

— Не я, — ответила она. — Готовила Сачи.

— Сачико? Кто научил ее так здорово готовить?

— Отец.

— Вот это девочка — столько талантов! Ее родители действительно должны гордиться ею.

— Они более чем горды ею. — Мама Чиа отложила еду и внимательно смотрела в сторону густого изумрудного леса. — Я расскажу тебе одну историю. Девять лет назад я помогла Сачи появиться на свет. Когда ей было четыре года, я приняла и ее младшего брата.

Вскоре после того, как он родился, малышка Сачи стала упрашивать своих родителей позволить ей побыть с ним наедине. Они колебались, ведь ей было всего четыре, она могла испытывать ревность и, например, ударить его, поэтому сперва они отказали. Но она не проявляла никаких признаков ревности и относилась к ребенку с большой нежностью. К тому же ее просьбы оставить их одних стали настойчивыми. И они решили позволить ей это.

— Счастливая, она отправилась в детскую и закрыла за собой дверь, но в ней была щелка — достаточная для того, чтобы любопытные родители смогли видеть и слышать то, что происходит в комнате. Они увидели, как малышка Сачи подошла к своему брату, приблизила свое лицо к его лицу и тихо спросила: «Малыш, расскажи мне, какой он, Бог? Я уже начинаю забывать...»

— Она так и сказала? — пораженный, переспросил я.

— Да.

После долгого молчания я заметил:

— Я вполне понимаю, почему она стала вашей ученицей. Мы еще какое-то время посидели молча, отдыхая в тени дерева, пока Мама Чиа не сказала:

— Завтра пойдем погуляем.

— Вместе? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Ты пойдешь в горы, а я — вниз, к морю.

Я еще недостаточно хорошо знал Маму Чиа, и мне было трудно понять, шутит она или нет. Заметив мое смущение, она расхохоталась и сказала:

— Ну разумеется, вместе!

Я почувствовал, что завтра начнется самое главное. Я посмотрел на свои потрепанные плавки, голые ноги и грудь.

— Я не знаю, сколько смогу пройти без... ну, без одежды. Улыбаясь, она ткнула пальцем куда-то назад:

— Посмотри вот под тем деревом.

— Мой рюкзак! — воскликнул я.

Она улыбалась, когда я подбежал к дереву и принялся распаковывать рюкзак. Мой бумажник — несколько банкнот и кредитная карточка, — часы, чистые трусы, сандалии, зубная щетка и бритва — все было на месте!

— Отец Сачи плотничает в Оаху, — объяснила Мама Чиа. — Я отправила его к мысу Макапуу на поиски твоих вещей. Он сказал, что ты их хорошо спрятал.

— Когда я смогу познакомиться с ним и поблагодарить?

— Он тоже хочет тебя увидеть, но сейчас он вернулся в Оаху, ему нужно закончить работу. Вернется через пару недель. Я очень рада, что у тебя есть чистое белье, — добавила она, выразительно зажимая нос и указывая на мои изношенные плавки, — так что это можно будет постирать.

Улыбаясь, я пожал ее руку:

— Спасибо, Мама Чиа! Я так благодарен за все, что вы сделали!

— Да уж, сделала я немало, — подтвердила она, легким движением отмахиваясь от моих благодарностей. — Слышал о новой породе собак, помеси пит-буля и колли? Сначала откусывает тебе руку, а потом помогает добраться в больницу. — Мама Чиа улыбнулась. — Я уже принесла тебе много неприятностей. Такой у меня способ «помогать».

Упаковав остатки обеда, она поднялась. Я тоже начал вставать, но оказалось, что я все еще слишком слаб — мне едва удалось устоять на ногах.

— Я чувствую себя такой обузой, — вздохнул я, когда она помогала мне вернуться в хижину.

— Твои мышцы слабы только потому, что тело использует большую часть энергии для окончательного исцеления твоего организма. Ты прошел через серьезное испытание. Большинство людей, оказавшись на твоем месте, сдались бы или погибли. У тебя очень сильное Базовое Я.

— Базовое что? — озадаченно переспросил я, усаживаясь на кровать.

— Базовое Я. Одна из частей тебя — осознанность, отличная от твоего сознательного ума. Разве Сократус не рассказывал тебе о трех я?

— Нет. — Я был заинтригован. — Расскажи мне об этих «трех я». Кажется, это интересный принцип.

Мама Чиа встала, подошла к окну и снова посмотрела на джунгли.

— Три я — это гораздо больше, чем принцип, Дэн. Для меня они не менее реальны, чем земля, деревья, небо и море. — Она прислонилась к подоконнику и продолжила: — Сотни лет назад, когда еще не было микроскопа, никто не верил в существование микробов и вирусов, и поэтому человечество оставалось беззащитным перед лицом этих невидимых завоевателей. А те, кто верил в их существование, считались ненормальными.

Я тоже имею дело с тем, что невидимо для большинства людей, — с природными духами и тонкими энергиями. Но «невидимое» совсем не одно и то же, что «воображаемое», Дэн. Каждое новое поколение забывает об этом, и так повторяется снова и снова — слепые ведут слепых. — Она говорила все это без какого-либо презрения. — Невежество, как и мудрость, передается из поколения в поколение, словно фамильная драгоценность.

— Существование трех я — Базового, Сознательного и Высшего — относится к секретному знанию. На самом деле, это знание никогда ни от кого не скрывалось. Просто мало кого оно интересует. В мире осталось не так уж много людей с открытыми глазами. — Она неторопливо, прихрамывая, пересекла комнату, подошла к дверям и снова повернулась ко мне. — Когда я говорю тебе о «невидимых вещах», знай, что для меня они видимы. Но то, что справедливо для меня, может не быть действительным для тебя. Я не заставляю тебя во что-то верить — я просто делюсь с тобой своим опытом.

— Но как же мне убедиться в существовании этих «Я»? Как их увидеть или ощутить? И когда я смогу это сделать? — спросил я.

Она наполнила чашку водой и протянула мне:

— Когда ты будешь достаточно сильным и если Сократус тебя хорошо подготовил, я смогу подвести тебя к краю и показать путь. Все, что тебе нужно будет сделать, — открыть глаза и прыгнуть. — Она вернулась к дверям и сказала: — Теперь отдыхай.

— Подождите! — воскликнул я, пытаюсь встать с кровати. — Не уходите, расскажите мне что-нибудь еще о трех «Я»! Я хочу узнать больше...

— Есть много такого, о чем мне предстоит тебе рассказать, — перебила она. — Но сейчас тебе нужно поспать.

— Я действительно устал, — признался я, сдерживая зевоту.

— Я это вижу. Завтра мы пойдем на прогулку, тогда и поговорим.

Сквозь приоткрытую дверь я видел, как она удаляется по тропе в глубину леса. Я сладко зевнул, мои глаза сомкнулись, и мир стал темным.

Книга вторая

Прозрение

*Подлинные путешествия и открытия
заканчиваются не в поиске новых земель,
а в обретении нового видения*

Марсель Пруст

Глава 7

Три Я

*Нельзя преодолеть то, чего не знаешь.
Чтобы превзойти себя, нужно познать
себя.*

Шри Нисаргадатта Махарадж

На следующий день птицы, казалось, пели слаще и весь мир стал прекраснее. Ко мне вернулись силы. На лице осталось лишь несколько следов от ожогов. Я провел рукой по двухнедельной щетине и решил оставить бороду.

Подкрепившись тропическими фруктами и домашним хлебом, которые таинственно возникали на столике каждое утро, — как я подозревал, это были дары Сачи, — я вышел наружу, разделся и подставил тело теплему проливному дождю. Ливень закончился так же внезапно, как начался, и небо мгновенно стало чистым и солнечным.

Я причесывал мокрые волосы и накладывал на себя толстый слой лосьона против загара, когда на тропе показалась Мама Чиа в просторном платье муу-муу, с ее неизменными сумкой и тростью — типичная одежда для прогулок, как я уже знал.

После коротких приветствий она повела меня узкой извилистой тропой по направлению к морю. Она шла в нескольких метрах передо мной, осторожно ступая по скользкой траве, и я видел, что ей не так уж легко двигаться. Меня поражала ее решительность.

Несколько раз мы останавливались — она показывала мне то яркую птичку, то маленький водопад и озерцо под ним, скрытые от случайного взгляда. Мы немного посидели у пруда, слушая шум падающей в него воды. Я предложил ей помочь нести сумку, но она отказалась, сказав: «В другой раз».

Говорили мы мало. Нам обоим пришлось сосредоточиться на том, чтобы не упасть на этой невысыхающей, круглый год скользкой тропинке, бугристой из-за корней деревьев.

Наконец мы прошли по лощине с очень крутыми склонами и оказались на небольшом островке песка, одной из редких ровных площадок среди прибрежных каменистых оврагов. Всюду вокруг нас, как башни замка, высоко в небо вздымались лавовые скалы.

Мама Чиа извлекла из сумки легкое покрывало и расстелила его на песке. Только что наступил отлив, и песок был гладким, твердыми влажным. Спокойный океанский бриз приятно охлаждал лицо и грудь.

— Мама Чиа, — начал я, — может быть, мне это только кажется, но десять дней назад меня выбросило именно здесь, правда?

— Да.

— Я чуть не погиб от жары и жажды.

— Да, — опять подтвердила она.

— И я очень быстро, поразительно быстро выздоровел. Она кивнула:

— Я работала с тобой по ночам.

— Что?

— Когда мы спим, наше Сознательное Я отступает вглубь, и поэтому можно работать непосредственно с Базовым Я — подсознанием, — которое отвечает за излечение организма.

— Расскажите мне про Базовое Я.

Мама Чиа пристально посмотрела на меня, словно раздумывала. Потом она подобрала валявшуюся рядом веточку и нарисовала на песке круг.

— Проще показать, чем рассказывать, — сказала она, вписывая в круг человеческую фигурку с протянутыми в стороны руками. Это было похоже на упрощенную копию знаменитого рисунка Леонардо да Винчи.

Без каких-либо комментариев она уселась на песок, скрестила ноги и сказала:

— Мне нужно сделать определенную внутреннюю работу, чтобы перезарядить свои батарейки. Ты еще не научился этого делать, поэтому можешь вздремнуть. Поговорим позже.

— Но...

Мама Чиа сделала глубокий вдох и, казалось, моментально погрузилась в глубокий транс. Я несколько секунд наблюдал за ней, но потом мое внимание вернулось к рисунку на песке. Было очень душно, и я внезапно почувствовал сонливость. Порадовавшись тени,

отбрасываемой окружающими нас скалами, я растянулся на покрывале и закрыл глаза.

Мои мысли вернулись в Огайо, к Холли и Линде. Мне, лежащему сейчас в укромной бухточке, в нескольких метрах от загадочной женщины-шамана, чьи секреты еще предстояло раскрыть, эти мысли казались воспоминаниями о чем-то, случившемся давным-давно. Но ведь лишь пару недель назад эта женщина-шаман существовала только в глубине моего разума. «До чего же удивительна жизнь», — размышлял я, постепенно погружившись в видение, похожее на сон. Я нечасто запоминаю свои сны, но этот не забуду никогда.

Я слал — и в то же время прекрасно все осознавал. Я видел все даже с большей ясностью, чем в бодрствующем состоянии. Перед глазами мелькало улыбающееся лицо Мама Чиа, но потом оно исчезло. Вокруг меня была только тьма, в которой затем возникла человеческая фигура с вытянутыми в стороны руками, заключенная в круг, — но не та схема, которую нарисовала на песке Мама Чиа, а живой образ подлинника Леонардо.

В какое-то мгновение я увидел, что в круге возникло мое собственное тело, и круг начал вращаться в бесконечном темном пространстве.

С этой точки осознанности я видел свое физическое тело, стоящее в лесу под звездным небом. Освещенная бледной луной, одетая только в шорты, фигура стояла с широко разведенными руками, словно собиралась объять саму жизнь. Голова была слегка приподнята и повернута влево, взор был направлен сквозь кроны деревьев к звездам, мерцающим в черном бархатном небе. Я видел самые мельчайшие детали этой картины, крошечные отблески света луны на каждом листочке деревьев.

Затем внутри тела и рядом с фигурой, независимо от ауры — энергетических полей — самого организма, возникли три ярких огня. Сначала мое внимание привлекло резкое красноватое сияние, исходящее из области живота. Почему-то я сразу понял, что это и есть Базовое Я.

Мое внимание перешло к голове фигуры, которая была полностью скрыта в ярком белом свечении осознанности Сознательного Я.

Наконец я обратил внимание на область над головой, где вращался ярчайший шар, переливающийся всеми цветами радуги...

Внезапно вся картина исказилась и издалека донеслись мощные раскаты грома. Вспышки молний рассекали черное небо. Пронесся дикий порыв ветра, сваливший несколько деревьев. И фигура, которая была передо мной, разделилась на три независимых существа!

Сияющее Высшее Я, которое я только что видел вверху, исчезло. Два оставшихся существа приняли разные физические формы. Базовое Я теперь выглядело ребенком, окруженным красноватым ореолом. Он вздрагивал и испуганно съеживался, когда очередная вспышка молнии озаряла его лицо, на котором лежала печать первобытного страха.

Сознательное Я приняло облик серого робота; его стальная голова подмигивала узором электрических лампочек. Он жужжал и пощелкивал, затем медленно поднял голову, бесстрастно посмотрел в небо и лампочки замигали быстрее — он классифицировал информацию и вычислял лучший вариант поведения.

При следующем ударе грома ребенок прикрыл голову руками и инстинктивно побежал, укрывшись за поваленным деревом. Я последовал за ним и обнаружил, что он скорчился под деревом с закрытыми глазами. Ребенок казался робким и не произнес ни слова. Я наблюдал за ним, и мне показалось, что меня затягивает в его красное свечение.

На какую-то долю секунды мое сознание слилось воедино с сознанием ребенка. Я увидел жизнь его глазами и испытал все его чувства. Ошеломленный мириадами кошмарных образов прошлого, прошлых лет и прошлых жизней, генетическими воспоминаниями, я инстинктивно сжался, переживая этот ужасающий поток картин. Все, для чего не хватало чистой логики, возмещалось первобытными инстинктами. Я ощутил огромные запасы жизненной энергии. Все мои эмоции были открытыми и многократно усиленными. Основными побудительными импульсами стали выживание, поиск удовольствий и избавление от страданий. Мне хотелось действовать, а не созерцать. Внутренний мир стал неуправляемым, неподвластным культурным традициям, моральным правилам и разумным соображениям. В этой разнузданности плоти и чувств я весь превратился в энергию движения, ощутил теснейшую связь с миром природы. Тело стало моим настоящим домом, я чувствовал себя свободно и легко в этом водовороте чувств и импульсивных побуждений.

При этом не было никакой возможности ощущать утонченную красоту или высокие чувства — я различал только плохие и хорошие эмоции, но испытывал настоящую потребность в руководстве, помощи, объяснениях, ободрениях и похвалах. Мне необходимо было участие Сознательного Я.

В этот момент, окончательно обдумав план своих действий, робот-компьютер тоже подошел к поваленному дереву. Он не обратил никакого внимания на меня-ребенка, словно меня не существовало. Обиженный и оскорбленный, я слегка толкнул его, чтобы привлечь его внимание. Почему он меня не слышит? В конце концов, я первый нашел это укрытие! Робот все еще игнорировал меня, и я начал пинать его ногами и колотить по стальной груди, но это было бесполезно. Совершенно разгневанный, я выскочил наружу, схватил камень и запустил робота в ногу. Вот это подействовало!

— Чего — ты — хочешь? — механическим голосом спросил он.

— Чтобы ты меня услышал! — закричал я.

В следующее мгновение мое сознание покинуло ребенка и слилось с роботом. Я видел мир глазами этой вычислительной машины — он был объективен и холоден, как лед. Дитя передо мной выглядело раздражающим отвлекающим фактором. Я начал вырабатывать решение, которое помогло бы успокоить ребенка.

Буря внезапно прекратилась, и ребенок тут же выбежал на поляну и принялся играть. Я отставил задачу в сторону и начал на негнущихся ногах бродить по лесу. Меня не беспокоили никакие чувства и настроения. Мир был упорядочен, структурирован и поразительно ограничен. Джунгли виделись в оттенках серого. Красота была для меня только понятием, абстрактной категорией. Я ничего не знал о Высшем Я — вере и доверии. Я искал только то; что могло бы стать полезным и конструктивным. Тело представлялось мне неизбежной ношей, носителем, позволяющим двигаться и воспроизводиться, — орудием разума.

Мой компьютерный ум был неподвластен капризам чувств. И все-таки без игривой души, эмоциональной энергии и жизненных сил ребенка я не мог жить полной жизнью — я всего лишь существовал, пребывая в стерильном мире математических задач и их решений.

Моя осознанность вновь пробудилась, словно ото сна, и когда во мне возникло внезапное и непреодолимое желание вновь ощутить

красоту джунглей, испытать прилив жизненной энергии, я высвободился из корпуса Сознательного Я.

Со своей новой позиции я мог видеть и Сознательное Я, и Базовое Я, которые повернулись спиной друг к другу — каждое пребывало в своем собственном мире. Если бы только они могли стать одним целым, насколько обогатилась бы жизнь каждого из них!

Я восторгался невинностью детства и инстинктивной мудростью тела, присущими Базовому Я. Я ценил рассудительность, логичность и способности к изучению нового, свойственные роботу, Сознательному Я. Но без воодушевления Высшего Я жизнь оставалась скучной, опустошенной и незавершенной.

Как только я осознал это, я услышал голос Высшего Я, зовущего меня из глубины леса, и ощутил страстное стремление Слиться с ним. Я узнал в этом стремлении то чувство беспокойства, которое постоянно возникало во мне все эти годы, а возможно, и всю мою жизнь. Впервые я понял, чего же на самом деле искал.

Через мгновение я вновь оказался в оковах Сознательного Я, зажатый в тисках этого железного разума, я слышал его монотонный голос, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее повторявший одни и те же слова:

— Я — все — что — есть. — Высшее — Я — лишь — иллюзия.

Моя осознанность переметнулась в Базовое Я. Теперь мне хотелось только играть и чувствовать себя в безопасности, радоваться и быть сильным.

Я снова выскочил, оказался в объятиях Сознательного Я и увидел одну реальность; опять переместился в Базовое Я — и увидел совсем другой мир. Перемещения учащались, я метался между этими двумя Я, между разумом и телом, роботом и ребенком, мышлением и чувствами, логикой и импульсами. В ускоряющемся темпе, безостановочно, быстрее и быстрее!

Я резко сел, глядя прямо перед собой, испуганный и мокрый от пота, — и услышал эхо собственного вскрика. Очень медленно, я возвращался к окружающему меня миру: тихий берег океана, теплый песок, небо, розовеющее прямо надо мной и фиолетовое над самым горизонтом, где оно соединялось с морем. Рядом неподвижно сидела Мама Чиа и молча наблюдала за мной.

Стряхнув последние остатки своего видения, я попытался замедлить дыхание и расслабиться. Мне удалось только выдать из себя:

— Я видел... У меня был плохой сон... Она заговорила медленно и размеренно:

— Это был просто плохой сон или зеркало твоей жизни?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — пробормотал я. Это была неправда, и я осознал это еще до того, как эти слова сорвались у меня с языка. Я обрел осознание трех Я, и теперь уже просто не мог продолжать притворяться, что являюсь «целостным». Я был внутренне разобщен и метался между эгоцентричными ребячливыми потребностями Базового Я и холодной отстраненностью Сознательного Я — и у меня не было никакой связи со своим Высшим Я.

Все эти годы мой разум непрерывно подавлял чувства, он игнорировал и недооценивал их. Вместо того чтобы признать существование во мне страданий и страстей, Сознательное Я изо всех сил удерживало контроль над ними и прятало все мои чувства и внутренние проблемы под ковер, соблюдая иллюзию внешнего порядка и благополучия.

Теперь я понимал, что физические симптомы, которые я испытывал дома, — инфекционные заражения, боли и страдания — были проявлениями моего Базового Я, криками ребенка, требующего внимания. Оно хотело выплеснуть все те чувства, которые я пытался сдержать в себе. Я осознал смысл афоризма: «Когда плакать отказываются глаза, рыдает все тело». Еще я вспомнил одну фразу, которую когда-то произнес Вильгельм Райх: «Непроявленные чувства сохраняются в мышцах как напряжение тела». Эти неприятные откровения вызвали у меня подавленность и уныние. Я вдруг понял, как много мне еще предстоит пройти.

— Все в порядке? — участливо спросила Мама Чиа.

— Да, конечно... — начал говорить я, но остановился. — Нет, не все в порядке. Я чувствую себя ужасно — опустошенным и подавленным.

— Это хорошо! — засияв, заявила она. — Это значит, что ты кое-чему научился, что ты на верном пути. Неохотно кивнув, я спросил:

— В своем сне я ощутил только два Я. Мое Высшее Я скрылось, исчезло. Почему оно меня покинуло?

— Оно не покинуло тебя, Дэн, — оно с тобой всегда. Просто ты был слишком занят своими Базовым и Сознательным Я и поэтому не мог видеть Высшее, не смог почувствовать его любовь и поддержку.

— Как же я могу его почувствовать? Что мне делать прямо сейчас?

— Хороший вопрос, очень хороший! — она рассмеялась своим собственным мыслям, поднялась на ноги, перебросила сумку через плечо и начала медленно подниматься по горной тропе. Я последовал за ней, переполненный вопросами, на которые у меня не было ответов.

Когда мы начали взбираться по узкой тропе вдоль гряды скал, песок сменился камнями и землей. Я обернулся и еще раз взглянул на площадку среди скал, которая сейчас была далеко внизу. Начался прилив. В двадцати метрах под нами волны приближались к рисунку, который начертила на песке Мама Чиа. Я заморгал и посмотрел на него внимательнее. Мне показалось, что там, где раньше было изображение человека в круге, сейчас видны три фигурки: одна крошечная, как дитя; другая большая и квадратная; третья — крупный овал. В это мгновение песок лизнула новая волна, и он стал совершенно чистым.

Подниматься было тяжелее, чем спускаться. Мама Чиа явно была в хорошем настроении, но я был мрачен. Мы оба молчали. Смеркалось, я шел за ней по темнеющей тропке, а передо мной проносились образы моего видения.

Когда мы достигли полянки, в черном небе уже сиял полумесяц. Мама Чиа пожелала мне доброй ночи и, не останавливаясь, отправилась дальше.

Я какое-то время постоял рядом с хижинкой, слушая пение цикад. Теплый ночной ветерок, казалось, пронизывал меня насквозь. Только войдя в дом, я вдруг ощутил, что смертельно устал. Я смутно помню, как побрел в ванную, а потом рухнул на кровать. Еще секунду назад я все еще слышал цикад, но тут надо мной опустилась тишина. Во сне я искал свое Высшее Я, но меня окружала лишь пустота

Глава 8

Глаза шамана

*Великий учитель никогда не пытается
объяснить свои видения.*

*Он просто приглашает ученика подойти
поближе*

и увидеть все своими глазами.

Р. Инман

Еще не совсем проснувшись, я открыл глаза и увидел Маму Чиа, стоящую рядом с моей кроватью. Сперва я подумал, что все еще сплю, но быстро пришел в себя, когда она крикнула:

— А ну вставай!

Я вскочил с постели так резко, что чуть не упал.

— Сейчас... одну минутку... — лепетал я, покачиваясь и обещая себе, что в следующий раз проснусь до ее прихода. Я поплелся в ванную, надел шорты и вышел наружу, под брызги утреннего дождя.

Хорошенько промокнув, я вернулся в хижину и взял в руки полотенце.

— Уже, наверное, полдень?

— Всего начало одиннадцатого, — ответила она,

— Боже! Я...

— В четверг, — оборвала она меня, — ты пролежал на холоде тридцать шесть часов.

Я выронил полотенце и опустился на кровать.

— Почти два дня?

— Что тебя так расстроило? Пропустил какое-то свидание? — спросила она.

— Да нет, не думаю. — Я пристально смотрел на нее. — Неужели это правда?

— Ну, по крайней мере, свидание было не со мной. Кстати, на Гавайях свидания вообще не приняты. Люди с континента пытались

принести с собой обязательность, но внедрить здесь эту привычку оказалось настолько же невозможным, как продать говядину вегетарианцам. Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — сказал я, вытирая волосы. — За исключением того, что все еще не понимаю, чем буду здесь заниматься и как вы будете мне помогать. Вы собираетесь помочь мне увидеть мое Высшее Я?

— Оно всегда остается видимым, — улыбнулась она и протянула мне рубашку.

— Мама Чиа, — сказал я, натягивая рубашку, — все это, что я видел тогда, на пляже, — вы меня что, загипнотизировали?

— Не совсем. То, что ты видел, пришло из Внутреннего Архива.

— А что это такое?

— Трудно описать. Можешь называть это «всеобщим бессознательным» или «дневником Духа». В нем хранятся записи обо всем.

— Обо всем?

— Да, — подтвердила она, — обо всем.

— А вы умеете... читать эти записи?

— Иногда, но это зависит от многих вещей.

— Ну а как мне удалось прочитать их?

— Скажем, я переворачивала тебе страницы.

— Как мать, читающая вслух ребенку?

— Вроде того.

Дождь закончился, и мы вышли наружу. Я последовал за ней, и мы разместились на бревне возле сарайчика.

— Мама Чиа, — продолжил я, — мне бы хотелось поговорить о том, что начинает меня серьезно беспокоить. Мне кажется, что чем больше я учусь, тем мне тяжелее и хуже. Понимаете...

Она прервала меня:

— Заботься о том, что перед тобой прямо сейчас, а будущее само о себе позаботится. Иначе ты проведешь большую часть жизни, размышляя о том, какой ногой ступишь на перекресток, хотя до него еще сотня метров.

— А что же насчет планирования и подготовки к будущему?

— Планировать полезно, но не стоит слишком привязываться к этим планам. Жизнь любит устраивать сюрпризы. С другой стороны,

приготовления важны всегда, даже если то, что планируется, никогда не случится.

— Как это? Она помолчала.

— Здесь, на острове, живет мой старый друг, Сей Фуджи-мото — ты с ним еще не встречался. Большую часть жизни он проработал садовником. Но его первой любовью была фотография. Я никогда не видела человека, настолько увлеченного картинками на бумаге! Несколько лет назад он готов был целыми днями разыскивать возможности для прекрасного снимка. Особенно ему нравились пейзажи: деревья редкой формы, разбивающиеся волны, через которые просвечивает солнце, облака в призрачном свете луны, восходящее солнце. Когда он не прогуливался с фотоаппаратом, он сидел в своей затемненной комнатке и проявлял фотоснимки.

— Фуджи занимался фотографией почти тридцать лет, и к тому времени накопил драгоценный опыт и чутье уникального кадра. Все негативы хранились в запирающемся сейфе в его кабинете. Большинство фотографий он продавал на Оаху или просто раздаривал друзьям.

Шесть лет назад пожар уничтожил все негативы, которые он собирал все эти тридцать лет, все отпечатанные снимки и почти все его оборудование. Страховки у него не было, но главное — все плоды его многолетнего творчества мгновенно превратились в пепел, в невозполнимую потерю.

Фуджи оплакивал их не меньше, чем потерю ребенка. За три года до этого он на самом деле потерял первого ребенка, и поэтому понимал, что эти трагедии похожи и что если ему удалось пережить первую, то теперь он сможет пройти сквозь любые испытания.

Но кроме этого, он смог увидеть большую картину происшедшего. В нем выросло осознание того, что в нем осталось нечто бесценное, то, что никогда не сможет сгореть в огне: Фуджи научился видеть жизнь с разных точек зрения. Каждый день, просыпаясь, он наблюдал мир света и теней, форм и содержания — мир красоты, гармонии и равновесия.

Когда он поделился со мной своим прозрением... Дэн, он был так счастлив! Это было просветление, подобное тому, какое приходит к мастерам Дзэн. Они рассказывают своим ученикам, что все пути, любая деятельность — работа, спорт, искусство, ремесло — служит

для человека средством внутреннего развития. Все это — разные лодки, которые помогают пересечь одну и ту же реку. Но когда ты перебрался через нее, тебе уже не нужна лодка, — г- Мама Чиа глубоко вздохнула и безмятежно улыбнулась мне.

— Мне бы хотелось познакомиться с Фуджимото.

— Познакомишься, — заверила она.

— Я только что вспомнил одну вещь, которую когда-то сказал мне Сократус: «Это не путь к тому, чтобы стать мирным воином. Это путь мирного воина. Воином человека делает само путешествие».

— Сократус всегда умел найти нужные слова, — откликнулась она и вновь вздохнула, на этот раз уже грустно. — Знаешь, когда-то я была влюблена в него.

— Вы? Когда? И что?

— Ничего, — сказала она. — Он был занят своей подготовкой и обучением. Я тоже была занята. Хотя он уважал меня и я ему тоже нравилась, мне кажется, он не испытывал ко мне тех же чувств. За исключением моего последнего мужа, Брэдфорда, немногие мужчины маня любили.

Эти слова показались мне слишком печальными и несправедливыми.

— Мама Чиа, — галантно сказал я, — если бы я был чуток постарше, я бы непременно начал за вами ухаживать.

— Очень мило с твоей стороны, — усмехнулась она.

— Да, я такой, — рассмеялся я. — Вы не могли бы еще рассказать о том, как встречались с Сократусом, и вообще о своей жизни?

Она немного подумала, потом ответила:

— Может быть, в другой раз. Сейчас мне нужно отправляться по делам. А тебе, думаю, стоит больше поразмыслить о том, чему ты научился, прежде чем... — Она замолчала, но тут же продолжила: — Прежде чем мы перейдем к следующему уроку.

— Я готов.

Мама Чиа несколько секунд рассматривала меня, но ничего не сказала. Она открыла сумку и протянула мне горсть орехов макадамия.

— Увидимся завтра.

И она ушла.

Я действительно чувствовал себя окрепшим, однако Мама Чиа была права — я еще не достиг формы, необходимой, чтобы выдержать

сколько-нибудь суровые испытания. Остаток утра я провел в мечтаниях и грезах — просто сидел на бревне и смотрел на деревья, окружающие мой новый дом на Молокаи. Во мне росло какое-то тревожное чувство, но у меня не было слов, которые могли бы его выразить и объяснить. Я был настолько занят раздумьями о нем, что не заметил вкуса хлеба, орехов и фруктов, которыми пообедал.

Когда солнце коснулось верхушек деревьев с противоположной стороны поляны, я осознал, что это чувство одиночества. Это было странно. Я всегда считал, что привык к одиночеству. Оно не покидало меня большую часть учебы в колледже. Но сейчас, после прогулки по океану на доске, во время которой я понял, что могу уже никогда не увидеть человеческого лица, что-то во мне изменилось. И вот теперь...

Мои думы были прерваны звонким «Привет!», прозвучавшим откуда-то слева. Я поднял голову — подпрыгивая и пританцовывая, ко мне направлялась Сачи. Ее гладкие черные волосы, коротко подстриженные, как и у Мамаи Чиа, взлетали вверх и переливались при каждом легком движении. Перепрыгивая через камни и бревна, она подбежала ко мне и вынула небольшой пакет.

— Принесла еще хлеба. Сама испекла.

— Спасибо, Сачи. Ты очень предусмотрительна.

— Вот уж нет! — возразила она. — Никогда не стараюсь что-то заранее продумать. Я вообще мало думаю. Как вы себя чувствуете?

— Намного лучше, особенно теперь, когда появилась ты. Мне было так одиноко, что я даже сам с собой начал разговаривать.

— У меня тоже такое бывает, — сказала она.

— Ну, теперь, когда ты здесь, мы оба можем посидеть и поговорить сами с собой. Постой! — рассмеялся я. — Есть идея получше: посидеть и поговорить друг с другом.

Она улыбнулась моей неуклюжей шутке.

— Давайте. Хотите посмотреть на лягушачий пруд?

— Конечно.

— Это недалеко. Пойдем. — Она уже вскочила и побежала к лесу.

Изо всех сил стараясь не отставать от нее, я помчался следом. Сачи была метров на десять впереди и то появлялась, то исчезала среди деревьев. Когда я догнал ее, она уже сидела на большом камне и указывала рукой на пару лягушек, одна из которых удостоила нас громким кваканьем.

— А ты не шутила, Сачи. Лягушки действительно потрясающие.

— Вон та — здешняя королева, — сказала Сачи. — А этого большого жаба зовут Ворчун, потому что он все время убегает, когда я его хочу погладить, а потом сердито квакает. — Сачи медленно подкралась и схватила одну из лягушек. — Мой братик любит их кормить, но я терпеть не могу жуков. Раньше они мне нравились, а сейчас нет.

Быстрая, как лесная фея, она снова вскочила и побежала назад, к хижине. Я молча попрощался с Ворчуном и пошел к поляне. Вслед раздалось громкое «Ква!». Я развернулся и успел увидеть круги на воде, скрывшей под своей поверхностью лягушку.

На поляне Сачи упражнялась в каких-то танцевальных движениях.

— Это мне Мама Чиа показала. Она меня куче разных вещей учит.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся я. Мне в голову пришла идея. — Может быть, я тоже могу тебя чему-нибудь научить? Умеешь делать «колесо»?

— Ну, немножко, — сказала она, вскинула руки вверх и шлепнулась на землю, задрав ноги. — Ой, я просто как те лягушки! — Она захихикала. — Вы мне покажете?

— Попробую. Когда-то у меня это неплохо получалось, — сказал я и сделал «колесо» на одной руке, перекатившись через бревно.

— Ух ты! — завопила потрясенная Сачи. — Вот это здорово! — Воодушевленная, она снова попробовала, но улучшения оказались незначительными.

— Ладно, показываю еще раз, — рассмеялся я.

Остаток дня промелькнул быстро, как щелчок пальцами. Я полностью погрузился в свое любимое занятие. И мне было очень приятно, когда Сачи довольно быстро продемонстрировала очень грациозное «колесо».

Я сорвал яркий красный цветок, который нашел неподалеку, и в порыве радости прикрепил к волосам Сачи.

— Знаешь, у меня есть дочка, она младше тебя, и я очень по ней скучаю. Я так рад, что ты пришла навестить меня сегодня.

— Я тоже, — сказала она. Потрогав цветок в своих волосах, она одарила меня очаровательнейшей улыбкой. — Пора идти. Спасибо за «колесо», Дэн! — Она поскакала вверх по тропе, развернулась и крикнула: — Не забудьте про хлеб!

Эта чудесная улыбка сделала мой день счастливым.

Утром, когда появилась Мама Чиа, я уже был готов и нетерпеливо кидал камешки в ствол дерева.

— Хотите свежего хлеба? — спросил я. — Я уже позавтракал, но если вы голодны...

— Нет, спасибо, — ответила она. — Нам нужно поторопиться и успеть пройти несколько километров, пока не стемнело.

— Куда мы идем? — поинтересовался я, когда мы вышли из хижины и двинулись по тропе.

— Туда, — она показала в сторону горной гряды черной лавы в центре острова, возвышающейся на несколько сот метров над морем. Она сунула мне свою сумку, заметив: — Ты уже достаточно силен, чтобы с этим справиться.

Мы размеренно поднимались по извивающейся влажной тропе, от которой отходило множество мелких тропинок. Мама Чиа решительно двигалась вперед и вверх. В джунглях стояла тишина, нарушаемая только редким криком птицы, звуком моих шагов и постукиванием посоха Мама Чиа.

Как и во время первой прогулки, она часто останавливалась, чтобы насладиться зрелищем яркой птички, необычного дерева или маленького водопада.

Утро заканчивалось, и мое беспокойство продолжало расти, так что я заявил:

— Мама Чиа, Сократус как-то сказал мне, что я на самом деле чему-то учился только тогда, когда был способен самостоятельно сделать это.

Она остановилась, обернулась ко мне и сказала с ударением на каждом слове:

— Я слышу и забываю, я вижу и помню, я делаю и понимаю.

— Может быть, — признался я. — Я слышал и видел очень многое, но не часто делил это. Я кое-что знаю о целительстве, но я не умею лечить. Я слышал о Высшем Я, но как мне его почувствовать?

Из меня наконец-то вырвалось то раздражение, которое я сдерживал в течение пяти лет.

— Я был чемпионом мира по гимнастике. Я закончил университет в Калифорнии. У меня прекрасная маленькая дочь. Я забочусь о своем здоровье, правильно питаюсь и занимаюсь спортом. Я — профессор

колледжа. Я всегда делал то, чего от меня ждали и требовали. И после всего этого, после всех этих лет учебы у Сократуса, моя жизнь разваливается на куски!

Я был убежден, что знаю уже достаточно, что если я буду делать все правильно, то жизнь станет проще и легче, я смогу ею управлять, но она становится все хуже и хуже — как будто что-то ускользает от меня и я не знаю, что это и как это удержать! Я словно сошел с пути и заблудился в джунглях.

Я знаю, есть люди, которым приходится гораздо тяжелее, чем мне. Меня никто не мучает. Я не нищий, не голодающий и не угнетенный. Все, что я говорю, похоже на жалобы и детские слезы, но мне не стыдно в этом признаваться. Мама Чиа! Я всего лишь хочу, чтобы это прекратилось!

Я заглянул ей в глаза и добавил:

— Однажды я сломал ногу. Мое бедро расколось на сорок осколков. Я знаю, что такое боль. То, что я чувствую сейчас, — не меньшее страдание, понимаете?

— Очень хорошо понимаю, — сказала она. — Боль и страдания — часть повседневной жизни. Просто они принимают разные формы.

— Вы можете мне найти то, что я ищу?

— Возможно, — ответила она, повернулась и продолжила идти вверх по тропе.

Когда мы поднялись над джунглями, деревья стали встречаться реже. Мох, трава и листья исчезли, обнажив красновато-бурую землю, превратившуюся в грязь после стремительного и неистового тропического дождя. Я постоянно поскользнулся. Мама Чиа, несмотря на свою хромоту, шагала очень уверенно. Я решил, что она уже позабыла о том, как я взорвался, но тут она заговорила:

— Дэн, ты когда-нибудь задумывался о том, что один человек никогда не может построить дом? Пусть даже он очень умный и очень сильный, но в одиночку, без совместных усилий архитекторов, подрядчиков, рабочих, производителей строительных материалов, грузчиков, водителей, химиков и сотен других людей, ни один человек не в состоянии выстроить здание. Никто сам по себе не умнее, чем все мы вместе.

— Но какая связь...

— Возьмем, к примеру, Сократуса, — продолжала она. — У него множество талантов — к тому же у него достаточно мудрости, чтобы не пытаться применять все эти таланты одновременно. Он понимал, что не может сделать для тебя все — по крайней мере, не все сразу. Он понимал, что не сможет накормить твою душу впрок. Он мог учить тебя только тому, что тогда могли услышать твои уши и могли увидеть твои глаза.

Когда Сократус написал мне, он предупредил, что ты склонен к повышенной требовательности к себе, что ты очень легко возбуждаешься. И он предположил, что я смогу помочь тебе обрести спокойствие. — Она обернулась ко мне на ходу и улыбнулась. — Еще он сказал, что те зерна, которые он посеял в твоём уме и сердце, дадут свои всходы чуть позже. Сейчас я рядом, чтобы поливать эти ростки водой и помочь им вырасти крепкими и сильными.

Твоя подготовка еще не сделала тебя совершенным, Дэн, но она уже принесла тебе огромную пользу. Ничто из того, что ты усвоил, не будет потеряно или утрачено. Сократус сделал очень многое, и ты сам многого добился. Он помог тебе избавиться от самых вредных иллюзий и увидеть большую картину мира. Он дал тебе основы — пусть ты еще не можешь услышать, но, по крайней мере, ты хочешь слышать больше. Если бы он не подготовил тебя, вряд ли бы ты смог меня найти.

— Но не я вас нашел — вы нашли меня!

— Неважно, насколько странными тебе показались обстоятельства нашей встречи. Я не верю, что это могло бы случиться, если бы ты не был готов к ней. Так работают все подобные вещи. Я могла не захотеть работать с тобой, ты мог не захотеть прийти на ту вечеринку. Кто знает, что могло бы произойти?

Мы поднялись уже довольно высоко и ненадолго остановились, чтобы насладиться видом, открывшимся с гор. До основания горного пика, к которому мы направлялись, осталось идти совсем недолго. Повсюду внизу, куда ни направлялся мой взор, простирались бескрайние зеленые кроны деревьев. Мне было жарко — влажная атмосфера оседала на руках и на лбу тяжелым потом. Заботливо смахивая его с моих бровей, Мама Чиа заметила:

— Однажды я встретила с человеком, который поднялся на самую вершину и добрался до самого Бога. Он протянул руки к

небесам и воскликнул: «Наполни меня своим светом! Я готов! Я так долго ждал этого!» И Бог ответил ему, и сказал: «Я всегда наполнял тебя светом — но ты никогда не мог удержать его!»

Она положила руку мне на плечо и добавила:

— Все мы не можем полностью удержать этот свет, Дэн, и в каждом из нас есть «дыры». В тебе, во мне, в Сократусе. Но это еще не причина для беспокойства. Помни, что пока ты человек, ты — ученик. Тебе свойственно спотыкаться, и это случается с каждым из нас. Все, что я могу, — это превратить твой опыт в уроки, а твои уроки — в мудрость. Все, что я могу, — приободрить тебя, чтобы ты доверился течению собственной жизни.

Она замолчала и присела к желтому цветку, пробивающемуся сквозь узкую щель в огромном валуне.

— Наша жизнь — как этот цветок. Мы такие хрупкие, и все-таки, когда мы встречаем на своем пути препятствие, мы способны пробиться сквозь него. И мы постоянно тянемся вверх, к Свету.

Я дотронулся до желтого лепестка.

— Но ведь цветы растут так медленно! Я боюсь, что мне просто не хватит времени. Мне хочется делать что-то прямо сейчас.

Ее мягкая улыбка помогла мне справиться с вновь возникшим раздражением.

— Цветы растут в своем собственном темпе. Это действительно нелегко — видеть, что наш путь состоит из одних поворотов, обнаруживать, что иногда он исчезает, знать, что впереди еще долгий и трудный подъем. Ты хочешь перейти к действиям еще до того, как готов действовать. Но сначала тебе нужно обрести понимание.

— Понимание без действия бесполезно!

— А действие без понимания — опасно. Ведь если ты действуешь, прежде чем понимаешь, что происходит, ты даже не знаешь, что именно делаешь! Так что расслабься, — посоветовала она, делая выразительный глубокий вдох. — Нет смысла торопиться. Торопиться просто некуда. У тебя достаточно времени, чтобы совершить все, что ты захочешь.

— В этой жизни?

— Или в следующей.

— И все-таки мне хочется начать немного раньше! — с жаром заявил я. — У меня внутри болит — это сообщения моего Базового Я.

И оно совсем не говорит мне: «Брось и расслабься, пойдешь поваляйся на пляже». Нет, оно твердит: «Есть нечто, что нужно сделать». И это нечто связано с моим Высшим Я.

— Ну почему ты так беспокоишься о своем Высшем Я? Разве сейчас у тебя недостаточно дел и развлечений?

Не поддаваясь ее попыткам подбодрить меня, я все глубже погружался в самокритику. Как я могу мечтать о связи со своим Высшим Я, если я еще не способен сохранять самообладание, сдерживать свое нетерпение, двигаться с допустимой скоростью или расслабиться в транспортной пробке? Или, например, сохранить свой брак.

Мама Чиа вновь попыталась извлечь меня из мрака сомнений:

— Ты действительно слишком требователен к себе, Дэн Миллман! Я вижу все твои мысли на твоем лице. Ты считаешь, что у тебя серьезные проблемы, но так ли уж они серьезны?

Я на своем опыте убедилась, что именно тогда, когда жизнь кажется невыносимо сложной и скверной, человек на самом деле готовится к очередному прыжку. Именно тогда, когда он не видит, куда ему двигаться дальше, когда он застывает на месте. Даже если он отходит назад, это часто означает, что он освобождает место для разбега перед большим прыжком.

— Вы действительно так думаете?

— Важно не то, что думаю я. Посмотри на свою жизнь сейчас. Оцени ее с позиции своего Базового Я. Вот оно знает — и оно мне уже обо всем рассказало. Ты готовишься сделать Скачок. Может быть, не сегодня и не завтра, но довольно скоро. И точно так же, как Сократус подготовил тебя для меня, я подготовлю тебя к следующему шагу.

— Все это звучит так просто...

— Это не просто и не легко, но это неизбежно произойдет, рано или поздно. Ты все еще сосредоточен на своей трагедии и не можешь увидеть ничего, кроме нее. Как комар, сидящий на экране телевизора, — добавила она, — ты видишь только множество отдельных светящихся точек, но не способен видеть всю картину в целом. У каждого из нас своя роль. Когда придет время, ты узнаешь о своем предназначении. Возможно, тебе предстоит узнать это в пустыне.

Прежде чем я успел спросить, что она имеет в виду, Мама Чиа продолжила:

— Путь мирного воина начинается с единения трех Я. Твоя голова поднимется к облакам только тогда, когда ноги будут крепко упираться в землю.

Нам предстоит большая работа, тебе и мне, — сказала она в заключение. — И готовиться мы будем так, как поднимались сюда, в горы, — шаг за шагом.

Она повернулась и продолжила путь наверх. Я почувствовал себя лучше, настроение поднялось, хотя мое напряженное тело уже начало уставать. Но хромая Мама Чиа неутомимо поднималась все выше и выше.

— Куда мы все-таки идем? — задыхаясь, спросил я.

— На вершину.

— А что будет, когда мы туда доберемся?

— Узнаешь, когда придем, — ответила она, не замедляя шага.

Скоро тропа стала очень крутой, похожей на бесконечную лестницу в небо. Я уже чувствовал разреженность воздуха, и мое дыхание становилось все тяжелее с каждым шагом. Мы приближались к вершине пика Камакау, возвышающегося на полтора километра над океаном.

Два часа спустя, с наступлением сумерек, мы достигли цели и ступили на ровную площадку вершины. Взмахом руки Мама Чиа очертила невероятную панораму острова Молокаи. У меня захватило дух. Медленно поворачиваясь на месте, я с восторгом смотрел на буйный зеленый ковер джунглей, который был со всех сторон окружен бескрайним океаном. Горизонт переливался самыми фантастическими оттенками — заходящее солнце окрашивало далекие облака красными, фиолетовыми, оранжевыми и розовыми красками.

— Пришли, — облегченно вздохнул я.

— Да, пришли, — эхом отозвалась Мама Чиа, пристально глядящая на тонущее в океане солнце.

— И что теперь?

— Нужно собрать хворост. Нам предстоит провести здесь ночь, поэтому понадобится костер. Завтракам нужно будет идти дальше, вон туда. — Она показала в сторону восточной оконечности острова.

Мама Чиа привела меня к небольшому водопаду, где мы напились искрящейся воды с привкусом минеральных солей. Рядом была скала, образующая естественный карниз, под которым мы могли укрыться в случае неожиданного дождя. Я с удовольствием скинул с плеча сумку Мама Чиа и почувствовал себя легче воздуха. Мои ноги подкашивались, и я уже знал, что завтра утром они будут болеть.

Меня совершенно поражало, что эта пожилая женщина, которая была гораздо старше и, пожалуй, тяжелее меня, смогла выдержать такой трудный путь. Меня бы не удивило, если бы она потребовала, чтобы мы продолжали идти всю ночь.

Мы развели довольно большой костер, раскалили в нем несколько камней, а потом поджарили на них завернутый в фольгу ямс. Вместе с сырыми овощами, этот ямс показался мне самой восхитительной на вкус пищей, которую я пробовал когда-либо в своей жизни.

Из толстых рулонов мха мы соорудили постели и перед сном подбросили в костер несколько больших веток — не столько ради тепла, сколько ради света и приятного потрескивания.

Когда мы легли, я тихо сказал:

— Мама Чиа, судя по всему, плавание на доске по океану напугало меня гораздо больше, чем мне самому казалось. По крайней мере, с того времени я очень много думаю о жизни и смерти. Пару дней назад, засыпая, я увидел лицо одного друга из Оберлина, который недавно умер. Он был молод и полон сил, а потом вдруг заболел, и врачи сказали, что это смертельная болезнь. Он очень много молился. И все-таки умер.

Мама Чиа вздохнула.

— На наши молитвы всегда отвечают. Просто иногда Бог говорит: «Нет».

— А почему он так говорит?

— Почему родители, которые любят своего ребенка, говорят ему: «Нет»? Потому что дети часто хотят того, что не идет им на пользу. Люди обращаются к Богу, когда начинают разрушаться все основания их жизни, — и обнаруживают, что именно Бог и раскачивает эти основания. Сознательный ум не всегда способен понять, что идет нам во благо. Вера представляет собой самое главное во Вселенной — уверенность в том, что все происходит ради нашего высшего блага. И я в это верю.

— Вы думаете, что так и есть?

— Я не знаю этого наверняка, но я выбрала верить в это, потому что, когда я в это верю и действую в соответствии с этой верой, моя жизнь становится лучше. Я никогда не чувствую себя жертвой обстоятельств. Мое отношение к ним всегда остается твердым и положительным. Я рассматриваю трудности жизни как «духовные нагрузки» — возможность развить и усилить свой Дух.

— Мои физические страдания, какими бы болезненными они ни были, всегда приносили с собой дар, хотя в тот момент я не всегда понимала их значение, — продолжила она. — Для меня даром становилось глубокое сострадание. Для кого-то другого этот дар может означать внимательность к своему телу, стимул к тренировкам, свободное выражение своих чувств вместо их подавления, а может быть — правильное питание, расслабление или раскованность.

Боль или дискомфорт обычно встряхивают нас, привлекают наше внимание к незамеченной проблеме.

— У меня так и получается, — сказал я, глядя на огонь костра.

— Да, но я не советую использовать это как основной метод, — добавила она с лукавой улыбкой. — Хотя боль действительно заставляет нас обратить внимание на самих себя, но обычно это самое последнее средство Базового Я. Такие грубые сообщения начинаются только тогда, когда мягкие — интуитивные ощущения и сновидения — игнорируются.

— Базовое Я похоже на детей, которых часто обижают. По своей природе оно легко привязывается и с трудом отвыкает. Но когда его терпение заканчивается — оно действительно заканчивается.

Мне в голову пришел еще один вопрос:

— Раз Базовое Я отвечает за тело, то оно способно вылечить любую болезнь, так?

— При определенных обстоятельствах, когда это согласуется с судьбой личности, — да.

— Получается, что лекарства не играют никакой роли?

— Все играет свою роль. Лекарства — одно из средств, помогающих Базовому Я. Это дары мира природы, — сказала она и сорвала с ближайшего куста коробочку с семенами. Открыв коробочку, она показала мне крохотные семена. — Базовое Я, как ты сам убедился, очень тесно связано с природой. Каждое растение несет в

себе особое сообщение и энергии, и Базовое Я их понимает и воспринимает. Это относится к каждому цвету, запаху и звуку.

Целительство — великая загадка, даже для современной медицины. Люди все еще продолжают раскрывать законы равновесия природы. Но когда мы приходим к тесной взаимосвязи со своим Базовым Я и с тонкими энергиями, мы начинаем видеть все больше «чудес».

— Большинство врачей полагаются на свое Сознательное Я, на свой разум, а не на интуицию, не правда ли? — спросил я.

— Вопрос не в том, чему нужно доверять больше — Базовому или Сознательному Я, — ответила она. — Доверять нужно обоим, каждому в соответствующее время. Арабы говорят: «На Аллаха надейся, а верблюда привязывай». Чтобы зажил порез, важно доверять своему Базовому Я, но Сознательное Я напомним нам, что необходимо наложить пластырь.

Если человек ест слишком много ненужной пищи, курит, много пьет и употребляет другие наркотики, если он перенапрягается или подавляет свои чувства, Базовому Я гораздо сложнее выполнять свои обязанности и поддерживать сильную иммунную систему. Если оно не сотрудничает с Сознательным Я, то может лишь передавать через тело болезненные симптомы, заставляющие человека обратить на это внимание. Одной только молитвой многого не добьешься — нужно самому делать все, на что способен, и помогать себе. Фрэнсис Кардинал Спеллмэн сказал: «Молись так, словно все зависит от Бога. Действуй так, словно все зависит только от тебя».

Я смотрел на Маму Чиа с возрастающим восхищением и удивлением:

— Мама Чиа, откуда вы так много знаете? Как вы научились всему этому?

Она молчала. Я решил, что она заснула, и присмотрелся к ее лицу, освещенному тусклыми отблесками костра. Но ее глаза были широко открыты, как будто она видела иной мир. Наконец она ответила:

— Я подумаю об этом сегодня ночью. Может быть, завтра расскажу тебе свою историю. Но у нас впереди еще долгий путь.

С этими словами она повернулась на бок и закрыла глаза. Прежде чем заснуть, я некоторое время смотрел на умирающие угли костра.

Глава 9

Женщина шаман

*Бог успокаивает беспокойных
И беспокоит успокоенных
Неизвестный*

Утром, после освежающего душа под водопадом, напряжение и боль в ногах, спине и плечах стихли. Хотя я еще не набрал полную силу, но простое питание и постоянные упражнения на свежем воздухе придавали мне больше жизненных сил, чем я испытывал когда-либо за последние несколько лет.

После скромного завтрака — папайя, бананы и вода из водопада — мы двинулись дальше вдоль гряды вулканических скал, выросших из океана миллионы лет назад. Мы оба ритмично дышали в такт своим шагам. Очевидно, Мама Чиа прекрасно знала этот путь или инстинктивно чувствовала, куда нужно сворачивать на очередной развилке.

Я еще раз попросил Маму Чиа рассказать о своей жизни.

— Обычно я не рассказываю о ней, — начала она, — но я думаю, кое-что окажется для тебя полезным.

— Что именно?

— Я не уверена, но у меня есть чувство, что когда-нибудь ты напишешь о своих путешествиях, чтобы поделиться своим опытом с другими, и, может быть, захочешь упомянуть и обо мне.

— Возможно, вы даже станете знаменитой и начнете сниматься в рекламе пива, — пошутил я.

Улыбнувшись, она ответила:

— У тебя это лучше получится. Я предпочитаю оставаться неизвестной. Просто я верю, что одна жизнь способна вдохновить другие.

— Ну что же, я готов слушать, — сказал я, подходя поближе к ней, насколько это позволяла узкая тропка.

— Я родилась здесь, на Молокаи, в 1910 году. И отец, и мать были наполовину гавайцами, наполовину японцами. Как и у этого острова, у меня богатое наследие, но недостаточно сильное тело, — она многозначительно взмахнула тростью.

— По-моему, очень даже сильное, — возразил я. — Мне довольно трудно поспевать за вами. Она усмехнулась и кивнула:

— Джек Лондон однажды сказал: «Жизнь иногда сдает нам хорошие карты, но игру приходится продолжать и при совершенно неудачной раздаче». Я надеюсь, что сделала со своими картами лучшее, что только могла. Ребенком я постоянно уставала. У меня были самые разные аллергии, и я часто болела. Большую часть времени мне приходилось оставаться в постели, и я не могла даже ходить в школу.

Мой отец любил рассказывать мне о том, что Тедди Рузвельт был болезненным и хрупким мальчиком, но вырос «настоящим мужчиной» и стал президентом Соединенных Штатов. Рассказы отца вселяли в меня определенные надежды, но мое тело, казалось, слабело с каждым днем.

Мама Чиа приостановилась, вынула из сумки горсть орехов, поделилась со мной и продолжила:

— Когда мне исполнилось семь лет, мои родители пригласили местного кахуна купуа, шамана по имени Папа Кахили.^[8] Он был очень сильным знахарем. Все, кого он лечил, преклонялись перед его искусством, а те, кто знал и понимал древний Путь, очень уважали его.

Мои родители были набожными христианами и не очень-то верили в духов природы. Но я все слабела и слабела, и ни один врач не мог помочь мне, и тогда их любовь превозмогла страх и недоверие, и они попросили Папу Кахили осмотреть меня.

В первый раз, когда мы встретились, он не дал мне никаких лекарств. Не было и никакой ритуальной магии, которой так боялись мои родители. Он просто ласково поговорил со мной. Я почувствовала искреннюю заботу, которая от него исходила. Я еще не знала этого, но именно в тот день и началось мое исцеление.

Позже он начал давать мне лекарства, которые сам делал из растений, и говорил со мной о многих вещах — о целительной силе, кроющейся внутри меня самой. Он рассказывал мне воодушевляющие истории, благодаря которым в моей голове появлялись прекрасные

образы и мечты. Папа Кахили брал меня с собой в путешествия, и каждый раз я возвращалась домой все более окрепшая и сильная.

— Ваши родители так и не смирились с ним? — спросил я.

— Только много месяцев спустя. Они называли его «человеком Божьим», и им очень нравилось, что он никогда не говорил, что сам исцелил меня — он утверждал, что его направлял Бог и что через него действовал Святой Дух.

Шло время, и в Европе началась Первая мировая война. В газетах пишут о самых великих событиях истории. Но о Папе Кахили никогда не писали в газетах, и он никогда не станет предметом исторических книг. Он был частью тайной истории, которая похожа на подземную реку, дающую жизнь цветам на поверхности земли. И все-таки в нашем крохотном мире он был одним из величайших людей.

Когда закончилась война, мне было уже восемь, и я достаточно окрепла для того, чтобы ходить в школу. Хотя я была толстухой, застенчивой и не очень-то симпатичной, у меня даже появилось несколько друзей. Следующие семь лет я лихорадочно наверстывала все, что упустила, все, что полагается делать обычной девушке: я ездила на Оаху и другие острова, весе-

лилась на вечеринках, гуляла по магазинам с подружками и даже назначала свидания мальчикам.

В конце концов я вдруг устала от вечеринок, путешествий и магазинов. Я всегда чувствовала себя в чем-то отличающейся от других людей — пришельцем в незнакомой стране. Но теперь я чувствовала себя отчужденно даже по отношению к своим друзьям. Им по-прежнему нравились бурные сборища и модные новинки, а я предпочитала читать или просто сидеть среди деревьев, покрытых лунным светом, — она махнула тростью, показывая на окружавшие нас со всех сторон и сверху деревья кукуй.

— Может быть, долгие годы детства, проведенные в одиночестве в постели, когда я могла развлекаться только чтением, вновь возвращали меня ко всему этому и выработали во мне привычку размышлять об иных, более серьезных вещах. Так или иначе, но я все больше времени проводила в одиночестве.

— Мама Чиа, — сказал я, — мне очень неловко вас прерывать, но я понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите о чувстве отличия от окружающих.

Она приостановилась, посмотрела на меня и кивнула.

— Пожалуйста, — попросил я, — продолжайте.

— Я понимала, что разочаровываю своих родителей, и мне хотелось сделать что-то такое, что позволило бы им гордиться мной. Отец тяжело работал на сахарном заводе и с трудом накопил денег на мою учебу в колледже. Поэтому я старалась изо всех сил и прочитала намного больше, чем все мои сверстники, — мне очень хотелось исполнить надежды родителей. В 1928 году я поступила в Стэнфордский университет.

— Вы учились в Стэнфорде? — изумленно спросил я.

— Да, — ответила она. — Почему это тебя так удивляет?

— Ну... Даже не знаю...

— В детстве я все время лежала в постели — и читала, читала... Моим родителям было довольно трудно и дорого доставать мне книги на самые разные темы. Я думала, что серьезно отстаю от школьной программы, но когда пришла в школу, то оказалась одной из лучших учениц. И я очень неплохо сдала вступительные экзамены в университет...

— А вот в этом мы отличаемся! — усмехнулся я. Она улыбнулась в ответ.

— Родители считали, что мне осталось найти себе хорошего мужа, но самым важным для меня была учеба — в университете можно было узнать столько нового, а библиотеки были просто забиты книгами, и я совсем не собиралась упускать такую прекрасную возможность. Меня интересовало человеческое тело — наверное, из-за собственных проблем со здоровьем, — и поэтому я поступила на медицинский факультет.

Уже старшекурсницей я наткнулась на небольшую статью о традициях гавайских кахуна, и это меня полностью поглотило. Кроме того, я много читала о других системах духовной и сакральной медицины, включая гипноз и психоанализ, работающие с разумом на основе принципов веры и убеждения. Я осознала, что моим призванием является именно целительство, а не традиционная медицина.

— Вы не верите в традиционную медицину?

— Я очень ценю средства и технологии современной западной медицины, — возразила она. — Но я убеждена, что большинство

врачей, как и их пациентов, больше беспокоятся о быстром облегчении симптомов болезни с помощью лекарств и хирургии, чем об обучении и воодушевлении пациентов. Они редко пытаются помочь больным изменить те привычки и тот образ жизни, которые стали причинами их болезни, и начать жить в гармонии с законами природы. Когда-нибудь медицина изменится, — убежденно заявила она. — Как только люди поймут, что именно на самом деле важно.

— Но что дальше? Вы оставили Стэнфорд?

— Одновременно со всеми этими событиями я познакомилась со своим будущим мужем, чего совсем не ожидала. Однажды, на ступеньках библиотеки, я выронила из рук книгу. Прежде чем я успела нагнуться, неизвестно откуда возник симпатичный молодой человек, схватил книгу и с улыбкой протянул мне. Мы разговорились — и больше не замолкали. Его звали Брэдфорд Джонсон. Мы обвенчались сразу после окончания университета. Я никогда не понимала, как он — красивый, атлетически сложенный мужчина — мог влюбиться в такую дурнушку, как я. Я часто шутила, что, наверное, спасла ему жизнь в прошлом воплощении и теперь он выплачивает свой долг!

В 1932 году, когда мы окончили учебу, Брэдфорд начал преподавать в Калифорнии, а я уже была беременна. Мы были так счастливы! — Голос Мама Чиа дрогнул, и я едва расслышал ее следующие слова. — Мы потеряли ребенка... — Несколько минут Мама Чиа грустно молчала. — И я узнала, что никогда не смогу иметь детей. Никогда. Я почувствовала себя так, словно мое тело меня предало.

Брэдфорд был очень чутким человеком. Он сказал, что мы могли бы взять приемного ребенка, но так получилось, что мы оба все время были слишком заняты... Во всяком случае, у меня есть племянник и две племянницы. — Она попыталась улыбнуться, но ее улыбка быстро растаяла.

— Через месяц внезапно умер мой отец. Мать осталась совсем одна, и я была нужна ей. Брэдфорд нашел преподавательскую работу на Оаху, так что я проводила будние дни здесь, на Молокаи, рядом с матерью, а выходные — на Оаху, с мужем. Так продолжалось до тех пор, пока школу, в которой работал Брэдфорд, не закрыли во время Великой Депрессии. Он тоже переехал к нам, на Молокаи. Это были трудные времена, но у нас, по крайней мере, была крыша над головой и огород.

Наступил 1941 год. Бомбардировка Перл-Харбора. Это и последующие события стали одними из самых страшных в моей жизни. — Мама Чиа остановилась и повернулась к панорамному виду джунглей далеко внизу и океану за ними. — Я не привыкла к таким разговорам. Немногие люди знают эти вещи обо мне, а у меня самой нет особой потребности ими делиться... Ты понимаешь? Может быть, нам следует на этом и остановиться?

Я коснулся ее руки и сказал:

— Мама Чиа, я очень нежно к вам отношусь. Мне действительно интересна ваша жизнь и ваш опыт. Большинство пожилых людей— живые сокровищницы, частицы истории. Но они редко рассказывают о своей жизни, считая, что в ней нет ничего выдающегося. — Печально покачав головой, я добавил:

— Я испытывал очень теплые чувства и к Сократусу, и много раз просил его рассказать о прошлом, но он всегда мне отказывал. Это задевало меня, хотя я ему об этом и не говорил. И, может быть, то, что я не знаю, кто он и откуда, — еще одна упущенная возможность моей собственной жизни. Вы ведь хотели узнать, интересна ли мне ваша жизнь?

Она молча кивнула, но на ее лице не было никакого выражения, пока я не заметил, что в ее глазах, неподвижно глядящих на синий океан, стоят слезы. Высоко над нами проносились облака, которые, казалось, цепляются за горные пики. Мама Чиа подняла свою трость, жестом показала, что мы должны продолжать путь, и, когда я последовал за ней, продолжила:

— Брэдфорд тогда был в Гонолулу и видел разрушение Перл-Харбора. Как любой порядочный выпускник Стэнфорда, он пошел в Военно-Морской Флот, чтобы помочь защитить свою страну. И как бесчисленное множество других женщин, я каждое утро, каждую ночь молилась за своего мужа.

Поползли гнусные слухи о том, что люди японо-американского происхождения будут перевезены в специальные лагеря на континенте, чтобы избежать саботажа и диверсий. Я не верила, что такое может случиться, просто не могла поверить. Но эти слухи оказались правдой. Хотя я была японкой только частично, мы с матерью перебрались в эту изолированную и незаметную часть острова. Маме было тогда за

шестьдесят, и она страдала от множества болезней, облегчить которые было не в моих силах.

На Молокаи вернулся Папа Кахили, который провел около десяти лет с одним местным шаманом в Африке. Я попросила его помочь моей матери. Но он был уже очень стар, и его работа в Африке — непрерывное сражение с голодом, дизентерией и огромным числом других болезней — отняла у него все силы. Он сказал, что Дух призывает мою несчастную мать и скоро она освободится от своего бренного тела и страданий, — а он сам уйдет вслед за ней.

Он подолгу разговаривал с моей матерью и успокаивал ее. Через неделю после его возвращения она тихо скончалась во сне. Мне было очень одиноко, и я целыми днями помогала старому Папе Кахили. Набравшись смелости, я попросила его учить меня пути кахуна. Я чувствовала, что это моя судьба.

И он заплакал, он рыдал скупыми слезами старика, потому что он всегда знал об этом — все эти годы, — но ему приходилось ждать, пока я сама не попрошу его. Он принял меня в свою семью и посвятил в традиции кахуна.

Папа Кахили давно отправился в мир духов, но я всегда чувствую его присутствие рядом со мной. Так происходит с каждым, у кого был учитель. Он обучил меня, как я могу помогать тем, кто в этом нуждается.

Я начала помогать тем людям, которым служил он сам, здесь, на Молокаи. Кроме того, я прошла дополнительное обучение навыкам акушерки. В студенческие годы я видела много смертей, — сказала она. — Я хотела уравновесить их, помогая появиться на свет новым жизням. Я все-таки смогла участвовать в чуде рождения, хотя эти дети были не моими.

Потом я получила извещение от Департамента Военно-Морского Флота. Еще до того, как я открыла его, я знала содержание письма — каждое слово в нем. Выплакавшись, я дрожащими руками открыла конверт. Письмо подтвердило то, что снилось мне уже несколько дней — Брэдфорд, мой муж, пропал без вести в море.

Война закончилась, и ко мне пришло беспокойство. Слишком много призраков прошлого, слишком много воспоминаний. Я накопила денег и в 1952 году...

— Мне было шесть лет, — вставил я.

— Да, когда тебе было шесть лет, я отправилась в двенадцатилетнее кругосветное путешествие. Я следовала не карте, а своей интуиции. Первые два года я провела на континентальной части Соединенных Штатов. Я передвигалась поездами, автобусами и просто пешком. Я знакомилась с людьми, к которым направляло меня Высшее Я, я приходила туда, куда оно звало меня.

— Вы когда-нибудь были в Беркли, штат Калифорния? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Я проезжала через Беркли, но, если тебя именно это интересует, то с Сократусом я познакомилась только через восемь лет. Потом я отправилась в Северную Европу — изучала традиции и знания друидов, потом проехала через Испанию и Центральную Европу, потом еще южнее, через несколько африканских городов. Затем я отправилась к ближневосточной и арабской культуре, а дальше — в Индию, Непал, Тибет и на Памир...

— Я был там, — прервал я, — но не нашел того, чего искал.

— Я очень рада, что путешествовала уже в зрелом возрасте. Если бы я была моложе и еще не прошла необходимой подготовки, я пропустила бы школу.

— Какую школу? — переспросил я, вспоминая слова Сократуса.

— Потом я посетила Китай и нашла там новых друзей, с которыми посетила Таиланд и немного путешествовала по островам Индонезии...

— Какую школу? — повторил я.

— Тайную школу в Японии.

— Что значит «тайную»?

— Никакой рекламы и узкая специализация, — улыбнулась она, но потом добавила уже серьезно: — Ее могут увидеть лишь немногие. К тому времени я уже многое знала об исцелении тела и ума. Мне хотелось познать духовный путь, но, кроме того, я хотела пройти через физические испытания и узнать, смогу ли я изменить свое непослушное и слабое тело. И учитель показал мне, на что я способна. Именно там я познакомилась с одним из самых необычных учеников — с человеком, которого ты называешь Сократусом.

— Там? — переспросил я, повернувшись к ней и чуть не натолкнувшись лбом на выступающий из скалы камень. — Расскажите

мне о Сократусе — и про эту школу! На что это было похоже? И что он делал там? Мама Чиа помолчала.

— Если Сократус сам не рассказал тебе, значит, у него были на то причины. — Она заметила мое разочарование и добавила:

— Поверь, если Сократус что-то рассказывал, а что-то не рассказывал, то это предназначалось для твоей же пользы. Я тоже не думаю, что пришло время говорить об этих вещах.

— Но где эта школа? Кто учитель? Какие еще места мне предстоит посетить?

— Сейчас не время, — повторила она. — Многие вещи тебе придется познать, основываясь на собственном опыте, интуиции и предчувствиях.

Я окончательно расстроился, огляделся и обнаружил, что мы находимся в самой высокой точке в округе.

— Я бы хотела закончить свой рассказ, — вновь заговорила Мама Чиа. — Это поможет тебе понять, где мы сейчас и что нам предстоит сделать вместе. Я провела в этой школе два года и три месяца. В первый раз за всю жизнь мое тело обрело приличную форму, хотя я и не стала особо крепкой или мускулистой. Но я могла бегать] Я могла подпрыгивать в воздух, разворачиваться и наносить удары ногами. В это трудно поверить, — она вспоминала об этом с явным удовольствием, — но я действительно стала неплохим акробатом и бойцом. — Мама Чиа подняла над головой свою трость и сделала несколько резких вращательных движений, хотя и не очень быстрых. — Я очень много узнала о своих силах и о моем духе.

И я узнала еще больше о целительстве. В 1964 году я вернулась домой, на Молокаи, и меня переполняли энтузиазм и энергия. Я была готова творить чудеса и исцелять прокаженных. И тут ко мне прибежал Сей Фуджимото. Обезумевший от горя, он сказал, что его только что родившийся сын внезапно заболел. Мы выбежали на дорогу и сели в его старый грузовик. Сей рассказал, что у ребенка начались судороги, а потом он потерял сознание. Сей был в полной панике. Его жена, Мицу, была не в лучшем состоянии — совершенно не в себе.

Все мы были бедными и жили изолированно от цивилизации, поэтому о вертолете и речи не могло быть. В любом случае, было слишком поздно. Ребенок был в очень плохом состоянии. — Мама Чиа замолчала, присела и жестом предложила мне сделать то же самое. Мы

уселись на камни, россыпью покрывающие склоны вершины, и она печально продолжила:

— Я сделала все, что могла. Я использовала все свои знания и всю свою силу. Чтобы помочь ребенку, я израсходовала всю свою волю и энергию. Я шептала молитвы Богу, я призывала Его милость. Но ребенок все равно умер.

Глаза Мамы Чи наполнились слезами. Она посмотрела на меня.

— В мире немного вещей, которые могут причинить большее страдание, чем смерть ребенка, — сказала она. — Ни религия, ни философия не могут вылечить сердце, израненное подобной потерей. Только время имеет власть — оно позволяет забывать. Семья Фуджимото оплакивала свое дитя долго, очень долго...

Ребенок умер у меня на руках. И что-то внутри меня тоже умерло. Он снился мне по ночам. Сначала я была убеждена, что могла бы спасти его, если бы только старательнее училась, больше знала и умела... Потом у меня возникла навязчивая идея о том, что мне просто не суждено лечить людей. Эта мысль полностью овладела мной, и, несмотря на протесты тех, кому я помогла, несмотря на искреннюю благодарность Фуджимото за все мои усилия по спасению их ребенка, я поклялась никогда больше не заниматься целительством. Меня не покидало чувство стыда, я чувствовала себя шарлатаном. Я потеряла веру в себя и в Дух.

Именно тогда, в 1965 году, я переехала на Оаху и пошла работать в банк. И я снова начала набирать вес.

— Это вас беспокоило? — спросил я. — Я имею в виду, после вашего обучения в той школе не хотелось ли вам снова вернуться к хорошей спортивной форме? — У каждого есть сильные и слабые стороны, — ответила она. — Часто всю мою волю отбирали эмоции — так и случилось в то время, когда я работала в банке. Я просто не заботилась об изменении себя, у меня для этого не было достаточных оснований. Я погрузилась в скучный, но безопасный образ жизни: дом, работа, привычная улыбка, надеваемая сутра вместе с деловым костюмом. Сейчас, когда я вспоминаю то время, оно кажется мне адом. Но я сама выбрала тогда, какой мне быть и что делать. Все это продолжалось почти два года, пока я не получила письмо от Сократуса. Это было шесть лет назад.

— В 1967 году? — уточнил я.

— Да. Я не знаю, как он нашел меня и почему он вообще решил написать мне. Мы ничего не знали друг о друге уже много лет. Но его письмо было просто чудесным. Оно напомнило мне все, о чем я успела позабыть. Его слова укрепили и вдохновили меня. Они снова вселили в меня чувство цели.

— Да, у него это неплохо получается, — улыбнулся я.

— Да, — повторила она, улыбаясь в ответ, — у него это очень неплохо получается. Именно тогда он сообщил мне о тебе, о том, что однажды ты отправишься искать меня. Я вернулась на Молокаи и с тех пор занималась тем делом, для которого была рождена. А мой внутренний взор следил за тобой.

— А все остальное, как говорится, уже история, — вновь улыбнулся я.

— Ну, не совсем, — сказала Мама Чиа, и ее лицо засияло. — Три недели назад я помогла появиться на свет сыну Мицу и Сея Фуджимото!

— Здорово! — воскликнул я. — Обожаю счастливые завершения историй!

Мама Чиа остановилась и отдыхала, прислонившись к стволу дерева. С очень серьезным лицом она сказала:

— Я надеюсь, что завершение твоей истории будет не менее счастливым.

Глава 10

По лезвию бритвы

Забудьте о том, что вам нравится и не нравится.

Это не имеет никакого значения.

Просто сделайте то, что следует делать.

Возможно, в этом нет счастья, но в этом заключается подлинное величие.

Джордж Бернард Шоу

После обеда крутой спуск вновь сменился мягким подъемом. Мы по-прежнему шли по горному гребню, и сейчас каменистая тропа сузилась до ширины гимнастического бревна, не оставляя никакого права на ошибку и потерю равновесия.

Когда мы ступили на опасно узкий гребень, о продолжении разговоров не могло быть и речи. С воздуха это место, должно быть, выглядело как лезвие бритвы. С обеих сторон от него были почти отвесные многометровые обрывы. Преодолевая головокружение, я заставил себя сосредоточиться на спине Мама Чиа, которая шла в трех метрах впереди. Мы балансировали на узкой тропе, как горные козы. Камни по краям этого лезвия выглядели очень ненадежными, поэтому мы ступали очень осторожно, и любой неверный шаг мог оказаться гибельным. Мы продолжали это напряженное и медленное продвижение на восток до тех пор, пока тропа вновь не расширилась. Мама Чиа жестом предложила присесть и отдохнуть.

Я глубоко вздохнул и расслабился. Мама Чиа выглядела поразительно хладнокровно. Она открыла сумку, которую я с облегчением сбросил с плеча, когда мы уселись, и протянула мне сэндвич.

— Это кау-кау, — сказала она. — Хорошая еда.

— Да, я узнаю это, — сказал я, впиваясь в толстые куски хлеба. — Вкусно!

Пока мы ели, я сказал Маме Чиа, насколько меня поражает то спокойствие и бесстрашие, с каким она двигалась вдоль по гребню. Даже у меня, бывшего гимнаста, это место вызвало спазмы желудка.

— Ты решил, что я такая смелая? — спросила она.

— Конечно!

— Что ж, возможно, так оно и есть, но только потому, что у меня были хорошие учителя. Я расскажу тебе об одном из них. Много лет назад, когда я в свободное время бесплатно работала в Стэнфордской больнице, я познакомилась с одной девочкой по имени Лиза — она страдала очень редкой и тяжелой болезнью, и единственным шансом на выздоровление было переливание крови ее пятилетнего брата, который волшебным образом пережил ту же болезнь и выработал антитела, необходимые для борьбы с нею. Врачи объяснили этому маленькому мальчику ситуацию и спросили, согласен ли он дать свою кровь сестре. Я видела, как он заколебался только на мгновение, потом глубоко вздохнул и сказал: «Да, я согласен на все, чтобы спасти Лизу».

— Когда началось переливание крови и он лежал на кушетке рядом с сестренкой, малыш и все мы улыбались, наблюдая, как к ее щекам возвращается румянец. Потом лицо мальчика побледнело, а улыбка угасла. Он взглянул на врача и дрожащим голосом спросил: «Я уже умираю?»

Мама Чиа подняла глаза и пристально посмотрела на меня.

— Он был очень маленький, этот мальчик. Он не понял врачей. Он решил, что ему придется отдать сестре всю свою кровь.

— Да, я научилась смелости, — повторила она, — благодаря множеству прекрасных учителей.

Мы закончили трапезу молча. Затем я прилег, но как только погрузился в благословенную дремоту, до меня донесся голос Мамы Чиа:

— Пора идти. Нам нужно поспеть до темноты.

— Нам нужно с кем-то встретиться? Она немного задержалась с ответом:

— В некотором роде.

Над головой двигались темные тучи, время от время скрывающие солнце, которое уже касалось зелени джунглей и неумолимо опускалось к горизонту. Мы уже спустились с гребня и снова оказались в лесу.

— Побыстрее! — торопила Мама Чиа, ускоряя шаг. — Начинает темнеть.

Мы быстро шли по неровной бугристой тропе. Прошел еще час, и нам уже пришлось продирааться сквозь дремучую чащу. Мы шли почти весь день, и я предельно устал. Я сказал Маме Чиа:

— Сегодня мы прошли пять-шесть миль. Может, передохнем?

— Около девяти миль, — уточнила она. — Нет, еще рано отдыхать.

Начал моросить мелкий дождь, но кроны деревьев над нами были плотны, как крыша, и капли не достигали нас. Мне приходилось почти бежать, чтобы успевать за стремительным шагом Мамы Чиа.

— Я никак не могу поверить, что вы можете двигаться так быстро. Это очень необычно для человека... вашей комплекции, — задыхаясь, сказал я.

— Я умею использовать большие запасы энергии, — объяснила она.

— Как вы это делаете? В чем секрет этого умения?

— Скажем так, — ответила она. — Мать, даже если она очень устала за день, будет вставать снова и снова всю ночь, откликаясь на каждый вздох больного ребенка. Так происходит и со мной по отношению к тебе. — В темноте я не мог различить, улыбается ли она, но мне так показалось.

Мама Чиа продолжала идти в том же темпе. Я спешил за ней, часто поскользываясь на поросших мхом камнях. Вверх и вниз, по горным площадкам, мимо небольших водопадов, порождаемых множеством пробивающихся на поверхность родников, обычных для этого острова, сквозь бьющие по лицу ветви деревьев... Так мы прошли — или пробежали — еще несколько миль.

Когда мы преодолели еще один подъем и начали спускаться в долину Халава, я неожиданно ощутил себя бодрым. Этот необъяснимый прилив сил продолжался все время, пока мы продолжали спускаться. Наконец мы достигли небольшой поляны, которую со всех сторон окружала плотная стена деревьев.

Лучи солнца, которое уже касалось горизонта, прорывались сквозь густую листву и отпечатывались на траве полосами света.

— Располагайся, — сказала Мама Чиа.

Я с удовольствием уселся на мягкий, слегка влажный покров опавших листьев и сбросил на траву тяжелую сумку. Мама Чиа продолжала стоять под деревом кукуй и пристально вглядывалась в пространство.

Я откинулся на спину и смотрел в начинающее темнеть небо сквозь ветви деревьев. Минуту спустя раздался голос Мама Чиа.

— Дэн, — тихо сказала она, — помнишь, что я говорила о смещении формы?

— Ну, не так-то много вы об этом говорили... — Меня подбросило от резкого и громкого птичьего щебета. Я быстро повернулся к Мама Чиа. Она исчезла, но на том месте, где она только что была, на низкой ветке дерева кукуй сидела птица.

Она была совершенно неподвижна, словно чего-то ждала.

— Невероятно! — воскликнул я. — Не может быть...

Птица немигающее, смотрела на меня. Я тоже рассматривал ее и ждал какого-нибудь сигнала. В этот момент из-за ствола соседнего дерева выглянуло лукавое лицо Мама Чиа. Когда она увидела меня, стоящего с отвисшей челюстью, ее улыбка перешла в заразительный хохот.

— Дэн, жалко что у меня нет с собой фотоаппарата! Ты бы видел свое лицо!

Она вышла из-за ствола и подмигнула птице. Та слетела ей на плечо.

— Так ты подумал, что я действительно превратилась в птицу? — спросила она. — Боюсь, ты начитался Карлоса Кастанеды.

— Мне доводилось видеть самые странные вещи, — возразил я.

Цитируя Шекспира, она продекламировала:

— «Есть много, друг Горацио, такого, что и не снилось нашим мудрецам». Да, Дэн, многие повседневные чудеса проходят незамеченными для большинства людей. И все-таки люди не могут физически превращаться в птиц. Смещение формы означает перемещение сознания, что-то вроде глубокого сопереживания. Не больше и не меньше. — Она погладила птичку, пощекотала ее темно-красную грудку и белые крылышки, и та защебетала в ответ. — Это апапан. Он летает за мной, когда захочет, — объяснила она, касаясь искривленного клювика. — Я зову его Рэдберд.

— Он ручной? — спросил я. Мое смущение уже прошло, и мне стало весело. — Я могу его погладить?

— Не знаю. Нужно у него самого спросить.

— Как же я спрошу? Нужно посвистеть на птичьем языке?

Она обменялась с птицей взглядом. Апапан повернул к ней голову, словно спрашивая: «Да кто это такой?» Я медленно подошел к ним, и апапан позволил погладить ему брюшко.

— Признаться, это был славный трюк. Вы действительно ошарашили меня.

Ее лицо потемнело, как небо в вышине, и она выпрямила голову.

— То, что нам предстоит сегодня ночью, не имеет ничего общего с «трюками», — сердито заявила она и взяла птичку в руки. — Это связано с жизнью и смертью.

Внезапно она крепко сжала ладонь вокруг птицы, которая забилась в ее руке, и стискивала ее до тех пор, пока апапан не затих. Она разжала руку — бездыханный, он лежал на ее ладони. Я окаменел, не веря в происходящее:

— Что вы наделали?]

— Это связано со смертью и с жизнью, — прервала она и подбросила птичку в воздух. Апапан расправил крылья, взлетел на ветку и начал насвистывать прекрасную песню, несмотря на начавшийся дождь. Очевидно, он чувствовал себя превосходно.

Дождь скоро кончится, но когда я смогу оправиться от этого жуткого чувства сверхъестественности происходящего? Все еще ошеломленный, я наблюдал, как Мама Чиа прилегла на траву и завозилась, как медведица, устраиваясь поудобнее. Она казалась мне каким-то невиданным лесным зверем.

Я тоже прилег, пролежал минут пятнадцать, но, разумеется, не мог заснуть. Меня переполняли впечатления происшедшего и предвкушение того, что случится дальше.

— Похоже, мы проведем в этих местах несколько дней? — спросил я.

— Думаю, да, — немедленно откликнулась Мама Чиа.

— Я вас не задерживаю? Я имею в виду, вы можете понадобится другим, своим пациентам и друзьям.

Она повернулась и посмотрела мне прямо в глаза:

— Считай, что я выехала на срочный вызов.

— А в чем причина срочности?

— В тебе, — сказала она, слегка улыбнувшись. Она приподнялась и села, ее лицо снова стало спокойным и серьезным. — Причина в тебе. Именно поэтому мы сейчас здесь.

— А что это за место?

— Это центр Каланикаула, священная роща кукуй.

— Священная? — Я тоже сел прямо и осмотрелся.

— Да. Разве ты не чувствуешь?

Я смотрел на серую кору, светло-зеленые листья и белые цветы прекрасных деревьев вокруг, потом закрыл глаза и осознал, что ощущение красоты связано не столько со зрением, сколько с восприятием этого места.

— Да, — сказал я, — я чувствую. Но разве мы шли так долго только ради этого?

— Мы идем в священное место за священным знанием. — Она резко поднялась на ноги. — Пойдем. Скоро стемнеет. — Без дальнейших объяснений она повернулась и направилась в глубину джунглей. Я быстро встал и последовал за ней.

— Вы не хотите мне рассказать, что мы будем делать? — спросил я, петляя между деревьями и пытаясь не потерять Маму Чиа в сумерках.

— Узнаешь, когда придем, — коротко бросила она.

— Придем куда?.

Хотя лес приглушал все звуки, ее голос был вполне отчетливо слышен.

— На место захоронения, — ответила она.

— На кладбище? Ночью? Сейчас? — Волосы у меня на затылке зашевелились. Это был явный сигнал Базового Я, предвещающий приближение чего-то ужасного. Как гласит старая пословица: «Свет в конце узкого туннеля может оказаться огнями надвигающегося поезда».

Глава 11

Башня жизни

Таким образом, символически Башня первоначально означала проводник, связывающий материю и дух... Боги ищут возможность войти к нам — если необходимо, с применением силы.
Салли Николе, «Карл Юнг и карты Тара»

К тому моменту, как я вновь пришел в себя, Мама Чиа была уже метрах в пяти впереди, и мне пришлось пробежаться, чтобы догнать ее. Мы покинули рощу деревьев кукуй, и на узкой тропе к месту захоронения лес изменился. На многие мили вокруг, насколько позволял видеть серебряный блеск полумесяца над головой, распространялся мертвый, высохший лес — то, что раньше было гордыми охи-а и прекрасными коа, сейчас представляло собой голые скелеты, обрамляющие гребни скал, которые окружали долину Вайлау.

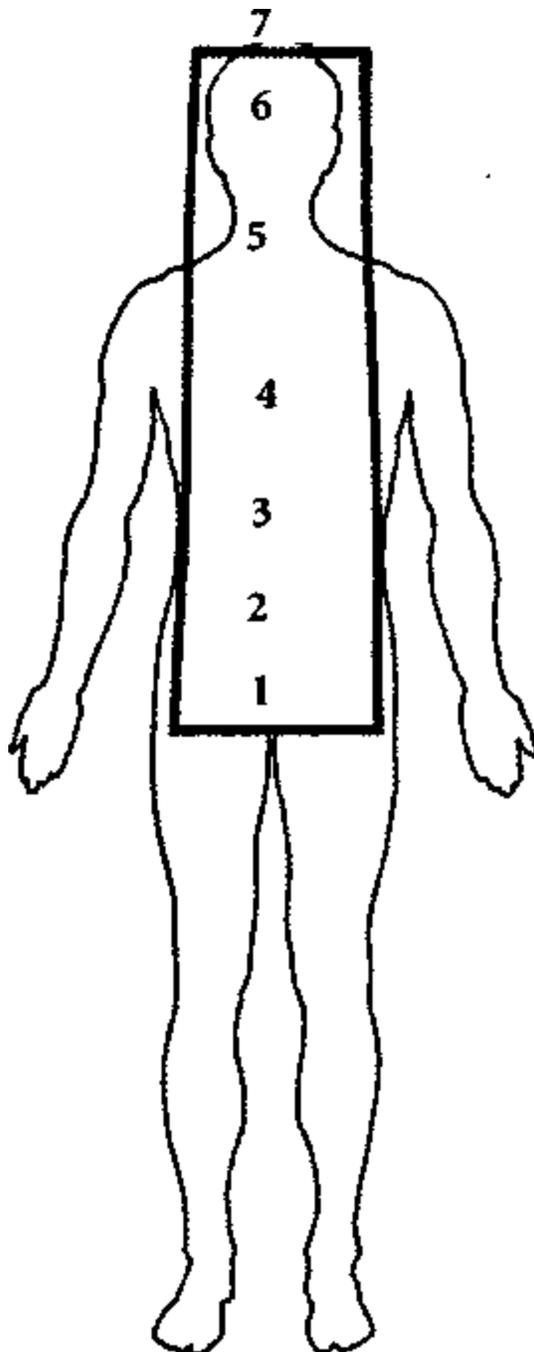
— Для забавы охотников сюда привезли оленей, — объяснила Мама Чиа. — Они съели все свежие побеги, поэтому молодые деревья так и не выросли. Большинство взрослых деревьев погибло от засухи, задохнулось в ядовитых лианах и мхе, нетронутых оленями.

Мы поднялись вверх, в предгорья, и снова спустились к этим искривленным сучковатым патриархам, последним останкам погибшего леса. В залитом лунным сиянием лесу Мама Чиа начала говорить, и ее слова, как мощный магнит, втягивали меня в новое видение реальности.

— Человеческое тело подобно семиэтажной башне, — сказала она. — Это уже многие столетия известно исследователям внутреннего мира, постигшим тонкие тела и энергетические центры человека. Индийские мистики называют эти семь уровней чакрами. Сейчас я

покажу. — Она вынула из своей сумки ручку и блокнот и, присев на корточки, нарисовала в нем диаграмму:

Семиэтажная башня

7. ЧИСТОЕ БЫТИЕ И БЛАЖЕНСТВО Чистый Дух; Я больше не существует.

6. ЕДИНСТВО Чистый Свет; связь с Духом.

5. МИСТИЧЕСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ Чистая Одухотворенность; глаза, обращенные к Духу.

4. ТРАНСПЕРСОНАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ Чистое Сопереживание; открытое сердце; это уже не является центром сознания. Чувства: любовь, счастье. Основной вопрос: лучшее и эффективное служение миру.

БОЛЬШОЙ СКАЧОК

3. ЛИЧНАЯ СИЛА Чувства: гнев, напряженность. Основные вопросы: дисциплина, решительность, воля.

2. СЕКСУАЛЬНОСТЬ И СОЗИДАНИЕ Чувства: печаль, слабость. Основные вопросы: достижение цели, полнота жизни; энергия и взаимоотношения с людьми.

1. ЛИЧНОЕ ВЫЖИВАНИЕ Чувства: страх, паралич. Основной вопрос: забота о самом себе.

Закончив рисовать, Мама Чиа пометила диаграмму подписями.

— Этот рисунок выражает суть всего, что тебе сейчас нужно знать, — сказала она. — Башня Жизни в тебе самом. У каждого ее уровня есть собственные отличительные качества, и каждый из них, начиная с нижнего и до самого верхнего, соответствует все более расширенным состояниям осознания.

— Три нижних этажа — выживание, созидание и сила — представляют собой царства Базового и Сознательного Я. Они не интересуются верхними этажами и не отвечают за них. Очищение трех нижних уровней и решение связанных с ними вопросов усиливает и укрепляет Базовое Я. На четвертом уровне, в царстве сердца, ты впервые приходишь к связи со своим Высшим Я. — Она замолчала.

— А три верхних уровня? — спросил я.

— Пусть они пока тебя не беспокоят.

— Но мне интересно! — возбужденно воскликнул я. — Эта карта — именно то, что я искал все это время. Сейчас я это понял! Я так устал от постоянной борьбы со своими нижними уровнями. Вот это, — я указал на седьмой этаж Башни, — и есть то, чего я хочу, куда стремлюсь попасть.

Мама Чиа оторвала взгляд от диаграммы и показала на ближайшее дерево кукуй, гладкая кора которого тускло блестела при лунном свете.

— Подобно этому дереву, — сказала она, — подобно башне, человеческое существо рождено в этом мире, чтобы связать собой землю и небеса, чтобы сплотить в себе все три Я. Но если корни дерева не уйдут глубоко в землю, оно не сможет расцвести. Если у башни слабый фундамент, она рухнет. Приведи в порядок свои подвалы, Дэн, прежде чем отдыхать на верхнем этаже.

Несколько мгновений я обдумывал все это. Признаться, я всегда представлял, что живу на довольно высоком этаже, пребываю на вполне высоком уровне. Но сейчас я уже не был уверен в этом.

— Что означают эти слова, здесь, посередине? — спросил я, указывая на диаграмму. — Что такое «Большой Скачок»?

— Это самое трудное и волшебное превращение в жизни любого человека, — ответила Мама Чиа. — Это переход от личных забот и интересов трех нижних уровней к глубинам сердца. Когда ты оказываешься на четвертом этаже, дальнейшее продвижение подобно подъему в лифте, — завершила она.

— Дэн, — она продолжала все более страстно и вдохновенно, — все твои внешние цели, путешествия и испытания отражают эту задачу внутреннего восхождения. И каждый человек на земле рано или поздно поднимется по этим семи ступеням к обители собственной души,

Она начала говорить что-то еще, но замолкла, обошла меня и встала сзади:

— Присядь-ка. Вот так, и расположись поудобнее. — Мама Чиа начала разминать мне плечи.

— Вы решили сделать мне массаж? Здесь, сейчас? — спросил я, и в этот момент мои ноги начали подергиваться с каждым нажатием ее пальцев на какую-то точку на моей шее. В пространстве перед собой я увидел вспышки света.

— Хорошенько расслабься и постарайся не напрягаться, — потребовала она, растирая костяшками пальцев мои виски, все сильнее и сильнее. Ее голос стал слабым и приглушенным, и последними словами, которые я услышал, были: «В самых глубоких тайниках разума любого человека существуют всеобщие архетипы...» Я почувствовал, как мои веки сомкнулись, а потом услышал шум далекого ветра...

Я открыл глаза и замигал, увидев облака пыли, катящиеся по серой равнине, похожей на лунный кратер и простирающейся на многие мили во всех направлениях. На этом бескрайнем просторе разгуливал порывистый стонущий и завывающий ветер. Потом я заметил что-то неясное, слишком далекое, чтобы можно было рассмотреть детали. Башня? Да, белая Башня. И я знал, что мне нужно попасть туда. Я не прилагал никаких физических усилий, но почувствовал, что только под влиянием воли начал приближаться к ней. Башня становилась все больше и скоро нависла прямо надо мной.

Исполненный благоговейной радости и страха, я обнаружил, что нахожусь перед окном основания Башни, ее подвала.

Я ощутил, что этот уровень и несколько этажей над ним являются той обителью хаоса, где каждый человек пребывает большую часть своей жизни, царством невыявленных проблем,

символов и страхов — скрытых артефактов старого подвала.

Когда мое осознание проникло вглубь призрачного света подвала, я узрел безжизненный мир, заброшенную пустошь — пыльное и грязное пространство, населенное лишь врагами и соперниками.

Вскоре я понял, что окно каждого этажа открывает иную картину мира. Заглянув в окно второго этажа, я увидел более красочный пейзаж: царство деревьев, трав и ручьев, в котором гуляли и предавались различным формам удовольствий счастливые пары. Меня охватило желание.

Третье Окно демонстрировало мир порядка, геометрической правильности и красоты, в котором гармония структур усложнялась стремительным крещендо, а люди были стройными и высокими. Сквозь окно я заметил серо-стального робота, свое Сознательное Я. Почему-то я знал, что это место — крошечная обитель Сознательного Я и что это самый высокий уровень, на котором оно способно действовать.

Мое осознание переместилось к четвертому окну. Я увидел всех людей мира, представителей всех рас, культур, верований. Они пожимали руки, любили и помогали друг другу. Человечество пело хором — и это была песнь гармонии. Меня переполнило чувство сопереживания, и я услышал голоса ангелов небесных.

Затем меня мгновенно пронесло сквозь три верхних этажа и подняло ввысь волной невыразимого блаженства. Я чувствовал, видел,

слышал, обонял и ощущал на вкус бесконечно острее, чем обычно. У меня возникали непередаваемые, новые, неизвестные ощущения. Я проник сквозь вуали иллюзий, воспринимал тончайшие энергии, иные измерения и Вселенные и, наконец, — я увидел Свет!

Я испытал потрясающий шок, и в следующий миг, словно на лифте, мое осознание стремительно понеслось вниз, подчиняясь сигналам тревоги, доносившимся с трех нижних этажей. И я понял, что мое Сознательное Я обречено вновь и вновь опускаться туда, в объятия страха, сексуальных желаний и власти, до тех пор, пока эти проблемы не будут полностью разрешены.

Затем я с острой тоской вспомнил счастливые мгновения спокойного и расширенного состояния осознания в моем ран-см детстве. Ангельские энергии приглашали меня тогда к высшим уровням Башни. Мне страстно захотелось вернуться туда, ибо какая-то часть меня всегда знала о том, что мир над Башней, в царстве Света, и есть мой настоящий дом.

В возвращении в этот дом и заключается цель моей души, мое священное путешествие: начиная с подвального этажа, я — мое Сознательное Я — должно было найти путь к свету высших уровней, пройти по всем этажам Башни, познать испытания и возможности, связанные с ними, — и разрешить эти проблемы. Но это станет возможно только тогда, когда я захочу видеть и научусь принимать то, что есть, когда я смогу отказаться от склонности к иллюзорным мечтаниям.

Я вернулся в то место, с которого начал путь к Башне, — в бескрайнюю равнину, по которой ураганы несли тучи пыли. Я снова смотрел на Башню издалека, и сейчас она казалась еще более величественной. Ее вершина уходила высоко в небеса, в туманную мглу фиолетовых, розовых и золотых вихрей, клубящихся в небе. Но сияние над Башней было ярким, как солнце, и я не мог долго смотреть над него...

В следующий момент я начал осознавать, что сижу, прислонившись к дереву. Мои глаза были широко раскрыты, и я все еще видел перед собой Башню, но по мере возвращения к обычному сознанию ее образ становился все более расплывчатым, пока не растворился полностью. Теперь вокруг меня были только листья деревьев кукуй, шелестящие под мягким дуновением теплого бриза.

Я продолжал сидеть неподвижно. Даже после всех тех странных и неожиданных вещей, с которыми я столкнулся, обучаясь у Сократуса, видение совершенно ошеломило меня. Сделав глубокий вдох, я медленно повернул голову и увидел Маму Чиа, которая спокойно сидела неподалеку. Ее глаза были закрыты.

Наконец я смог выдать из себя:

— Я не знаю, как вы это сделали, но теперь я понимаю то, что вы говорили о Башне.

— Еще нет. Пока что ты понимаешь не до конца, — ответила она, открывая глаза. — Но ты поймешь. — Она захлопнула блокнот, поднялась на ноги и направилась вниз по тропе. Я тоже вскочил на ноги, схватил ее сумку и заторопился следом.

— Что значит «еще нет»? — спросил я, догнав ее. Ее ответ унесло усиливающимся ветром, и я, скорее, угадал, чем услышал его:

— Прежде чем увидеть Свет, необходимо познать тьму.

Глава 12

В объятиях страха

*Преддверие смертной казни
обостряет восприимчивость ума.*

Сэмюэл Джонсон

Вы не могли бы идти помедленнее? К чему такая спешка? — выкрикнул я, задыхаясь и пытаясь не потерять Маму Чиа на тускло освещенной луной тропе. — Пожалуйста, подождите! Куда мы идем? И что мы вообще здесь делаем?

— Узнаешь, когда придем, — как обычно, ответила она. Ее тон был мрачным, и этот ответ не принес мне никакого облегчения. Продираясь сквозь паутину лиан и кустарника, я спешил изо всех сил и чувствовал, что эти силы уже на исходе.

Много лет назад, когда я активно занимался гимнастикой, страх был моим привычным соперником. Почти ежедневно я осваивал достаточно опасные движения — сальто с разворотами, полеты на трапеции и головокружительные прыжки на батуте. Я справлялся с этим противником и вполне мог контролировать свой страх, потому что прекрасно знал, чего именно боюсь. Однако сейчас мой страх был бесформенной неизвестностью. По спине ползли мурашки, грудь сдавливали тисками, а живот скручивало волнами судорог, и я не знал, как мне избавиться от этих болезненных ощущений. Я вспомнил свое раннее детство и первое катание на «американских горках». Тележка с оглушительным лязганием начала подниматься вверх, а когда мы достигли вершины, хихиканье пассажиров перешло в вопли страха. Потом под нами раскрылась бездна, мы провалились в нее — и мои нервы были разорваны в клочья невыносимым ужасом.

Мама Чиа говорила с таким напряжением, какого я никогда раньше не слышал в ее голосе.

— Иди за мной! Сюда! — быстро командовала она, резко изменяя направление движения под острыми и неожиданными углами. Мы

спускались вниз, к месту погребения, и мой ум заметался. Что общего у кладбища с Башней? Меня переполнили дурные предчувствия, и мне приходилось бороться с возрастающим стремлением убежать прочь — куда угодно, лишь бы покинуть это ужасное место.

— Ступай прямо по моим следам! — бросила она. Ее голос тонул в плотном и душном воздухе низины. — Ни в коем случае не сходи с тропы, понял?

Мы вышли на поляну. Впереди я увидел могильные камни, и мой желудок перевернулся.

— Зачем мы это делаем? — спросил я шепотом. — Я... Я думал, вы расскажете мне о трех «Я».

Мама Чиа сделала глубокий вдох, повернулась ко мне и жестом приказала следовать за ней. Ее лицо было угрюмым, и по моему телу прокатилась еще одна волна страха, которая еще более усилила мою растерянность — мне и раньше доводилось бывать на кладбищах, но я не мог припомнить, чтобы когда-нибудь был настолько напуган. Мое Базовое Я скорчилось от страха, а тело оцепенело, когда мы вступили на древнюю погребальную землю. Мне хотелось сказать Маме Чиа: «Может, не стоит этого делать?», но я просто не мог вымолвить ни единого слова. В очередной раз я напрягал свой ум, пытаюсь понять, что именно меня так испугало, но сознание не давало никакого ответа. Однако об этом знало мое Базовое Я. Для него все было совершенно очевидно.

Хотя ночь была очень теплой, мои зубы стучали от страха, когда Мама Чиа направилась по узкой тропке, пересекающей кладбище. Некоторые из надгробий стояли прямо, другие были сильно перекошены. Я осторожно двигался мимо могил, пока. Мама Чиа не выбрала свободное от могильных камней место. Наконец она остановилась и повернулась ко мне.

— Мы пришли сюда, чтобы столкнуться с мраком подвала Башни, — сказала она, — с царством выживания, одиночества и страха. Это священное место, и оно защищено от случайных взглядов. Здесь похоронены только кахуна. Ты чувствуешь силу этого места?

— Д-д-да, — мои зубы звонко сомкнулись.

— Ланикаула, страж этих могил, присоединился к нам — сейчас он прямо за твоей спиной, — спокойно заметила она.

Я судорожно обернулся, но сначала ничего не увидел. В следующий миг я ощутил присутствие чего-то невероятно сильного, и это заставило меня отступить назад. То, что я ощущал, не было злым, но это было нечто, что могло превратить меня в прах в мгновение ока. Эта энергия была сопереживающей, но она не ведала сострадания и жалости.

— Он был — и является — очень сильным кахуна. Он обитает здесь и охраняет Молокаи с момента своей смерти, уже четыреста лет. Нам нужно попросить у него разрешения быть здесь.

В голосе Мама Чи слышалось почтительное благоговение.

— Как?

— Тебе доводилось спрашивать разрешения войти в чей-то дом?

— Да, но...

— Я советую тебе сделать то же самое сейчас, да поскорее, — прошипела она.

Мама Чи закрыла глаза, и я последовал ее примеру. Закрыв глаза, я увидел его — он стоял прямо передо мной. Я быстро открыл глаза, но видел только деревья вдалеке и могильные камни, окружавшие нашу маленькую полянку. Я снова сомкнул веки, и передо мной возник Ланикаула. Его взор был исполнен свирепости, но мне показалось, что в нем сквозит и скрытая любовь. Это был крупный мужчина, одетый в то, что показалось мне ритуальным гавайским головным убором. Он выглядел так, словно собирается либо обнять меня, либо одним мановением руки стереть с лица земли. Я вспомнил образ Шивы, бога индусов, преобразователя и разрушителя.

Осторожно и уважительно, я мысленно попросил у него разрешения побыть здесь, кратко объяснив цель своих поисков. Все это заняло всего несколько секунд. На его лице неожиданно появилась теплая улыбка, он кивнул и растворился во мраке. Я услышал, как Мама Чи сказала:

— Вот и славно.

Сейчас я почувствовал, как резко изменилась атмосфера вокруг меня: я купался в теплом ветерке, хотя лишь за мгновение до этого моя шея затекла от холодных порывов, бьющих меня в спину. Я открыл глаза. Мама Чи доброжелательно кивнула мне:

— Он сказал тебе: «Добро пожаловать». Кажется, ты ему понравился. — С этими словами она направилась к одной из могил. Я

расслабился:

— Приятно слы... — Мама Чиа оборвала мой восторг, сунув мне в руки лопату и ткнув пальцем в участок земли у наших ног:

— Пора копать.

— Что? — Меня передернуло так сильно, что заболела шея.

— Копай здесь, — повторила она, не обращая внимания на мою реакцию.

— Копать? Здесь? Яму? Мы что-то ищем?

— Могилу.

— Послушайте, Мама Чиа, — заявил я. — Я взрослый человек и несу ответственность за свои поступки. Прежде чем я начну что-то делать, я хочу знать, что случится потом.

— А я хочу, чтобы ты перестал болтать и начал копать, — ответила она. — То, что случится потом, основано на тибетском ритуале, позволяющем столкнуться с собственными страхами. Если тот, кто пытается пройти его, еще не готов, все это может привести к серьезному повреждению психики. Я чувствую, что ты уже готов, но в этом никогда нельзя быть полностью уверенным. Так ты будешь продолжать?

Вот он и пришел, этот момент: сделай или умри. Или, быть может, — сделай и умри. Сократус как-то сказал мне, что я имею право и возможность «выйти из автобуса», когда бы мне этого ни захотелось. Но догнать уехавший автобус вряд ли удастся.

— Ты должен решать быстро, Дэн:

Я дернул головой и глянул на нее так, словно получил пощечину.

— О... ну... конечно... — Я сделал паузу, глубоко вздохнул и решил следовать тому принципу, который выбрал так много лет назад: если к тебе приходит испытание — прими его.

— Д-д-да... — Я начал заикаться. — Готов, к-к-как всегда.

Мне предстояло столкнуться лицом к лицу со своим страхом, и я начал копать. Земля была мягкой, и работа продвигалась быстрее, чем я предполагал. Мама Чиа стояла надо мной, скрестив руки на груди. Я сделал канавку около полуметра шириной и трех метров в длину, а потом начал углублять ее. Метр в глубину... Полтора... Пот уже катился с меня градом. Чем глубже я погружался, тем больше яма становилась похожей на могилу — и тем больше мне все это не нравилось. Впрочем, энтузиазма я не испытывал с самого начала.

Мой страх становился все сильнее, но потом превратился в гнев.

— Нет! — заявил я, решительно выбираясь из ямы. — Яне обязан это делать, и мне не хочется играть в загадочные игры ночью на кладбище, не понимая при этом, что, собственно, я делаю. Я вам не кукла на веревочке! Для кого предназначена эта могила? Почему я должен это делать? — требовательно спросил я.

Мама Чиа очень долго и пристально смотрела на меня молча, а потом сказала:

— Пошли.

Она подвела меня к могиле неподалеку и указала на эпитафию, выбитую на камне. Я присел и вгляделся в старую неразборчивую надпись. Все, что мне удалось разобрать, были строки:

Друг, помни, мимо проходя,
живым, как ты, был прежде я.
Но ты умрешь, как я, друг мой,
готовься следовать за мной.^[9]

Я перевел взгляд на лицо Мамы Чиа — оно было совершенно серьезным.

— Я думаю, ты прекрасно понимаешь, для кого роешь могилу, — тихо сказала она.

Я выпрямился и посмотрел ей прямо в глаза:

— Но у меня есть выбор.

— Выбор есть всегда, — согласилась она. — Ты можешь либо продолжить копать, либо купить билет на ближайшую доску для серфинга, отходящую от острова.

Не думаю, что она имела в виду именно этот вид транспорта, но было совершенно ясно, что если я хотел продолжать обучение у Мамы Чиа, то мне придется пройти через это испытание. Я прошел уже слишком много, и мне было интересно, к чему приведет весь мой многолетний путь. Мне удалось криво улыбнуться, и я сказал:

— Что ж, раз вы так деликатны и милы... — Я спрыгнул в яму и молча копал до тех пор, пока она не сказала:

— Уже достаточно. Подай мне лопату и выбирайся оттуда.

— Вы имеете в виду, уже все?

— Да.

— Уф, надо признать — все это действительно было страшновато, это факт, — сказал я, выбираясь из сырой могилы и с облегчением откладывая лопату в сторону. — В конце концов, это оказалось не таким уж тяжелым делом. — Я встряхнул усталыми мышцами и начал расслабляться.

— Ложись, — сказала Мама Чиа, указывая на простыню, которую она расстелила на земле рядом с вырытой могилкой.

— Еще один массаж? Вам не кажется, что здесь не самое подходящее место? — спросил я.

Она не улыбнулась в ответ, лишь нетерпеливо повторила свой жест. Я покорно улегся на живот,

— Ложись на спину, — потребовала она. Я перевернулся и уставился на Маму Чиа, стоявшую надо мной:

— Я буду играть в мертвеца?

Она метнула в меня свирепый взгляд.

— Простите, — сказал я, — думаю, я просто слишком нервничаю.

— Это не игра. Если ты оскорбишь духов, обитающих здесь, тебе придется понервничать гораздо сильнее! Пытаясь расслабиться, я сказал:

— По крайней мере, появилась возможность передохнуть.

— Да уж, причем надолго, — сказала она и подняла лопату. Ее лезвие стремительно метнулось вниз, и я инстинктивно вскинул вверх руки. В тот миг я подумал, что Мама Чиа собирается раздробить мне голову, но лопата жестко воткнулась в землю рядом с могилкой. Потом Мама Чиа присела на корточки возле моей головы, на самом краю ямы, и закрыла глаза.

Я лежал, запрокинув голову и глядя в ее лицо, бледное в свете луны. В короткий миг приступа паранойи мне подумалось, что на самом деле я совсем ничего о ней не знаю. Что, если она не та, к которой отправил меня Сократус? Что, если она — мой Враг?

Внезапно Мама Чиа начала говорить глухим голосом, который разносился эхом по всему кладбищу. Она произносила заклинание, и я осознал, что это действительно не игра.

— Великий Дух, у которого много имен, — размеренно декламировала она, — мы просим перенести нас к Свету. Мы просим защиты для этой юной души. Во имя Единого и с его позволения, мы просим, чтобы любое и всякое зло было отрезано и снято с этой души,

опечатано собственным светом и возвращено к своему источнику. Мы просим, чтобы все, что придет к этой душе, предназначалось для ее высшего блага. Да будет так.

В моем горле возник металлический привкус ужаса. Мама Чиа начала надавливать костяшками кулаков на мои ключицы — сначала легко, но затем все сильнее и сильнее. Я вновь увидел вспышки света и услышал хлопающие звуки. Мама Чиа обняла всю мою голову, как когда-то, много лет назад, делал Сократус. Мои зубы стучали все чаще, а потом надо мной спустилась тьма.

Я почувствовал ветер, бросающий мне в лицо клубы пыли, открыл глаза и увидел прямо перед собой Башню. На этот раз это не казалось бестелесным видением, в котором мое сознание было лишь посторонним наблюдателем. Я глянул вниз и увидел свое тело. Я действительно был здесь.

Я стоял у самого входа. Огромная дверь плавно отворилась, и я медленно вошел в затхлый воздух помещения. Пол подо мной дернулся, я опрокинулся на спину и упал на груды каких-то вещей. Я быстро вскочил на ноги и осмотрелся, но в этой темноте мне трудно было что-то различить. «Наверное, это подвал», — сказал я. Мой голос звучал глухо, а одежда прилипла к телу. Сырой воздух и зловонный запах разложения были неуловимо знакомыми. Я решил, что нужно поискать свет. «Нужно захотеть увидеть».

В прошлый раз я лишь заглядывал в башню через окна. Действительно ли мне хочется увидеть то, что скрыто во мне самом, на этом самом низком уровне моего существа?

— Да, — ответил я сам себе вслух. — Да, я хочу это видеть!

Я медленно продвигался вперед, шаря руками во мраке. Наконец моя ладонь наткнулась на что-то — большая ручка, выключатель! Я дернул за нее, услышал гудение, которое перешло в мягкий шипящий свист, и пространство передо мной слабо осветилось тусклым и призрачным сиянием.

Почему в комнате по-прежнему было так темно? Когда мои глаза привыкли к слабому свету, я все понял. Я вошел в Башню и провалился в подвал, который каким-то странным образом включал в себя ту же ночь и тускло освещенное луной Кладбище—место захоронения кахуна. Но на этот раз я совсем не чувствовал, что мне говорят: «Добро пожаловать». И сейчас Я был здесь один. Неподалеку

я увидел черную яму открытой могилы. Когда невидимая сила подтолкнула меня к этой зияющей дыре, мое тело затряслось, а разум приблизился к той грани, за которой нервы лопаются от ужаса и человек заходится в безумном хохоте. Меня подняло в воздух, перевернуло и плавно поднесло к черной могиле. Мое тело разбил паралич, и оно было скованным, как тело мертвеца, пораженное трупным ооченением. Я опустился на простыню, расстеленную рядом с ямой.

Я пытался встать, но не мог пошевелиться. Легкие судорожно втягивали и выталкивали воздух: глубже, чаще, глубже, чаще... Где-то вдалеке раздался голос Мамы Чиа:

— Твое Высшее Я — твой ангел-хранитель. Что бы ни случилось, помни, что оно всегда остается с тобой...

— Почему же я его не чувствую?! — отчаянно крикнул я в пустоту передо мной.

Словно в ответ, в моей голове эхом раздались слова Мамы Чиа: «Прежде чем увидеть Свет, нужно познать тьму».

Сила продолжала толкать меня. Парализованный, я не мог управлять своим телом, я не мог сопротивляться и защищать. Меня вновь подняло в воздух, медленно пронесло вбок и опустило вниз. Я услышал глухой беззвучный удар, когда спина коснулась дна могилы. Простыня покрыла меня, «о саван. Мой ужас достиг абсолютного, неменяемого, страха, когда я почувствовал стук лопаты и дождь земли, обрушившийся на меня. Сердце, казалось, сейчас разорвет мне грудь.

Издаലെка донеслись раскаты грома, и тьму заполнили Яростные вспышки молний. Земля уже покрыла меня полностью, и я услышал голос Христа. Он обращался не ко мне, и «то голос был далек от спокойствия. Это был вопль агонии распятия на Голгофе, перекрывающий гром. Это был мучительный вопрос, повторяемый с каждым разрядом молнии: «Почему Ты покинул меня?» В этот момент я осознал, что эти слова выкрикивает мой собственный голос. Но все было тщетно — никто не мог слышать меня. Самый отчаянный крик тонул в толстом слое земли, укpывшем мое лицо.

«Подождите! — кричал мой разум. — Я еще не умер! Не надо! Остановитесь! Я еще не готов умирать. Я жив!»

Дождь земли прекратился. Теперь я ощутил настолько полные неподвижность и тишину, каких никогда раньше не испытывал. Я мог слышать лишь свое собственное затрудненное дыхание и сердцебиение, частое, как дробь тамтама. Я был один в этой холодной земле. Абсолютная тьма. Полное одиночество. Холодные пальцы ужаса. Меня похоронили заживо.

В голове промелькнул обрывок рациональной мысли: «Как я мог это допустить?» Но рассудок снова смолк, и меня вынесло за грань разума, к безумию. Мои руки слабо хватали землю, пытаюсь освободиться от неподъемной тяжести земли надо мной. Крики были беззвучны. Земля уже душила меня, выталкивала остатки воздуха из легких, как вдруг дно могилы подо мной исчезло, и я провалился в подземный туннель. Лихорадочно цепляясь руками за его края, задыхаясь и выплевывая комки грязной земли, я пытался пробиться на поверхность сквозь влажную почву.

Я пополз по длинному туннелю на животе, извиваясь, как змея, неспособный определить, двигаюсь я вверх или вниз. Мне нужно выбраться отсюда. Выбраться! Наружу, наружу, наружу... Это слово ритмично раздавалось в моей голове. Туннель был узким, и я мог двигаться только вперед — пути назад не было. Скоро я с ужасом заметил, что его стены смыкаются все теснее, он становится уже, и я едва способен двигаться.

Однажды, когда я был маленьким, на улице меня поймали хулиганы, засунули в душный мешок, пригрозили зарыть в нем в землю и бросили меня в старый мусорный ящик. Оказавшийся в крошечной темноте, я стал совершенно неистовым — я что-то кричал, обмочился и бился в истерике. Это испугало мальчишек, и они выпустили меня.

С тех пор меня часто преследовали кошмарные сны о том, как я оказываюсь запертым в темном и тесном месте. Теперь самые ужасные мои сновидения стали явью. Я ощущал невыносимый страх, настолько сильный, что мне хотелось потерять сознание, умереть сейчас же.

Глаза были залеплены потом и грязью, и я сражался, из последних сил ворочая плечами, но все было бесполезно — я уже не мог продвинуться дальше. Слезы отчаяния, предельный испуг и неистовые крики о помощи вскоре прошли — мои силы были исчерпаны. Я

полностью застряли начал задыхаться. Теперь я лишь слабо стонал, что-то шептали всхлипывал.

Но вдруг—или это была только игра воображения? — мне показалось, что я вижу вдали перед собой намек на свет. Я вновь напрягся, и мне удалось продвинуться на несколько сантиметров вперед. Сейчас я уже мог различить стены туннеля, который, казалось, слегка расширился. Я двигался вперед очень медленно, сантиметр за сантиметром, встряхивая головой, чтобы сбросить налипающую на глаза землю и потоки пота.

Глубоко в памяти моего тела отпечатывалось новое понимание: когда кажется, что двигаться вперед невозможно, нужно сосредоточиться лишь на нескольких миллиметрах, на нескольких секундах, на следующем мгновении движения...

Я вновь взглянул вперед, и теперь был уверен, что впереди открывается выход. У меня не было сомнений! Прошел еще один отрезок бесконечного времени, и вот я уже достиг его и пытаюсь просунуть в него голову. Она застряла! Отверстие оказалось слишком узким! Голову словно сжала тысяча рук. В полном отчаянии, я толкал ее вперед. Внезапно края отверстия обвалились, и я прорвался. Свобода! Воздух! Я чувствовал себя заново рожденным.

В спешке я вырвал из туннеля все тело, выкарабкался из него — и рухнул в бездну. Внизу, в невероятной глубине, я увидел широко распахнутую пасть и огромные ядовитые зубы гигантской змеи, которые стремительно приближались. Мои уши наполнились собственным протяжным воплем...

— Когда я пришел в себя, я находился в совершенно незнакомой комнате. Я скорчился в углу и бился в параноидальных конвульсиях. Снаружи меня поджидал Враг. Нет, много моих Врагов. Меня никто не понимал. Я был совершенно одинок, но я страстно хотел жить. Они хотели отобрать у меня самое ценное — стоящий рядом со мной холодильник с едой. Ну уж нет, я убью всех этих ублюдков! На маленьком столике неподалеку лежали коробки с боеприпасами, а все остальное пространство было заполнено карабинами и автоматическими винтовками. На моем плече висела кобура с девятимиллиметровым «глоком» и обоймой на девятнадцать патронов; разумеется, он был снят с предохранителя. Я поглаживал АК-47, покоящийся у меня на коленях, и немигающим взглядом следил за

дверью, ожидая, пока войдут они. Им не удастся забрать то, что принадлежит мне. Сначала я убью их. Я их всех убью!

В окно влетела канистра, взорвалась в комнате, и внезапно все помещение оказалось в огне. Меня мгновенно окутало раскаленным облаком. Воздух в легких испарился, и я ощутил, как плавится кожа. В этот момент я вспомнил свою прошлую жизнь — жизнь девушки, спрятавшейся в сундуке от северных варваров и сгоревшей заживо в комнате, заполненной огнем, но не позволившей изнасиловать себя и увести в рабство.

Языки пламени вспыхнули сильнее, и я увидел рождение Земли — вспыхивающие повсюду вулканы, бурлящая раскаленная лава, изливающаяся из бездонного жерла и испепеляющая все на своем пути.

И в этом жаре, в этом первобытном огне я вновь пережил каждый кошмарный сон своего детства, каждый большой и маленький страх, который когда бы то ни было охватывал меня...

Я открыл глаза. Я лежал на спине на дне своей могилы. Простыня подо мной была мокрой от пота. Но я не был погребен, я даже не был вымазан в земле. Я осознал, где нахожусь, и, обнаружив, что по-прежнему сдерживаю дыхание, я выпустил весь воздух из легких одним мощным выдохом и начал дышать размеренно, успокаиваясь и приходя в себя. Измученный и истощенный, я был счастлив вновь ощутить жизнь. Все это было лишь сном. Все это закончилось. Я заставил себя сесть, немного передохнул и встал в яме. Мои ноги не слушались и подкашивались, и я с трудом управлял руками.

Над моей головой раздался какой-то звук.

— Мама Чиа? — слабо крикнул я. — Это вы?

Ответа не последовало, но тихий шлепающий звук повторился. Что-то или кто-то приближалось к могиле.

Раздалось мягкое рычание, и над краем ямы возникла морда тигра, глядящего на меня огромными желто-зелеными глазами. В джунглях Гавайев нет тигров — но все-таки передо мной был именно этот зверь, и я изумленно уставился на него, не в силах отвести глаза. Мне приходилось видеть тигров в зоопарке, и там они выглядели очень милыми* просто большими кошечками. Сейчас тигр был так близко, что я чувствовал на своем лице его тяжелое дыхание. «О, Боже! — мысленно взмолился я. — Пусть это окажется еще одним сном».

Совершенно беспомощный, я притворился мертвым, когда тигр потянулся ко мне и проверил меня лапой, оставив на моем теле четыре болезненные и глубокие царапины. В этот момент у меня перехватило дыхание, и я издал короткий, придушенный стон.

Тигр спрыгнул вниз, схватил зубами мою руку и потянул ее наверх, отрывая от тела. Мне приходилось испытывать сильную боль и раньше, и я уже пережил смерть от огня, но сейчас я осознал, что такое настоящая агония.

Я жаждал потерять сознание, покинуть тело, раствориться в смерти. Но мое сознание оказалось слишком привязанным к телу, и я успел испытать, как зверь разрывает мне грудь и живот и вырывает из них желудок.

Адреналиновый шок прокатился по всему моему растерзанному телу. Я дико кричал и корчился в этом адском котле, когда огромная кошка разломила мою грудную клетку пополам. Потом стальные челюсти сомкнулись на моем лице и голове и чудовище одним резким движением вырвало кусок моей щеки, а потом принялось отрывать голову от плеч. Страх является предельной формой страдания. Моя вселенная наполнилась только страданием, это был безбрежный океан боли, а потом он взорвался...

Внезапно исчезло все: страх, боль, тигр и Вселенная. Остался только глубочайший покой, равного которому я никогда не испытывал.

Глава 13

В царстве ощущений

*Бог наделил нас памятью,
чтобы и в декабре мы смогли
наслаждаться ароматом роз.*

Джеймс Барри

Я лежал, скрючившись, на краю могилы, а Мама Чиа сжимала мою голову. Скомканная простыня подо мной была насквозь мокрой от пота. Я сед, но говорить еще не мог. Мои широко раскрытые глаза уставились в пустоту. Я раскачивался вперед и назад, обнимая плечи руками и вздрагивая. Мама Чиа обняла меня, словно защищая, и гладила мои спутанные и слипшиеся волосы.

— Ну, все, все, — приговаривала она. — Все уже закончилось. На этот раз действительно закончилось.

Прошло еще несколько минут. Я медленно приходил в себя и постепенно осознавал, что у меня все еще есть глаза, лицо и тело. Я был в безопасности, и меня согревали руки Мамы Чиа. Я расслабился, но сразу после этого мою грудь начали сотрясать рыдания, дыхание снова стало учащенным, и я заплакал.

Задыхаясь, я сжал ладонь Мамы Чиа и, заикаясь, произнес:

— Это... это было, с-с-словно путешествие в ад.

— Это был твой ад, Дэн. Все мы создаем свой собственный. Ты всего лишь исследовал свой подвал, мир одиночества и страха, слепого инстинкта, направленного только на выживание, на выживание любой ценой.

Воины встречают своих демонов с поднятой головой и открытыми глазами. Ты увидел их лицом к лицу» и теперь они исчезли, — мягко сказала она.

Мои рыдания прекратились. Дыхание снова стало спокойным и размеренным. Я чувствовал себя совершенно измученным и заснул.

Когда я проснулся, небо посветлело.

— Уже рассвет? — слабо спросил я. Мама Чиа поднялась на ноги, жестом руки обвела кладбище и спросила:

— Посмотри, Дэн, ты ничего не замечаешь?

Я медленно привстал — все мое тело гудело — и осмотрелся. Птица опустилась на могильный камень и защебетала. Ее песня уносилась высоко в голубеющее небо. Надгробия украшал бледный зеленоватый лишайник и мох. Всю картину пронизывало глубокое ощущение мира и благополучия.

— Что-то изменилось, — сказал я.

— Нет, — улыбнулась Мама Чиа. — Это ты изменился.

— Вы имеете в виду, что я избавился от всех своих страхов? — спросил я.

— Нет. Тебе еще много раз предстоит столкнуться со страхом, — заверила она. — Возможно, это будет страх свободно выражать свои чувства, проявлять свои эмоции. Может быть, страх выступления перед большой аудиторией» страх провала или боязнь оказаться в глупом положении. А может, это будет страх неполноценности, когда ты встретишься с кем-то, кого считаешь превосходящим тебя или более сильным. Страхи возникают всегда, до тех пор, пока в человеке существует это. Изменилось твое отношение к страху. Теперь он никогда не сможет покорить тебя. Когда придет очередной страх, ты будешь знать, как с ним справиться.

— Если я не буду ничего бояться, не буду ли я беспечным в опасной ситуации?

Мама Чиа подумала, а потом объяснила:

— Страх способен парализовать тогда, когда нужно действовать. Опасность заключается именно в этом. Страх сокращает энергию тела, и это сокращение привлекает именно то, чего человек больше всего боится. Преодоление страха — не глупая бравада, это смелость. Смелость открывает пространство для действий, и ты вспомнишь об осторожности, когда это станет необходимым.

Я недоверчиво сказал:

— Я вполне могу представить себе ситуации или людей, которые напугают меня и сейчас.

— Ни ситуации, ни люди не несут в себе страха. Они лишь возбуждают его в тебе, если ты еще не покорил свои кошмары. Она помолчала и продолжила:

— Страх — прекрасный слуга, но он ужасный хозяин. Миг за мигом, он незаметно проникает в повседневную жизнь большинства людей. Но теперь ты не пропустишь его, поверь мне. Когда ты покоряешь свои страхи смелым отпором, отважными действиями, предпринимаемыми несмотря ни на что, твоя жизнь расцветает. Ты пребываешь не в темном подвале, а в ином мире, который ты видел через окно второго этажа.

Мы снова помолчали, а потом она добавила:

— Но подвал, первый этаж, скрывает не только страхи и стремление к выживанию. Они означают противостояние «Я» и Вселенной, и поэтому там постоянно накапливается необходимая для борьбы личная энергия. Теперь, когда ты открыт и уязвим, ты можешь активно использовать эту энергию в своей жизни и поделиться ею с другими людьми.

— Вы имеете в виду, что сейчас я готов к поискам двери на второй этаж? — спросил я.

— Ты уже нашел ее, — улыбнулась она. — Несколько минут назад, когда ты рыдал на моих руках.

С этими словами Мама Чиа замерцала и медленно растворилась в чистом воздухе. Я ошеломленно смотрел в пустоту, где она только что была, и лишь мгновение спустя понял, что растворилось и все вокруг меня. Перед моим взором промелькнул

смутный образ Башни, и я обнаружил, что стою на лесной прогалине — в мире второго этажа Башни. Я был уверен в этом.

«Но что мне нужно делать?» — спрашивал я себя, обозревая цветущий луг, купающийся в мягких лучах солнца и в прохладном ветерке. На первый взгляд, пейзаж казался идиллическим лесом старой, живой и сильной Англии.

— Странно, — сказал я и понял, что произнес это вслух, — почему это мне пришли в голову слова «живая и сильная»?

Внезапно я осознал, что меня переполняет энергия. Возрастающий прилив сил пронизывал все мое тело, и подобной энергии я не испытывал уже многие годы. Я чувствовал себя совершенно бодрым, я ощущал саму жизнь! Мне хотелось двигаться, выплеснуть эту силу, взлететь к облакам! Я пустился бежать по лугу и чувствовал, что мог бы бежать вот так, как на крыльях, многие часы. Я кувыркнулся, сделал «колесо» и вновь побежал вперед.

Потом я упал в траву и отдыхал под теплым солнцем. Каким-то образом вдруг изменилось время года. В воздухе пахло весной, это был тот особый аромат, который вызывает у молодого человека самые неудержимые фантазии...

Я вновь ощутил приток энергии, который превратился в знакомое неприятное давление в нижней части живота и бедрах. Мама Чиа говорила, что второй этаж Башни соответствует «энергии взаимоотношений», то есть творческой, созидательной и сексуальной энергии. Что же мне теперь делать?

Из ниоткуда раздался голос Сократуса, повторяющий слова, произнесенные давным-давно:

— Приток энергии усиливает любую человеческую способность. Проясняется разум, ускоряются процессы исцеления, приумножаются физические силы, расцветает воображение, расширяются силы эмоций и обаяние. Поэтому энергия может быть благословением...

«Да, — подумал я, — сейчас я все это чувствую».

— Но жизненная энергия должна куда-нибудь течь, — продолжил голос Сократуса. — Там, где на ее пути встречаются препятствия, энергия вспыхивает, и, если ее уровень при этом превосходит возможности тела или разума, происходит взрыв. Раздражение превращается в гнев, печаль — в отчаяние, беспокойство — в одержимость, физическая боль — в агонию. Поэтому энергия может быть и проклятием. Как река, энергия приносит с собой жизнь, но, непокорная, она способна стать источником неистового наводнения и разрушения.

— Но что же мне делать сейчас? — спросил я у воздуха. В моем разуме откликнулись воспоминания о словах мудрости, произнесенных Сократусом: «Тело будет делать все, что только необходимо, чтобы высвободить излишки энергии. Если эти излишки не будут сознательно потрачены на созидательные свершения, физическую деятельность или половые отношения, то подсознание выплеснет ее так, как свойственно ему — в форме гнева, жестокости, кошмарных сновидений, преступлений, болезней, злоупотребления алкоголем, курением и другими наркотиками, в форме переедания или животного секса. Источником всех пристрастий и навязчивых привычек является неуправляемая энергия, сталкивающаяся с

внутренними препятствиями. Не пытайся контролировать свои дурные привычки — устраняй сами препятствия!»

Я был настолько озабочен возрастающим в моем теле давлением и напряжением, что едва мог сосредоточиться на этих мыслях. Энергия продолжала прибывать и требовала высвобождения. Я мог просто бегать до полного изнеможения, но я мог и что-то сделать, заняться чем-то творческим. «Лучше уж это», — подумал я. Я сочиню песенку. Но у меня получились только такие строки:

Жила-была красотка Мэг
с телом белым, словно снег.
К ней явился влюбленный нахал,
Мэг в прозрачном белье увидал, и... [\[10\]](#)

Я старался не думать о финале этой встречи. Впрочем, думать я был не способен. Мне просто хотелось женщину. Любую женщину!

Стоит ли мне попытаться облегчить это напряжение самостоятельно? Не такое уж сложное дело, быстро и удобно. Но тут я вспомнил, что этот уровень означает привнесение энергии в жизнь, в отношения. Проклятье! Как же мне это сделать?

В следующее мгновение я оказался в пещере. Она не была мрачной и зловещей — это было уютное подземелье, превращенное в роскошную спальню. Пол покрывали толстые ковры, сквозь небольшие окна прорывались лучи света, окутывающие комнату мягким и приглушенным солнечным светом. Вход в пещеру был надежно скрыт буйной растительностью, небольшими деревьями и кустарниками, так что место было полностью защищено от любопытных взглядов.

В центре пещеры возвышалось огромное ложе, покрытое толстым слоем листвы. Неподалеку приятно журчал небольшой водопад, роняющий родниковую воду в миниатюрный пруд, а воздух был наполнен сладким ароматом полевых цветов.

Я вскрикнул от неожиданности и возбуждения, когда мое тело оказалось в нежных объятиях мягкого ветерка. Это был ветер чувственности, призрака прекрасного, и он ласкал меня невидимыми ладонями. Я ощутил единство с землей, полное единение со своими физическими чувствами, которые сейчас достигли предельной

обостренности. Я был счастлив просто оттого, что у меня есть тело, что я чувствую это тело, что я пребываю в нем всем своим существом.

Все, что теперь мне было нужно, — каравай хлеба, кувшин вина и... Пожалуй, я мог бы позабыть о хлебе и вине, если бы только...

Что это? Действительно ли я услышал голоса? Женские голоса?

Я подбежал к естественной двери пещеры, взгляделся сквозь ветви и увидел картину, которая могла родиться только в воображении художника. Ее можно было бы назвать «Девушки Весны». Три юные и чувственные, смеющиеся и живые девушки бегали по чудесному саду, и их порозовевшие щеки гармонировали с красноватым отливом спелых плодов, под тяжестью которых сгибались ветви яблоневых деревьев. Девушки были одеты в темные короткие юбки, развевающиеся во время бега, и кружевные открытые блузы, ясно очерчивающие контуры их пышных форм. Подглядывая за ними, я чувствовал себя подростком, сходящим с ума от вожделения.

Две девушки помахали рукой третьей и удалились. Оставшаяся девушка, ангел с льняными волосами, зеленые глаза которой изумрудами вспыхивали в солнечных лучах, остановилась, взглянула вправо и влево, а потом, улыбаясь, побежала прямо к моему убежищу. «Черт побери!» — воскликнул я, не зная, что мне делать, наполовину испуганный тем, что она найдет меня здесь, и наполовину жаждущий того, чтобы это случилось.

Она проскользнула в пещеру, увидела меня, застывшего передней, словно окаменевший лунатик. Ее глаза встретились с моими и расширились. Сейчас она закричит!

— Я... — торопливо начал я, но мои слова прервало ее восклицание.

— Дэн! — радостно вскрикнула она и кинулась мне на грудь.

Мой ум был совершенно пуст, и в нем раздавались всего три слова: «Спасибо Тебе, Господи!»

Нами полностью овладела страсть. Мы смеялись, что-то кричали, мы потерялись друг в друге. Я не знаю, что произошло с нашими одеждами — мы сметали все, что только попадалось на нашем пути. Шло время, но я не осознавал этого. Мы слились в объятиях, катались по листьям на постели, а потом заснули друг у друга в объятиях, но совсем не надолго.

Когда я открыл глаза, она стояла передо мной, облаченная в широкую накидку из цветов. Ее лицо ангела, обрамленное шелковыми волосами, излучало небесное сияние. Она позволила накидке сползти с плеч, и ее светящаяся кожа была нежной, как у младенца.

На мгновение в моей голове возник вопрос: «Кто она и стоит ли мне все это делать?», но я тут же забыл об этом и обо всем вокруг.

Она опустилась на колени и начала целовать мне лоб, щеки, грудь и губы. Во мне вновь взорвалась сексуальная энергия, фонтаны которой заставили меня затрястись, как в лихорадке. В моей голове завертелись бесконечные картины, земные чувственные образы, а где-то в глубине своего тела я услышал пульсирующий бой барабанов. Она целовала меня, пока все мое тело не превратилось в барабанную дробь. Весь мир унесло прочь, как сухие листья скрываются вдалеке ветренным осенним днем.

Я сжал ее в объятиях, мы вновь опрокинулись на постель, и я вернулся к дарам ее обильной любви. Очень скоро уже не было ни меня, ни ее — только мы и наше общее чувство.

Я вспомнил, что в редкие моменты испытывал это чувство и раньше, когда предавался ничем не скованным сексуальным играм. Это было ощущение освобождения ума и открытости сердца. Но сейчас оно было многократно усилено — не потому, что она была такой желанной, но потому, что я стал полностью открытым... Лишь недавно я смотрел в глаза мучительной и страшной смерти, но сейчас я праздновал жизнь и все, что она несет в себе. Монах во мне превратился в греческого гедониста и между мной и жизнью уже не было никаких преград!

Ощущение открытости все усиливалось с каждой волной удовольствия, с каждым пульсирующим кольцом, прокатывающимся не только по моим бедрам, но по каждой клеточке моего тела. Я был ошеломлен, когда увидел, что занимаюсь любовью с мужчиной. И этим мужчиной был я сам — Дэн!

В шоке я вскочил с постели и глянул на свои руки, ноги и полную грудь — я стал женщиной! Я чувствовал эту женщину внутри себя, ее эмоции, ее энергию — мягкую, но непреодолимую. Эта энергия текла по моему телу не совсем так, как я привык, но в этом состоянии я испытывал гораздо большую и чувствительную эмоциональную ауру.

Я почувствовал себя совершенно счастливым — я достиг завершенности и совершенства.

Мы вновь обнялись, и теперь я потерял какое-либо ощущение разделенности. Я был ею, я был им, я был мужчиной и женщиной одновременно!

Я стал телом. Я доверял ему. Я превратился в обнаженного младенца, совершенно раскрепощенного, свободного от всех правил приличий и морали. Я стал кожей, нервами и кровью — трепещущими, дрожащими, наслаждающимися этой полнотой ощущений, целиком пребывающий в этом царстве удовольствия. Контуры тела, прикосновение, влажность пота, толчки и поглаживания, пульсация, гладкая кожа) тепло... Я погрузился в настоящее, в текущее мгновение_

Слившихся в единое целое, нас несло на гребне приливной волны к берегу, когда девушка исчезла «Нет!» — зарыдало мое тело, жаждущее ее. Подавленный желанием и тоской, я осознал ловушку второго этажа.

Я задыхался от горя и чувствовал, что сейчас взорвусь — энергия бурлила во мне, металась, как дикий зверь в тесной клетке, билась о стены, безумно стенала и рвалась наружу. Может, все-таки высвободить ее самому? Сейчас у меня не было никаких моральных сомнений в допустимости этого. То, что я испытал, заходило бесконечно далеко за привычные догмы безжизненных традиций.

Но нечто все же остановило меня — интуиция. Возможно, сыграло свою роль обучение у Сократуса и та самодисциплина, которой я тогда научился. В удовольствии не было ничего дурного, но время наслаждений закончилось.

Мне нужно было использовать эту энергию, научиться направлять ее, а не только выплескивать. Хватит сражаться со своим телом и отрицать его силу. Я начал дышать глубоко и медленно, пока сила желания не повысилась от моего паха вверх, по позвоночнику, и не распространилась по всему телу, вплоть до кончиков пальцев рук и ног. Наконец она достигла центра мозга.

Мой разум просветлел. Врата открылись. Теперь я ощущал, что энергия приходит из самой земли и пронизывает меня, струясь по позвоночнику. Потoki энергии, которые раньше останавливались на уровне бедер, теперь свободно поднимались вверх. Я испытывал чистоту бытия. Мое тело было наэлектризовано и пело, как струна.

Однако я не был полностью готов или натренирован для этого. Несмотря на благие намерения Сознательного Я, у моего Базового Я были свои представления и планы. Волны прибывающей энергии становились все более мощными, и теперь я уже не мог их остановить. В моей голове вновь замелькали фантазии эротических сновидений, переплетенные части тел, сладостные вскрики. Я беспомощно испытал, как — внезапно и неизбежно — пульсирующая волна энергии словно разбилась о берег и медленно растворилась в мокром песке.

Через некоторое время я поднялся на ноги. Я испытывал мягкую тягостную грусть, чувство потери. Это ощущение рождал не разум, а само тело. Оно оплакивало исчезновение той яркости, чистоты и энергии. Девушка исчезла, предмет моей страсти испарился, как и все вокруг, кроме резкого ветра, со свистом разгуливающего среди увядших деревьев. Я скорбно смотрел на эту картину, пока за моей спиной не возникла Мама Чиа, вернувшая меня к тому, что считается реальностью — в своем нынешнем состоянии я уже не был уверен, что именно может заслуживать этого имени.

Я стоял перед Мамой Чиа обнаженным. Она видела мое тело и мой разум. Она знала обо мне абсолютно все, и это было единственным ощущением, которое я сейчас испытывал. И она приняла меня таким, каков я есть. Во мне исчезли последние остатки смущения. Я стоял перед ней, нагой и безмятежный, как дитя. Нет ничего постыдного в том, что на тебя смотрят. Нет ничего позорного в том, что ты человек.

На первом этаже я разорвал паутину страха. Сейчас я преодолел барьер стыда. До конца своих дней, сколько мне ни отпущено в этой жизни, я позволю энергии свободно течь в моем теле. Я научусь ее мудрому использованию, тому, как направлять ее в нужное русло. Я буду полностью наслаждаться жизнью, не истощая ее изобилия. Я еще не был мастером работы с энергией, но, в любом случае, я стал целеустремленным учеником этого искусства.

В короткий миг произошли сразу две перемены: я заметил, что уже полностью одет, а обстановка вокруг меня — пещера и яблоневый сад вокруг нее — замерцали и исчезли. Ни одно из событий меня ничуть не удивило.

В следующую секунду я уже стоял на высокой скале где-то в горах. Ветер шумно свистел в узких каменистых расщелинах, почти

полностью заглушая слова Мама Чиа.

— Пошли, — сказала она. — Нам пора.

— Раньше я был одинок. Почему сейчас со мной вы? — спросил я, и мой голос странно искажился, отражаясь от утесов, нависших над бездонным ущельем. \

— Раньше одиночество было тебе необходимо, но теперь ты вступил во взаимоотношения с миром. Кстати, это тоже сон, но он наступил без моей помощи. Добро пожаловать на третий этаж!

Мы начали подниматься вверх, и я черпал силы из земли, по которой брел, из камней, по которым карабкался, из деревьев и ветра — все это стало плотью от плоти моей. Мне больше не придется сражаться с собственным телом. Я принял все его физические недостатки, я познал его сильные стороны, я научился доверять своей человеческой природе. И я испытывал тесную связь с землей.

Мы нашли небольшое озеро, вошли в него и поплыли в прохладной воде, а потом улеглись на теплых камнях, чтобы обсохнуть. Мое тело было открыто миру природы — я чувствовал спокойствие озера, силу реки, устойчивость гор и свежесть ветра.

Мама Чиа разглядывала меня.

— В этом месте я чувствую то, что чувствуешь ты, — сказала она, — и я становлюсь тобой. Только что ты смещал форму. По крайней мере, впервые попробовал это сделать.

— Правда?

— Да. Смещение формы начинается с воображения, с любопытства и удивления: на что это похоже, быть скалой, озером, птицей или камнем? Позже ты начнешь на самом деле резонировать с частотами этих предметов и существ. Мы способны делать это, потому что в конечном счете все мы сотворены из одних и тех же элементов, — заключила она.

— Раз уж мы заговорили о смещении формы, то, я думаю, ты понял, что я была настроена на тебя, когда ты был в той пещере на втором этаже. Ну и приключение! — улыбнулась она. — Я снова почувствовала себя такой молодой!

— Я думаю, вы всегда останетесь юной, Мама Чиа.

— Это точно, — сказала она, — до того самого дня, когда я умру...

Прервав ее, я заявил:

— Во всяком случае, меня-то вы наверняка переживете.

Она молча заглянула мне прямо в глаза и снова улыбнулась, но эта улыбка была иной и вызвала у меня печаль, хотя я не понимал ее причины. Ее глаза были исполнены любви, но в них было и что-то еще. У меня возникло чувство обеспокоенности, интуитивное предчувствие, но я не смог разобраться, что именно было не так.

Мама Чиа развеяла мои смутные заботы, поднявшись и вновь отправившись в путь. По дороге она напоминала мне уроки второго этажа:

— Теперь у тебя есть свой собственный опыт, Дэн, подобный тому, какой ты приобрел на первом этаже. Ты испытал именно то, что было необходимо.

Энергия одинакова для всех людей, но различен их опыт и умение с ней обращаться. Каждый сам выбирает свой отклик и средства распределения энергии. Одни ее накапливают, другие растрачивают. Воин направляет потоки жизненной энергии мудро, как крестьянин, орошающий свои посевы.

На первом этаже, одинокий и сражающийся за выживание, ты трусливо копил энергию жизни, как старый скупец, трясущийся над своим богатством. Но когда энергия блокируется, она начинает причинять страдания и боль.

На втором этаже ты открыл взаимоотношения с жизнью и другими людьми. Ты познал активность и равновесие мужского и женского начал.

Второй этаж связан не столько с Сексом. Это царство празднования энергии жизни. Энергия есть Дух, она священна. Те, кто использует ее неграмотно, относятся к энергии как к деньгам, и жизнь превращается для них в шумную ярмарку или в парк развлечений.

Ты выбрал другой путь, Путь Мирного Воина, чтобы стать подлинным человеком, владеющим своей энергией.

Сутью мифа о ящике Пандоры является не предупреждение об угрозе чертей и демонов, освобожденных из заточения. Это притча о правильном отношении к жизненной энергии. Когда энергия растрачивается случайным образом, человек ощущает пустоту жизни, глубокое чувство печали и разочарования.

Страх представляет собой обратную сторону первого уровня. Обратной стороной второго этажа является печаль.

— А третьего? — спросил я. — Что вы приготовили для меня теперь?

Глава 14

Полет на крыльях из камня

*Ничто реальное не может быть
угрожающим,*

ничто нереальное не существует.

В этом заключается спокойствие Бога.

«A Source in Miracles»

Я ничего для тебя не готовлю. Ты сам прокладываешь свой путь, а я просто слеую за тобой, — сказала Мама Чиа.

— Как в танце?

— Да, — улыбнулась она и сделала реверанс.

— И все-таки, что дальше?

— Ничего особенного — просто символический опыт. Сократус неплохо подготовил тебя к нижним этажам, так что это не должно стать большой проблемой.

Она вела меня по скалистому каньону, туннелю, образованному нагромождениями камней, а потом мы поднялись по узкой тропинке и прошли по самому гребню горного хребта. Наконец мы остановились, и она сказала:

— Посидим немного.

Мама Чиа присела и закрыла глаза. Мне не хотелось прерывать ее отдых вопросами, так что я последовал ее примеру. Впрочем, других занятий здесь просто не было; по крайней мере, мне так казалось.

Когда я открыл глаза, солнце уже садилось за далекую западную цепь гор, названия которых я не знал. Одновременно открыла глаза и Мама Чиа. Она порылась в своей неиссякаемой сумке и вынула кукурузу и немного орехов.

— Поешь. Тебе это нужно.

— А зачем нужно есть? Ведь это сон, да? Подумайте сами, — улыбнулся я. — Хотя этот этаж действительно выглядит намного реальнее, чем остальные. Но ведь все-таки это видение⁷.

Она словно не услышала моих вопросов:

— Третий этаж связан с властью. Не с властью над другими людьми — это его негативная сторона, — но с личной властью над импульсами Базового Я и над желаниями эго. Здесь ты столкнешься с дисциплиной, чистотой намерения, долгом, целеустремленностью, ответственностью, сосредоточенностью, решимостью и волей — именно эти качества вызывают самые большие проблемы у людей.

Теперь, когда ты очистил второй уровень и обрел ощущение связи с другими людьми, твое осознание освободилось и готово к восприятию высших импульсов. Тебе станет намного легче принимать во внимание нужды окружающих, хотя подлинный альтруизм третьему этажу не присущ. Базовое Я все еще играет большую роль в твоей жизни, но сейчас оно более дисциплинировано. То, что ты делаешь для окружающих, диктуется долгом и ответственностью. Но любовь тебе все еще недоступна.

— Вы имеете в виду, что я не способен по-настоящему любить? — спросил я, обеспокоенный ее заявлением.

— Существует множество форм любви, — ответила она, — точно так же, как существует много направлений музыки, кино, бесконечное число рецептов еды и напитков. Есть любовь первого этажа, которая ограничена самыми примитивными, нередко даже оскорбительными сексуальными столкновениями. Любовь второго этажа связана с полнотой жизни и наслаждениями, поэтому подразумевает внимательность к партнеру. Любовь третьего уровня — это искусная и добросовестная практика половых отношений.

— Я ведь спрашиваю вас о любви, а не о сексе.

— Пока ты не доберешься до четвертого этажа, любовь для тебя всегда будет связана с сексом.

— В таком случае, я хочу дойти до четвертого уровня поскорее.

— Нет смысла торопиться, ведь представление о более высокой любви у тебя уже есть.

— Каковы формы любви на высших этажах?

— Об этом мы поговорим, когда ты будешь готов, — ответила она. — Сейчас я только хочу подчеркнуть, что окружающий мир отражает твою собственную степень осознанности. Подобное стремится к подобному. Людей, пребывающих на уровне первого этажа, привлекают соответствующие этому этажу музыка, книги,

фильмы, напитки, пища, виды спорта и так далее. То же справедливо для второго и третьего этажей. До тех пор пока твоя осознанность не перейдет к четвертому уровню, в область сердца, все твои побудительные причины неизбежно будут исходить из личных соображений, из идеи самообслуживания.

— Может быть, именно поэтому Сократус так и не сделал свою бензоколонку станцией самообслуживания! — шутливо предположил я. — Так вы говорите, что, когда я доберусь до четвертого этажа, я перестану быть таким эгоцентричным?

Мама Чиа хихикнула:

— Нет, этого не произойдет вплоть до последнего, седьмого этажа, когда твое Я растворится в Единстве. До тех пор все мы «эгоцентричны», Дэн. Основной вопрос звучит так: «На каком Я ты сосредоточен?» Сейчас ты пребываешь в процессе сознательного перехода от детских и капризных желаний Базового Я к высшим мотивам своих действий. В этом и заключается прыжок от третьего к четвертому уровню, Великий Скачок.

— Но как это связано с этим местом? — поинтересовался я, обводя рукой горные пики, окружающие нас со всех сторон.

— Хороший вопрос, — сказала Мама Чиа. — Чтобы преодолеть третий уровень, тебе нужно сделать одну небольшую вещь.

Она жестом пригласила меня следовать за ней. Мы миновали нагромождения огромных валунов и остановились перед узкой, довольно ровной тропой, которая тянулась примерно на пятьдесят метров.

— И что мне предстоит сделать? — спросил я.

— Для начала — пройти по этой тропе столько, сколько удастся, и увидеть все, что ты сможешь увидеть.

— Дверь номер четыре?

— Вроде того, — коротко ответила она.

Я кивнул и тут же направился к мосту. Я ступил на казавшиеся предательски ненадежными камни, сделал несколько десятков осторожных шагов и остановился на самом краю пропасти — здесь дорожка обрывалась. Я глянул вниз: ущелье действительно было бездонным; по крайней мере, я видел внизу только серую мглу, так что высота была не меньше полукилометра. Прямо у моих ног начинался отвесный обрыв. Я невольно отступил на шаг от этой

головокружительной высоты и посмотрел на противоположную стену. До нее оставалось метров тридцать, и нас разделяла бездна. Стена выглядела такой гладкой и ровной, словно гору разрезали пополам одним махом гигантского ножа.

Из-за спины неожиданно послышался голос Мама Чиа, и я обернулся.

— У Сократуса и во время своих занятий гимнастикой ты в значительной степени научился самоконтролю. У тебя достаточно сильная воля, и она уже помогла тебе преодолеть много препятствий. Дверь там, — она махнула рукой, показав на небольшое углубление, единственное нарушение идеальной глади стены по другую сторону пропасти, под которым был едва заметен узкий карниз. Как ни странно, по форме углубление действительно напоминало дверной проем. — Все, что тебе нужно сделать, — прыгнуть вперед.

Я еще раз оценил расстояние. Очевидно, стена была недосягаемой. Слишком далеко даже для чемпионского прыжка. Я посмотрел в глаза Мама Чиа, пытаюсь понять, не шутка ли все это, но ее лицо было очень серьезным. Она не шутила.

— Это невозможно! — запротестовал я. — Во-первых, тут не меньше двадцати пяти метров, а я никогда не упражнялся в прыжках в длину. Даже если какое-то чудо поможет мне прыгнуть так далеко, маловероятно, что я смогу уцепиться за тот карниз. Я просто ударюсь о гладкую стену и соскользну в пропасть.

— По крайней мере, тебе не страшно, правда? — спросила она.

— В общем, нет, не особенно. Но я не идиот. Это просто самоубийство.

Она смотрела на меня с ироничной ухмылкой.

— Я не буду этого делать! — повторил я. Она молчала и ждала.

— Мне кажется, это совсем не сон, — взмолился я. — Вы сами говорили, что человек не может превратиться в птицу!

— Это, — спокойно сказала Мама Чиа, показывая на дверь, — можно сделать.

Потом она развернулась и направилась назад. Я пошел за ней, торопливо объясняя:

— Мама Чиа, ведь это не страх, и вы сами это знаете. Но это было бы просто глупо. Я не против того, чтобы проходить трудные

испытания, но в данном случае я стараюсь объективно оценить свои возможности. Это верная смерть.

Я почувствовал удар еще до того, как ее рука коснулась моей головы. Моя шея дернулась, а на лбу, похоже, моментально выросла шишка. В глазах у меня вспыхнули звезды, и тут боль прошла и что-то изменилось. Все вокруг выглядело точно так же, но ощущалось совсем иначе. Я все еще стоял здесь и говорил с ней.

— Это что, сон?

— Все есть сон, — сказала она.

— Я имею в виду, прямо сейчас...

— Всегда есть вероятность того, — продолжала она, игнорируя мои вопросы, — что ты потерпишь неудачу.

— Если... если у меня не получится... Я погибну?

— С твоим физическим телом ничего не произойдет, но ты испытаешь всю боль падения. В этом смысле, какая-то часть тебя действительно умрет.

— Но если это тоже видение, то я могу сделать все, что захочу.

— Все не так просто, — сказала она: — Ты сможешь сделать только то, на что, по твоим собственным убеждениям, способен. Чтобы преодолеть пропасть, нужно сделать прыжок веры. На самом деле, это испытание не для тела, а для твоего разума. Это проверка сосредоточенности, дисциплины, нацеленности и, в определенном смысле, — твоей целостности.

— Ты уже многого достиг, и любой мог бы гордиться такой жизнью. Прими этот вызов, только если ты действительно хочешь продолжать. Спроси самого себя: «Хочу ли я оказаться на той стороне?» Это проверка твоей личной силы. А там, — она снова показала в сторону пропасти, — четвертая дверь.

Я еще раз посмотрел на стену, до которой нужно было добраться. Я подпрыгнул вверх и приземлился, убедившись, что в этом сне сохраняются все мои физические ощущения и возможности — я поднялся в воздух не на большую высоту, чем в реальности. Я повторил прыжок с тем же результатом.

«Это безумие», — горько подумал я. Возможно, это какой-то трюк, проверка моей рассудительности. Мама Чиа сказала, что «какая-то часть меня действительно умрет», если я прыгну, но не смогу долететь до выступа или удержаться на нем. Может быть, задача именно в том,

чтобы я не принял такого глупого испытания. Что, если я вообще откажусь прыгать?

— Наверняка, так и нужно поступить! — произнеся вслух, поворачиваясь к Маме Чиа. Но ее нигде не было. В этот момент я услышал, как кто-то меня зовет:

— Дэн! Помоги мне, скорее! Помоги!

Крики доносились со стороны пропасти, и я увидел там Сачи! Невероятно! Снова трюк. Она кричала и плакала, цепляясь за узкий карниз под дверью. Она соскользнула с него, повисла на руках и отчаянно пыталась снова забраться на выступ.

— Ну, это уже просто нечестно, Мама Чиа! — заявил я. — Ведь все это сон!

— Д-э-э-э-н! — душераздирающе закричала Сами. Ей удалось поставить ногу на выступ, но она тут же сорвалась.

Потом я увидел тигра, балансирующего на карнизе идвигающегося по направлению к девочке. Она его не замечала.

— Дэн! — снова выкрикнула она.

Выбора не оставалось — придется попробовать. Я быстро вернулся по узкой тропе метров на тридцать назад, развернулся и начал разбегаться.

Я набирал скорость, а в моем разуме вскипали сомнения: «Что ты делаешь?», «У тебя ничего не выйдет!». Потом мной овладела холодная ярость. Это не было гневом, направленным на кого-то или на что-то, — просто мощный прилив энергии, захлестнувший меня, как океанская волна, и сметающий все на своем пути. Теперь ничто не могло остановить меня!

Полностью сосредоточенный только на своей цели, я разогнался все быстрее и быстрее, стремительно приближаясь к краю пропасти. Во мне бушевала энергия, заставившая меня забыть о прошлом и будущем, о тигре и бездне. Я видел только одно — точку приземления.

И я прыгнул.

На короткий миг, когда я рассекал пустоту, мне показалось, что все закончится трагически. Мгновение остановилось, и я парил в пространстве и во времени, как при замедленных съемках. Я физически ощущал, как тяжелые нити тяготения начинают тянуть меня вниз, я чувствовал, что стремительно падаю. Потом произошло нечто необъяснимое. Возможно, это было только мое воображение, но всем

своим существом я захотел оказаться там, на той стороне — и мне почудилось, что я полетел, как птица.

Секунду спустя я приземлился на карниз и вкатился в небольшую пещеру. Ощущение удара о пол и о стену углубления было вполне реальным. Краем глаза я заметил, что тигр продолжает приближаться к нам. Я был оглушен падением и, пошатываясь, подполз к краю выступа, протянул вниз руку, ухватился покрепче и выдернул Сачи вверх. В тот момент, когда тигр прыгнул, я втолкнул ее в дверной проем.

Судя по всему, мое приземление действительно оказалось слишком жестким. Как только я сам втиснулся в дверь, я потерял сознание.

Я очнулся и увидел вокруг себя призрачное свечение. Мои руки болели от ушибов, а сердце надрывно стучало. Мое тело, казалось, превратилось в огромный синяк. Я поднес к глазам руки. Запястья были неестественно вывернуты. «Сломаны...» Я смотрел на них с отчаянием, но прямо на глазах они начали распрямляться, боль от ушибов стремительно угасала, и через несколько секунд мои страдания полностью прекратились. Я снова закрыл глаза.

Я сидел на старой простыне возле раскрытой могилы на священном кладбище кахуна.

Лицо Мама Чиа было озарено утренними лучами солнца, и его окружал слабый розовый ореол. И все-таки она выглядела бледной и утомленной. Она заметила, что я очнулся, устало улыбнулась и сказала:

— Эти несколько дней были тяжелыми для нас обоих. Ты считаешь, что я плохо выгляжу? Видел бы ты самого себя! Она протянула мне пластиковую бутылку с водой:

— Попей.

— Спасибо. — В горле у меня пересохло, и я с удовольствием приник к горлышку. После моих приключений в открытом океане я был очень чувствителен к жажде. Этот страх, по-видимому, глубоко укоренился в моем Базовом Я.

Когда я отложил бутылку, Мама Чиа поднялась.

— Вставай. Нам предстоит долгий путь домой.

Мы почтительно попрощались с Ланикаула, и, хотя он не предстал перед нами в свете дня, я почувствовал его присутствие и благословение, которым он нас проводил.

На обратном пути меня осенило: я прошел испытание третьего этажа, продемонстрировал достаточную самодисциплину, сосредоточенность и мастерство, добрался до дверей четвертого уровня, но на этом все мои видения закончились. Я не прошел дальше, я не вышел на четвертый этаж! У меня появилось смутное чувство понимания происшедшего, но я все-таки спросил об этом у Мамы Чиа.

Она немедленно дала мне прямой и ясный ответ:

— Ты еще не готов. Твоя душа отвергла это, и ты вернулся назад.

— Я провалился... — печально сказал я.

— Это слишком сильно сказано, но, в принципе, похоже на правду.

— Что же мне теперь делать?

— Дэн, твоё обучение у Сократуса помогло тебе пройти три первых этажа. Сейчас ты готовишься к переходу на четвертый уровень, и это может произойти в любой момент. Понимаешь, для Великого Скачка необходимо, чтобы Сознательное Я ослабило свою хватку. Скорее всего, именно оно развернуло тебя на пороге.

Стемнело. Мы устраивались на ночлег во влажном лесу. «Завтра путешествие закончится, — думал я. — Пара часов неутомительной ходьбы — и мы дома».

На следующее утро, вскоре после нашего выступления, мы подошли к подножию большого водопада, струи которого с громовым грохотом падали с порога, возвышающегося метров на двенадцать.

— Знаете, — сказал я, наблюдая за потоками воды, — в свое время Сократус предостерегал меня от чрезмерного увлечения всякими внутренними путешествиями — видениями и тому подобным. Он сказал, что они могут привести недостаточно подготовленных людей к самым разнообразным иллюзиям. Он часто говорил мне, особенно после того, как я возвращался из таких путешествий внутрь самого себя, что я должен усвоить полученный урок и отбросить свои впечатления.

— И сейчас я подумал, — продолжал я. — Может быть, все видения, которые я пережил там, на кладбище, ничего не доказывают? Ведь человеку намного проще быть смелым, раскрепощенным или дисциплинированным, когда он знает, что происходящее — всего лишь сон, а не реальность. Я не ощущаю в себе особенных изменений. Как мне убедиться, что они на самом деле произошли?

— То, через что ты прошел, было большим, чем просто сон, Дэн. К тому же тебе стоит более непредвзято относиться к тому, что ты называешь «реальной жизнью».

— Но почему же мне все еще нужно доказывать это самому себе?

Мама Чиа улыбнулась и покачала головой. Мои слова явно ее позабавили. Она некоторое время пристально смотрела на меня, а потом перевела взгляд на водопад.

— Хорошо, — сказала она. — Ты хочешь доказательств? Встань под водопад и займись медитацией.

Я посмотрел на мощный поток воды по-новому, оценивая. Судя по всему, это вряд ли будет похоже на приятный Душ.

— Что ж, попробую, — небрежно бросил я, вспомнив сцену из одного фильма о боевых искусствах. — Принято. Думаю, я продержусь там двадцать минут.

— Пять часов стали бы гораздо более убедительным доказательством, — быстро заметила она.

— Пять часов? Да меня просто смое! Или я подхватываю воспаление мозга!

— Похоже, ты уже его подхватил, — с улыбкой предположила она.

— Ладно, ну, скажем, час—но это предел. Я даже не знаю, смогу ли удержаться там, на камнях.

Я сбросил рубашку и начал было снимать сандалии, но передумал и решил остаться в них. Я аккуратно ступил на скользкие, поросшие мхом камни на берегу, погрузился в воду и добрался до водопада.

Тяжесть падающей воды чуть не расплющила меня. Медленно продвигаясь вперед, я дважды срывался с камней, прежде чем нашел достаточно плоскую площадку. Я уселся и выпрямил позвоночник, сопротивляясь мощному потоку, обрушивающемуся на меня сверху. Вода была довольно прохладной, но вполне приемлемой для этого климата. «Хорошо, что погода такая теплая», — подумал я, а потом лавина воды унесла с собой все мои мысли.

Несмотря на холод и усиливающиеся головную боль и напряжение в спине, я просидел там, по моей оценке, целый час, после чего заключил, что на самом деле прошло не меньше двадцати минут. Я уже собирался «отложить игру из-за плохих погодных условий», но что-то остановило меня — может быть, смелость, может — решительность, а

может быть — самодисциплина. Возможно, это было просто ослиное упрямство.

Много лет назад, когда на занятиях тренер предлагал нам сделать пятнадцать отжиманий на руках, я всегда делал двадцать. Сколько себя помню, я всегда был таким. Сейчас, хотя у меня не исчезало желание встать, убежать, прекратить все это, что-то удерживало меня на месте. Где-то в глубине моего разума (а его поверхность уже была дочиста отполирована потоками воды) скрывался вызов Мамы Чиа, вновь и вновь, словно мантру, повторявший: «Пять часов, пять часов...»

В спортивной молодости мое Базовое Я было приучено реагировать на любой вызов полным высвобождением сил. Сидя под водопадом, я ощутил прилив энергии и особые ощущения в животе и в груди, возникшие, когда я осознал, что сделаю это, выдержу здесь пять часов, когда я почувствовал в себе непоколебимую решимость выстоять. Струи воды заполнили весь мир вокруг, и мой разум исчез.

Сначала я услышал, как сквозь равномерный шум пробиваются какие-то звуки. Шум постепенно ослабел, и я понял, что слышу порывы ветра, а через мгновение перед моими глазами предстала белая Башня, и ветер стремительно нес меня к ней.

Потом я оказываюсь в крошечной комнатке, атмосферу которой наполняет какой-то едкий запах, смрад сточной канавы и трупного разложения, частично смягчаемый сильным ароматом фимиама. Я вижу висящее на стене платье, цветастое сари, кажущееся неуместным в этой ужасной бедности. Теперь у меня нет никаких сомнений в том, где я нахожусь: Индия.

В противоположном углу женщина, одетая в наряд монахини, ухаживает за прикованным к постели прокаженным, все лицо которого сплошь покрыто язвами. Я с отвращением замечаю на его щеке огромную гноящуюся дыру, к тому же у него нет одного уха. Он умирает. Я совершенно ошеломлен отвратительностью этого зрелища, меня выворачивает от пронизывающего комнату зловония, и я инстинктивно отшатываюсь, делаю шаг назад, и меня вновь подхватывает ветер.

Сильнейший шквал урагана — и я стою у старой полуобвалившейся кирпичной стены в темном проулке Парижа, выходящем на узкую Рю де Пигалль. Жандарм помогает встать мертвецки пьяному человеку, покрытому пятнами рвоты и

источающему вонь мочи. Меня снова переполняет отвращение, я отступаю, и эта сцена исчезает вдали.

Еще один порыв ветра — невидимый, как призрак, я сижу на кровати в детской комнате шикарного загородного дома возле Лос-Анджелеса. Рядом сидит безусый парнишка, втягивающий в ноздри белый порошок. «Глупый мальчишка! — думаю я. — Противно смотреть».

Следующая сцена. Я стою перед африканской хижиной и вижу сквозь ее открытую дверь дряхлого старика, каждое движение которого причиняет ему невыносимые мучения. С трясущимися руками, он пытается влить воду в приоткрытый рот малыша, лежащего без сознания на грязной циновке. Живот ребенка безобразно раздут, а грудь впала, и острые ребра, кажется, вот-вот разорвут кожу.

— Да что же это?! — отчаянно выкрикиваю я. Мне кажется, что я путешествую по всем кругам ада. — Зачем вы показываете мне всех этих людей? Я-то в чем виноват? Заберите меня отсюда! Я не могу это выдержать, я не хочу все это видеть!

Перед моими глазами сгущается тьма, и я трясусь головой, чтобы выбросить из нее все эти ужасные картины человеческих страданий. Издалека раздается голос, зовущий меня:

— Дэн! Дэн!..

Постепенно я пришел в себя и увидел Маму Чиа, которая стояла рядом со мной, под водопадом, трясла меня за руку и говорила:

— Дэн! Очнись, парень! Ты уже доказал все, что хотел.

Промокший до костей, взъерошенный, как мокрая кошка, я выполз из-под струй воды, пошатываясь и спотыкаясь, растянулся на берегу и сказал:

— Приятное местечко, но жить там я бы не хотел. Ну-ка, — я ощупал шею, — у меня жабры не появились?

Я встряхнул головой, пытаюсь прояснить мысли. Я чувствовал себя наполненным водой, как губка. Я приподнялся и, обратившись в сторону водопада, сказал, как фокусник, обращающийся к камерам:

— Лучше не пытайтесь повторять такие штуки самостоятельно, ребятки. Это под силу только специалистам, вроде меня.

Перед глазами у меня все поплыло, я упал навзничь и снова потерял сознание.

Когда я пришел в себя, солнце уже высушило меня. Я открыл глаза, посмотрел по сторонам и увидел Маму Чиа, сидящую неподалеку. Она чистила сочный плод манго.

— Не буду принимать душ целый год! — поклялся я. Мама Чиа подняла голову и улыбнулась.

— Ну, как, это можно считать доказательством? — поинтересовался я.

— Вполне. — Ее улыбка стала еще шире. — Пока ты торчал там, под водопадом, наполовину утопленный и наполовину избитый до смерти, я успела сбегать домой, вздремнуть, повидаться с друзьями, не спеша вернуться и вдоволь наесться манго.

Она стряхнула косточки плода в кусты.

— Конечно же, это было очень убедительное доказательство того, что один из нас — полный идиот. — Ее голос был очень серьезным, но она не выдержала и рассмеялась так заразительно, что я тоже не смог удержаться от хохота.

— У тебя сильный дух, Дэн. Я знала об этом с самого начала. Сократус действительно хорошо поработал с тобой, раз после его обучения ты смог преодолеть испытание третьего этажа. Теперь, когда твое Сознательное Я будет решаться на что-то, Базовое Я, познакоившееся с решительностью, предоставит тебе энергию, необходимую для достижения цели. Я дала тебе немало! — торжественно заключила она. — Ты стал человеческим существом!

— Я стал человеком? И все?

— Это очень неплохое достижение. Это означает, что ты провел генеральную уборку на трех нижних этажах. Ты пришел к связи со своим телом, своим миром и своей человеческой природой.

— Там, под водопадом, кое-что произошло, — задумчиво сказал я. — Я видел множество несчастных людей — больных, умирающих. Мне кажется, я каким-то образом посетил...

— ...четвертый этаж? — закончила она за меня. — Да, я почувствовала это, когда спала в своей хижине. — Она утвердительно закивала, но ее глаза стали печальными.

— Что же все это означало? Я его преодолел?

— Ты преодолел только водопад... Но не четвертый уровень.

— Что вы имеете в виду? Что же случилось?

— Пойдем. Придем домой, а там уже поговорим.

Глава 15

Служение Духу

*Я спал, и мне снилось, что жизнь — одно
лишь счастье.*

*Я проснулся и увидел, что жизнь —
служение,*

*Я служил другим, и открыл,
что служение и есть счастье.*

Рабиндранат Тагор

Мы неторопливо шагали по лесу, и я спросил:

— Что же все-таки произошло со мной там, после прыжка через пропасть, а потом — под водопадом?

Мама Чиа ответила сочувственным и понимающим тоном:

— Дэн, для тебя, как и для многих других, третий этаж остается ареной сражения. Тебя разрывают противоречивые проблемы дисциплинированности, решительности, воли и самоограничения. Это выпускной класс для Базового Я.

Пока человек не разрешит эти проблемы и не станет хозяином самого себя, его жизнь остается непрерывной борьбой, во время которой он пытается проложить мост через пропасть между тем, что нужно делать, и тем, что делается на самом деле. Воин владеет своим Базовым Я, он воспитывает его, поэтому то, чего он хочет, и то, что ему нужно, совпадают. Между желаниями разума и потребностями подсознания уже нет противоречия.

Перепрыгнув пропасть, ты продемонстрировал сильную волю. Без нее ты бы рухнул в бездну.

— И что бы тогда случилось?

— Пришлось бы долго карабкаться вверх! — смеясь, заявила она.

— А Сачи действительно была там?

— Для тебя — да, она была настоящей, — ответила Мама Чиа, а потом добавила: — Возможно, для тебя она стала олицетворением

дочери, которая осталась р Огайо.

После этих слов я испытал приступ острой тоски, боли, ответственности и любви к Холли, трогательное личико которой предстало перед моим внутренним взором.

— Мне очень хочется вернуться к ней.

— Конечно, — согласилась Мама Чиа. — Но, по-моему, ты должен вернуться к ней целостным отцом, а не папочкой с кучей незаконченных дел.

Я опять вспомнил слова Сократуса: «Если уж начал, доводи до конца».

— Разве ты закончил все свои дела здесь? — спросила Мама Чиа, словно прочитав мои мысли.

— Не знаю... Я все еще не понимаю, что произошло, когда я сидел под водопадом...

Мама Чиа прервала меня:

— Преодолев пропасть, ты сделал огромный прыжок. Но тебя все еще ждет Великий Скачок.

— Скачок на четвертый уровень?

— Да. Прыжок в собственное сердце.

— В сердце... — повторил я. — Это звучит довольно сентиментально.

— В этом нет ничего общего с сентиментальностью, — строго сказала Мама Чиа. — Это вопрос чисто физический — метафизический. И ты можешь сделать этот скачок, Дэн. Но он требует огромной отваги и великой любви. У большинства людей эти качества остаются в спящем состоянии или лишь частично развиты. В тебе они только начали пробуждаться. Как ты уже знаешь, все начинается со стремления. — Она замолчала, потом неожиданно вновь заговорила. — Я знаю тебя лучше, чем ты сам понимаешь себя, Дэн. Все твои путешествия и приключения — это Дух, ищущий Себя, не больше и не меньше.

Тебя ждет твое собственное Высшее Я, и оно исполнено любви. Ваша встреча близка, и я очень надеюсь, что доживу до того дня... — Она запнулась на полуслове.

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил я. — Разве осталось ждать так долго? Или есть что-то такое, о чем я не знаю?

Мама Чиа приостановилась и посмотрела на меня так, словно вот-вот ответит на мой вопрос. Но потом снова двинулась вперед своей прихрамывающей походкой и продолжила свой рассказ с того места, на котором сделала свое странное отступление:

— Ты встретишься со своим Высшим Я, когда твое осознание поднимется над океаном личных забот и поселится в твоём сердце. Для этого тебе не нужно восходить на вершины Тибета, ибо «Царствие Небесное внутри нас», — напомнила она. — Внутрь и вверх, в сердце и ввысь — вот и все.

— А что же насчет высших уровней?

— Я ведь говорила тебе: двигайся шаг за шагом! Сначала найди свое сердце, и тогда верхние этажи сами позаботятся о себе, хотя ты сам будешь слишком занят любовью и служением, чтобы заметить это.

— Похоже, мне предстоит превратиться в «Святого Дэна», — усмехнулся я. — Но у меня есть одна маленькая слабость — я обожаю пирожные.

— Что ж, — сказала Мама Чиа, — когда ты прыгнешь в свое сердце, ты по-настоящему полюбишь пирожные. Поверь мне, я тоже их обожаю! — Она рассмеялась и замолчала, теперь уже надолго, словно делала паузу, чтобы ее объяснения впитались в мой разум, как садовник делает перерыв, поливая деревья, чтобы позволить воде проникнуть к самым корням.

Мы шли, и я глазел по сторонам. Солнце было в зените, и его иногда скрывали светлые облака. Слова Мама Чиа действительно затронули что-то в глубине моей души. Мы продолжали идти молча, и в моей голове возникало все больше и больше вопросов. В конце концов, я не вытерпел и прервал молчание:

— Мама Чиа, я видел людей, обладающих совершенно необычными способностями. Означает ли это, что они достигли высших этажей?

— В людях иногда проявляются дары, обретенные в прошлых перевоплощениях. Но чаще всего, если они не занимались очищением от мусора на нижних уровнях, их способности означают лишь «временный пропуск» на верхние этажи, позволяющий использовать их энергию и смотреть через высокие окна.

— А как же духовные учителя и мастера?

— Осознание подлинного мастера присутствует в каждом человеке с самого рождения, но в большинстве случаев пребывает в спящем состоянии всю жизнь, даже в периоды внутренних конфликтов и сражений. Иногда оно стремительно распускается, чаще всего — под влиянием какого-то события или под руководством учителя. Великие мастера обладают свободным доступом на высшие уровни, поэтому они всегда проявляют великую любовь, энергию, чистоту, мудрость, обаяние, сострадание, чувствительность и силу. Но если при этом они не овладели своими низшими этажами, то все это заканчивается воровством денег или сексуальными домогательствами к своим ученицам.

Она улыбнулась своему сравнению.

— Мне очень хочется узнать, что находится там, на высших уровнях.

— За многие столетия истории были выработаны определенные мистические техники и созданы специальные вещества, позволяющие мельком увидеть верхние этажи. Это считается скорее священнодействием, чем развлечением, и они могут быть полезны как «реклама предстоящего удовольствия».

Многие вполне добропорядочные, одинокие, скучающие или отчаявшиеся люди стремятся к подобным духовным опытам, используя для их достижения самые разнообразные средства, — продолжила Мама Чиа. — Но что потом? Что это им дает? В конце концов, они возвращаются к своему обычному состоянию, но становятся лишь более подавленными — Дух всегда здесь, рядом с нами, вокруг нас, внутри нас, но короткого пути к его осознанию не существует. Мистические практики действительно вызывают подъем осознания, но если этот опыт не связан с ответственностью здесь, в этой жизни, в нашем измерении, то он ничего не даст, — убежденно сказала она.

Те, кто использует духовный опыт, чтобы убежать от этого мира, карабкаются не на то дерево, потому что любые их поиски при этом только усиливают чувство неуверенности и раздвоенности, которое и вызвало необходимость поиска.

Желание избежать скуки, избавиться от брэнного тела и преодолеть неизбежность смерти вполне естественно и понятно. Но те, кто использует духовную практику, чтобы отвлечься от проблем

повседневности, взбираются по лестнице только для того, чтобы обнаружить, что она прислонена не к той стене.

Встреча с Высшим Я ничуть не похожа на видение разноцветных огней или воображение прекрасных образов. Эта встреча означает покорность его воле — человек становится своим Высшим Я. Этот процесс нельзя ускорить, он протекает по своим собственным законам, в своем естественном ритме.

— Повседневная жизнь является тренировочным залом Мирного Воина, — продолжила она. — Дух обеспечивает человека всем необходимым всегда, здесь и сейчас. Человек развивается, не открывая новые земли, а внимательно присматриваясь и охватывая то, что находится прямо перед ним. Только тогда человек способен сделать свой следующий шаг и перейти на очередной этаж.

— А потом, — сказала она, останавливаясь и поворачиваясь ко мне, — когда нижние этажи очищены, происходит нечто совершенно неуловимое и захватывающее — твои побудительные причины тонко, но ощутимо смещаются от поисков счастья к его сотворению.

В конечном счете все сводится к служению. Христос сказал: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою».^[11]

В этом, Дэн, и заключается путь сердца, ведущий к вершине внутренней духовности. Запомни мои слова: когда-нибудь ты будешь служить другим людям не из личных соображений, чувства вины или общественного долга, а просто потому, что ты не сможешь жить иначе. Это будет приносить тебе удовольствие и счастье, словно ты посмотрел отличный фильм и тебе хочется поделиться этой радостью с окружающими.

— Я не знаю, способен ли сделать служение другим основным смыслом своей жизни... Это кажется мне нелегким бременем.

— Разумеется, — подтвердила она, — потому что сейчас ты смотришь на это с позиции третьего уровня. Но когда ты будешь смотреть глазами сердца из окна четвертого этажа, личное удобство и удовлетворение собственных нужд перестанут быть центром твоего внимания. Ты будешь с нетерпением ожидать нового дня и искать возможности помочь еще одной душе, иной частице твоего «Я».

Мама Чиа замолчала, потому что тропа стала скользкой от дождя и требовала внимательности и осторожности. Перепрыгивая через переплетенные корни деревьев, паутиной покрывающие землю, я тоже

полностью сосредоточился на ходьбе. Мои облепленные грязью сандалии хлюпали при каждом шаге по влажной почве. Кроме того, мне нужно было обдумать то, о чем только что говорила Мама Чиа. Мы почти скатывались по крутой и узкой тропе, и повсюду, где тропический ливень, насыщавший эти влажные джунгли, находил в кронах деревьев возможность пробиться к земле, на нас обрушивались крошечные водопады воды.

Чуть позже, когда тропа расширилась и выровнялась, Мама Чиа заметила озадаченное выражение моего лица и сказала:

— Дэн, не упрекай себя. Прими ту позицию, которую ты занимаешь сейчас. Доверься своему Высшему Я. Оно зовет тебя к себе с самого детства. Оно привело тебя к Сократусу, а потом ко мне. Примиришь с самим собой и просто помогай другим. Делай это из чувства долга, и ты обязательно научишься делать это из чувства любви, без привязанности к результатам своих действий.

И когда ты почувствуешь, что был бы счастлив посвятить сотню жизней или даже целую вечность служению другим, тебе уже не нужно будет следовать какому-либо пути — ты сам станешь Путем. Служение помогает «тебе», Сознательному Я, превратиться в Высшее Я, пусть даже ты сохранишь при этом человеческую форму.

— Как я узнаю, что это случилось? — спросил я.

— Ты и не узнаешь. Ты будешь слишком счастлив, чтобы заметить! — ответила она, и ее лицо засветилось. — Когда это растворяется в объятиях Бога, разум сливается с Его волей. Тебе уже не нужно будет стараться управлять своей жизнью, направлять ее куда-либо. Ты уже не будешь жить, ты станешь самой жизнью, сольешься с высшей целью, с «широкой картиной мира». Ты станешь Путем, когда закончишь свой путь!

— Не знаю... — вздохнул я. — Все это кажется невозможным...

— Разве невозможное тебя когда-нибудь останавливало? — лукаво поинтересовалась Мама Чиа.

— Тут вы меня поймали! — улыбнулся я.

— Если бы в детстве Жозефу де Бюсте сказали, что он проведет большую часть своей жизни, помогая прокаженным острова Молокаи, он бы тоже наверняка решил, что это просто невозможно. Но Жозеф стал Отцом Дэмьеном, и, когда прокаженные были брошены здесь на произвол судьбы, оставлены умирать, он последовал своему высшему

предназначению и помогал им до конца своих дней. Вспомни к тому же о Матери Терезе, о Махатме Ганди...

— И о Вас! — добавил я.

Мы сделали последний поворот на тропе, спускающейся к поляне и к знакомой хижине, означавшей долгожданный отдых. Предательски скользкие корни деревьев и неровные валуны сменились травой, мягкими листьями и влажной красноватой почвой. Мы оба были мокрыми от дождя и пота и продолжали идти в молчании. Я полностью сконцентрировался на медленном и глубоком дыхании, прижал язык к верхнему нёбу и позволил Базовому Я уравнивать и распределять энергию своего организма. Вместе с воздухом я вбирал в себя свет, энергию и Дух.

В какой-то момент я осознал пение птиц и вечное журчание родников и водопадов, детей ливней. Эти знаки в который раз вернули меня к ощущению красоты и загадочности Молокаи. Однако из глубин моего разума продолжали подниматься беспокойные размышления о служении. Определенно, это было слабым звеном моей жизни.

— Мама Чиа, — сказал я, — когда вы упомянули Отца Дэмьена и Мать Терезу, я осознал, насколько далек от их уровня. Меня никогда не привлекала идея об уходе за прокаженными или о помощи бедным, хотя, конечно же, я признаю, что все это достойно почитания и уважения.

Не оборачиваясь, она ответила:

— Большинство человеческих поступков связаны с тем, что ты считаешь сентиментальностью. Добрые дела могут совершаться по множеству причин. На первом этаже существует только служение самому себе. На втором этаже служение всегда означает привязанность к кому-то. На третьем этаже оно мотивируется соображениями долга и ответственности. Поэтому я еще раз повторяю: подлинное служение начинается только на четвертом уровне, когда осознание поселяется в сердце.

Мы остановились, чтобы сорвать немного плодов манго. Мы шли уже довольно долго, и фрукты лишь слегка успокоили мое чувство голода, поэтому я был очень рад, когда в сумке Мама Чиа нашлась еще горсть орехов. Сама Мама Чиа съела совсем немного.

— Продолжайте есть в таких же количествах, — сказал я, — и очень скоро вы станете тонкой, как супермодель.

— Модель чего? — спросила она, улыбаясь.

— Модель святой.

— Я не святая, — покачала головой Мама Чиа. — Видел бы ты, как я веду себя на вечеринках!

— Это я видел. Помните, на Оаху?

Мои мысли вернулись к вечеру нашей встречи. Неужели с того времени прошло лишь несколько недель? Сейчас мне казалось, что прошли годы, десятилетия. Я чувствовал себя повзрослевшим и, быть может, чуть-чуть помудревшим.

До дома оставалось совсем немного, и мы продолжили путь.

— Как же мне сделать скачок, о котором вы говорите? — спросил я. — Ведь у меня есть работа, семья и другие обязанности. Я просто не могу бросить все это, чтобы посвятить остаток жизни благотворительной деятельности.

— А кто говорит, что ты должен это делать? Почему ты вообще решил, что должен стать монахом? — поинтересовалась она, но потом усмехнулась. — Пожалуй, я и сама знаю почему. Когда я поступила в университет, мы тоже признавали только самые высшие идеалы. Я собиралась найти Чашу Грааля, совершенно серьезно. Не было ни единого дня, когда бы я не испытывала чувства вины за то, что учусь в таком прекрасном университете, читаю книги или смотрю кино, а в это время миллионы детей на всей планете голодают. Я поклялась, что обращу полученное образование на пользу тем, кому повезло гораздо меньше, чем мне.

Однажды летом меня отправили в Индию для обучения, и все мои идеалы подверглись шокирующему крушению. Я накопила немного денег специально для того, чтобы раздать их нищим, и прямо на вокзале, как только я сошла с поезда, ко мне подбежала одна девочка. Она была просто красавицей — опрятной и чистенькой, с яркими белыми зубами, несмотря на бедность. Девочка очень вежливо попросила милостыню, и я с радостью дала ей монетку. Ее глаза загорелись, а я была просто счастлива!

В это время ко мне подросли еще трое детишек, они тоже улыбались, и я одарила монеткой каждого из них. Потом меня окружило около пятнадцати ребятишек — и, поверь мне, это было только начало. Где бы я ни оказалась, везде были дети, просящие милостыню. Очень быстро у меня закончились все деньги, и я отдала

им свой рюкзак и зонтик. Я раздала все, кроме одежды, которая была на мне, и своего обратного билета на самолет. Если бы так продолжалось и дальше, мне бы самой пришлось просить подаяние! Мне нужно было как-то это прекратить и научиться отказывать, не отягощая своего сердца. Это было болезненно, но необходимо, потому что я не клялась тоже стать нищей — и ты, кстати, тоже.

Конечно, нашему миру необходимо гораздо больше сострадания, но у каждого из нас — свое призвание. Одни работают на бирже, другие — сидят в тюрьме. Одни купаются в роскоши, другие ночуют под мостом. Одни терзаются вопросом, какой сорт мрамора использовать для своего бассейна, а другие просят милостыню на улице. Но означает ли это, что все богатые — негодяи, а все бедные — святые? Думаю, нет. Все это означает лишь сложности кармы. Каждый из нас играет свою собственную роль. Каждый человек рождается в таких обстоятельствах, которые обеспечивают необходимые испытания и позволяют ему развиваться. Нищий в этой жизни мог быть царем в прошлой. Неравенство существовало всегда, и, пока осознанность всего человечества не поднимется по крайней мере до третьего этажа, несправедливость останется неизбежной.

Очень долго я пыталась смириться со своим чувством вины за то, что я живу в неплохих условиях и сытно ем. Иначе может ли человек проглотить хоть кусок хлеба, когда кто-то еще голодает?

— И как вы справляетесь с этим чувством? — спросил я.

— Это хороший вопрос, Дэн. Он сам по себе указывает на то, что твое сердце начало пробуждаться, — сказала она. — Я справляюсь с этим чувством вины, совершая добрые поступки по отношению к тем людям, которые рядом со мной, здесь и сейчас. Я признаю ту роль, которая была определена для меня, и советую тебе сделать то же самое. Нет ничего дурного в том, что Мирный Воин зарабатывает деньги, делая то, что ему нравится делать, и помогая при этом другим. Важны все три составляющих. Нет ничего плохого в том, чтобы кому-то отказывать, любить и быть счастливым, несмотря на все трудности эт^ жизни.

Найди свою собственную точку равновесия. Делай то, что способен делать, но оставь себе время на смех и наслаждение жизнью. И никогда не забывай, что, когда твое сознание поднимается вверх по лестницам Башни Жизни, твой образ жизни непрерывно изменяется.

Твои потребности упрощаются, и меняются все твои приоритеты — то, как ты расходуешь свое время, деньги и энергию.

— У меня тоже есть высокие идеалы, Мама Чиа, и я действительно хочу приблизиться к ним. Я хочу измениться.

— Первым шагом в изменении, — сказала она, — является принятие того, где ты находишься сейчас, и полное согласие с процессом своего развития. Негативные представления о самом себе лишь сохраняют устаревшие привычки, потому что критика делает Базовое Я упрямым и вынуждает его обороняться. Согласие с самим собой позволяет твоему подсознательному ребенку свободно и раскрепощенно взрослеть. А вот тот момент, когда все это случится, целиком в руках Господа. Но рано или поздно это произойдет.

Глава 16

Темные тучи в солнечный день

*Вот слезы мира и вещей:
тлен смерти омрачает сердце.*

Вергилий «Энеида»

Из слов Мама Чи я постарался усвоить все, что только мог. Последние несколько километров мой ум и сердце отдыхали, но — увы! — усталым ногам передохнуть не удавалось. Я брел, совершенно опустошенный, подгоняемый, скорее, крутым спуском, а не запасами энергии. Меня в очередной раз привело в удивление то, что эта пожилая женщина способна неумоимо проходить огромные расстояния, тем более — прихрамывая и опираясь на трость.

Когда до моей хижины оставалось около полутора километров, Мама Чи неожиданно свернула со знакомой тропы в сторону. Несколько минут спустя мы вышли к другой небольшой хижине, уютно разместившейся около родника, каскадами спускавшегося с предгорий. Хижина располагалась в низине, и с высоты я заметил небольшой японский сад камней, состоящий из одного выделяющегося на фоне выровненного слоя мелкой гальки крупного камня, на вершине которого цвело дерево бонсаи. Весь пейзаж был удивительно совершенен и гармоничен. Над садом камней поднимались террасы с огородами и цветниками. Хижина стояла на сваях, а не прямо на земле.

— Иногда здесь бывают небольшие наводнения, — объяснила Мама Чи, прежде чем я успел задать вопрос. Мы поднялись по трем ступеням и вошли внутрь. Обстановка была отражением самой Мама Чи: длинная и низкая кушетка, зеленые коврики, напоминающие цвет листы, несколько картин на стенах и лежащие тут и там обычные подушки и зафу — подушечки для медитации.

— Хочешь чаю со льдом? — спросила она.

— Конечно, — воскликнул я. — Помочь? Она улыбнулась:

— Чаепитие для двоих совсем не означает, что чай должны заваривать оба. Туалет и ванная там. — Она махнула рукой влево и отправилась на кухню. — Чувствуй себя как дома. Можешь включить музыку.

Умывшись, я обнаружил на столе древнюю модель магнитофона, настоящий антиквариат.

Мама Чиа внесла чай и нарезанные ломтиками плоды папайи. Она выглядела очень спокойной, уютной и домашней в этой привычной для нее обстановке, словно провела все эти дни здесь, а не водила меня за собой по грязным и каменистым дорогам.

Когда мы закончили чаепитие, я собрал и вымыл тарелки. Мама Чиа сказала:

— Отсюда до твоей хижины не больше километра. Думаю, отдых тебе необходим.

— Да уж, — согласился я. — И вам тоже. Она присела на подушечку на полу, как японка, и посмотрела мне прямо в глаза.

— Я чувствую, что очень многое узнала о тебе за последние несколько дней.

— Это взаимно, — ответил я. — Вы меня просто восхищаете! Сократус действительно умел выбирать друзей!

— Да, — улыбнулась она.

— Знаете, это так странно... Мы знакомы всего три недели, но мне кажется, что я знаю вас многие годы.

— Будто время изменило свое течение? — спросила она.

— Да, и все-таки мне потребуется больше времени, чтобы разобраться в том, чему я научился, — сказал я.

Она подумала и ответила:

— Возможно, в этом и заключается суть жизни — предоставлять нам время, чтобы мы успели разобраться в том, чему учимся.

Мы немного посидели молча, наслаждаясь спокойствием ее дома и присутствием друг друга. Под влиянием нахлынувших чувств, неожиданно для самого себя, я сказал:

— Я испытываю к вам огромную благодарность, Мама Чиа!

— Благодарность мне? — Она расхохоталась. Очевидно, мое заявление показалось ей очень смешным или даже абсурдным. — Я искренне рада за тебя. Признательность — это доброе и благотворное

чувство. Но когда ты изнемогаешь от жажды и кто-то дает тебе воды, кому ты благодарен — стакану или человеку, который тебе его подает?

— Конечно же, человеку! — ответил я.

— А я — всего лишь стакан, — сказала она. — Так что направь свою благодарность своему Источнику.

— Хорошо, Мама Чиа. Но стакан я тоже очень ценю! Мы рассмеялись, но ее улыбка быстро исчезла.

— Думаю, я должна кое-что сказать тебе, Дэн. Просто на случай, если... — Она поколебалась, но продолжила: — У меня проблемы со здоровьем... Тромбы в крови... и сердечные приступы. Последний из них наградил меня хромотой, трясущимися руками и потерей остроты зрения. А следующий, если случится, станет последним.

Она рассказывала об всем этом совершенно обыденным тоном, но я испытал шок, парализовавший все мое тело.

— Врач, который поставил этот диагноз, — продолжила она, — и другой доктор, который его подтвердил, сказали, что я буду жить вполне нормальной жизнью, за исключением нескольких обычных мер предосторожности, но риск внезапной смерти все равно очень высок. Это невозможно вылечить, и они лишь выписали мне несколько лекарств...

Она сидела неподвижно. Я посмотрел ей "в глаза, перевел взгляд на пол, потом снова ей прямо в глаза.

— Разве эти «обычные меры предосторожности» допускают такие трудные и продолжительные походы и лазание по скалам?

Мама Чиа сочувственно улыбнулась:

— Теперь ты понимаешь, почему я не рассказала об этом раньше.

— Да. Потому что иначе я никуда бы не пошел! — Меня переполняли гнев на суровую судьбу, обеспокоенность, печаль, страх, нежность, ощущение предательства и чувство вины.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Я не выдержал и прервал ее:

— Вы сказали, что следующий приступ будет последним... Вы имели в виду, что он может оказаться последним? Она помолчала и ответила:

— Просто я чувствую, что скоро умру. Я знаю это, но не знаю, когда именно.

— Неужели ничего нельзя сделать? — в отчаянии спросил я.

— Если ты сможешь чем-то помочь, я тебя обязательно попрошу, — ответила она с успокаивающей улыбкой.

— Но ведь вы так много знаете и умеете! У вас такое взаимопонимание с собственным Базовым Я! Неужели вы не можете это использовать и исцелиться?

— Я сама много раз задавала себе этот вопрос, Дэн. И я делаю все, что могу, а все остальное — в руках Духа. Существуют вещи, с которыми нужно смириться. Самый высокий уровень духовного развития не способен вернуть человеку ампутированную ногу. Моя болезнь — что-то вроде этого.

— Тот мой друг, о котором я вам рассказывал... тот, который недавно умер, — напомнил я. — Когда он узнал, что смертельно болен, он испытал все те чувства, которые обычно приходят к людям, оказавшимся в подобной ситуации, — шок, отрицание, гнев и, наконец, смирение. Мне кажется, что у него было две возможности. Либо сопротивляться болезни и потратить все свое время, энергию и волю, сражаясь с ней, либо принять то, что он скоро умрет, на самом глубоком уровне своего существа, смириться со смертью, позаботиться о незавершенных делах, прийти к гармонии с миром и использовать приближение смерти как последний опыт своей эволюции.

— Но он так и не смог этого сделать, — печально продолжил я. — Он делал то, что, наверное, делают большинство умирающих. Он метался от одного к другому, он ни сражался со смертью, ни мирился с ней. И так до самого конца. Я... странно признаваться в такой бессердечности, но он меня разочаровал... — Впервые я поделился своими чувствами об этом случае с другим человеком.

Глаза Мамаи Чиа были ясными и счастливыми:

— Сократус гордился бы тобой, Дэн. То, о чем ты говорил, было настоящей мудростью. Мне доводилось видеть людей, целиком смирившихся со смертью, — и это смирение стало для них исцелением и победой над ней.

— Но я, — продолжила она, — сражаюсь за свою жизнь, но, в то же время, и пытаюсь смириться со смертью. Я буду жить, жить по-настоящему, когда бы смерть ни пришла — сегодня, завтра, через месяц, через год. И так может жить каждый, не только смертельно больной.

Она посмотрела на меня и, как мне кажется, почувствовала, насколько я расстроен и как хотел бы помочь ей.

— В этой жизни нет никаких гарантий, — сказала она. — Каждый человек живет настолько хорошо, насколько может. Я прислушиваюсь к своему Базовому Я и доверяю его сообщениям. Но иногда, несмотря на все это... — По ее плечам прошла дрожь.

— Как же вы справляетесь с этим, зная, что в любой момент...

— Я не боюсь смерти — я слишком много о ней знаю. Но я люблю жизнь! И чем больше в моей жизни смеха и радости, тем больше энергии вырабатывает мое Базовое Я. Это и позволяет мне жить танцуя. — Она взяла мои ладони в свои руки и слегка пожалала их. — А за последние несколько дней ты дал мне множество поводов для радости и смеха!

В глазах зацепило. Мы обнялись, и у обоих хлынули слезы.

— Пойдем, — предложила она, когда мы успокоились. — Я провожу тебя домой.

— Нет! — быстро возразил я. — Я имею в виду... Не волнуйтесь, я помню дорогу. Лучше отдохните.

— Как трогательно! Но соблазнительно, — улыбнулась она, потягиваясь и сладко позевывая.

Я уже развернулся к дверям, когда она позвала меня и сказала:

— Раз уж ты сам это предложил... Да, есть кое-что, что ты можешь сделать для меня.

— Все что угодно!

— У меня есть дела, встречи с людьми. Ты мог бы помочь мне, если захочешь, — поносить сумку, что-нибудь кому-нибудь передать. Какие планы на завтра?

— Нужно будет заглянуть в книгу записи гостей и в деловой дневник, — пошутил я. Я был счастлив.

— Отлично! — улыбнулась она. — Увидимся завтра, Дэн. И, пожалуйста, не очень-то беспокойся обо всем этом.

Она помахала мне рукой. Я медленно спустился по ступенькам и направился к своей хижине. Я брел по тропе и думал, смогу ли когда-нибудь стать таким, как она, — помогать людям лишь из любви к служению, без личных соображений. Потом мне в голову пришла мысль: что, если Сократус прислал меня к Маме Чиа не только для того, чтобы она помогла мне, но и в надежде, что я смогу как-то

помочь ей? Следом возникла еще одна мысль: Сократус работал на бензоколонке, на станции техобслуживания, обслуживания, служения.

К тому моменту, когда я вошел в свою хижину, две вещи стали для меня очевидными. Во-первых, Сократус действительно отправил меня сюда, чтобы я научился служению. Во-вторых, у меня есть возможность и необходимость отблагодарить за свое обучение.

Утро было ясным. Я проснулся рано от громкого щебета птицы, раздавшегося прямо у моего уха, и почувствовал легкую тяжесть на своей груди. Я осторожно открыл глаза и увидел апапана Рэдберда, друга Мама Чиа.

— Привет, Рэдберд, — тихо сказал я, стараясь не спугнуть его. Птичка склонила голову, рассматривая меня одним глазом, снова защебетала и вылетела в окно.

— Похоже, ранняя пташка добралась сюда быстрее меня, — произнесла Мама Чиа, стоящая в дверях и указывающая на дерево прямо за окном, на котором расположился и распевал Рэдберд.

— Я готов, — сказал я через минуту, сунув ноги в сандалии и напомнив себе, что не стоит становиться мрачным и плаксивым в ее присутствии. — С чего начнем?

— С завтрака. — Она протянула мне ломоть свежего, еще теплого хлеба.

— Вкусно! — воскликнул я, уселся на кровать и принялся за еду. — Кстати, давно хочу спросить — это ваша хижина?

— Это подарок. Отец Сачи построил ее для меня несколько лет назад.

— Неплохой подарок, — промычал я с набитым ртом.

— Он очень славный человек.

— Когда можно будет с ним познакомиться? Мама Чиа пожала плечами:

— Он все еще занят на строительстве на Оаху. На Молокаи сейчас строят мало, так что он использует возможность заработать.

— А как поживает Сачи?

— Должна появиться с минуты на минуту. Я сказала, что она может погулять с нами.

— Здорово! Она мне очень нравится. Сачи вошла именно в этот момент и вспыхнула, услышав мои слова.

Мама Чиа взяла одну сумку и вручила мне другую.

— Ого! — удивился я. — Довольно тяжелая. Там что, камни?

— Угадал, — рассмеялась Мама Чиа. — Я хочу отнести Сею и Мицу несколько забавных камней для их японского садика. К тому же физические упражнения пойдут тебе на пользу.

— Если вам тяжело, я могу понести! — заявила Сачи, лукаво улыбаясь. На ее щеках появились прелестные ямочки.

— Может, и меня понесешь? — усмехнулся я в ответ и обратился к Маме Чиа: — Сей — это фотограф, о котором вы рассказывали? Насколько я помню, его жена недавно родила?

— Да. Он сейчас работает садовником на ферме «Моло-кай». Отлично в этом разбирается.

Сей и Мицу Фуджи встретили нас очень тепло и приветливо, немедленно показав своего новорожденного сына, Тоби. Его же встреча с нами ничуть не заинтересовала, и он тут же уснул, громко посапывая.

— Ему всего несколько недель от роду. И все — благодаря Маме Чиа! — провозгласил Сей.

— Я тоже всем ей обязан. Надеюсь, его путешествие сюда было легче, чем мое, — улыбнулся я, подмигивая Маме Чиа и опуская тяжелую сумку, которая с глухим стуком ударилась о крыльцо.

— Камни для вашего сада, — пояснила Мама Чиа Сею, пока я с облегчением расправлял руки и плечи. Потом она быстро добавила, явно посмеиваясь надо мной: — Если они вам не нужны, мы отнесем назад.

Выражение моего лица заставило всех расхохотаться.

Дом Фуджи был заполнен старинными вещами и безделушками, аккуратно расставленными по полкам. Я обратил внимание на превосходные фотографии прибоа, деревьев и неба, вероятно, сделанные Фуджи. Окруженный со всех сторон деревьями, со стенами, украшенными цветами, рисунками и фотографиями, этот дом выглядел прекрасным чудом. Это был дом счастья.

Раздался крик проснувшегося и проголодавшегося младенца. Мама Чиа и Мицу отправились к нему, а Сей повел нас с Сачи на экскурсию по своему огороду.

— У Фуджи просто волшебный огород! — с энтузиазмом заверила меня Сачи.

И это оказалось правдой. Капуста, кукуруза, ростки бобов, тыквы, молодые побеги таро. С одной стороны огород ограждали деревья авокадо, а прямо в центре одиноко возвышалось фиговое дерево.

— А какая у нас картошка! — гордо заявил Сей.

В этом месте я ощущал присутствие духов природы, отметив, что в последнее время сообщения Базового Я стали для меня намного более ясными и понятными. Впрочем, может быть, я просто начал внимательнее прислушиваться к нему.

После прогулки мы уселись на крыльце и говорили о садоводстве, фотографии и о многом другом, пока к нам не вышла Мама Чиа. Мы попрощались, и Сей долго и крепко тряс мою руку:

— Если я смогу что-то для тебя сделать, Дэн, не стесняйся обращаться.

— Спасибо, — с искренней благодарностью сказал я. Он мне очень понравился, но я не знал, доведется ли еще раз встретиться с ним. — Желаю тебе и всей семье всего самого наилучшего.

Мицу махала нам рукой из окна, прижимал к груди ребенка, и мы начали спускаться к дороге.

— Теперь поедем в город, — сообщила Мама Чиа. — Я одалживаю у Фуджи грузовик, когда он ему не нужен.

Она втиснулась за руль крошечного грузовичка и с облегчением опустила сиденье, что позволило ей свободно дышать. Я сел рядом, а Сачи запрыгнула на заднее сиденье.

— Ну, держись! — крикнула Мама Чиа Сачи, которая повизгивала от удовольствия, и нас затрясло на каменистой дороге, пока мы не выехали на двухполосную асфальтированную дорогу.

«Город, — думал я. — Я уже немного соскучился по цивилизации!» С тех пор как я отправился к мысу Макапуу, цивилизация превратилась для меня в воспоминания. Я чувствовал себя несколько глупо, но с нетерпением стремился к ней.

Город Каунакакаи, расположенный в южной части острова, напомнил мне декорации Голливуда — три больших квартала торгового центра, дома выстроены из дерева и кирпичей, покрытых облезлой краской. Знак при въезде в город сообщал: «2200 жителей». Город был портовым, и набережная тянулась на целый километр, упираясь в пристань.

Мама Чиа отправилась в магазин за покупками. Мы с Сачи дожидались ее снаружи, рассматривая игрушки в витрине соседней лавки. Я заметил четырех местных ребят, которые подошли к витрине и остановились рядом с нами. Я не обратил внимания на свое Базовое Я, твердившее, что «что-то не так», пока один из подростков не повернулся и не вырвал цветок из волос Сачи.

— Отдай! — с негодованием крикнула она. Мальчишка начал издевательски обрывать лепестки:

— Любит, не любит, любит, не любит...

— Брось ты, — сказал другой, — она еще слишком маленькая, ни на что не годится, разве что...

— А ну-ка, отдай мне цветочек, — сказал я. Мне надоела эта бравада и глупость. Все четверо повернулись ко мне — этого они и ждали.

— Любишь цветочки? — гнусаво спросил самый старший, который был сантиметров на пятнадцать выше и килограмм на тридцать тяжелее меня. Его живот был раздут от пива, но я подозревал, что за этой вялой массой еще остались внушительные мышцы. — Так забери! — вызывающе сказал он, криво усмехнувшись.

Остальные подростки окружили меня, и Пивное Брюхо поинтересовался:

— Может, ты тоже хочешь его поносить?

— Нет, — сказал другой мерзавец, — вряд ли он «голубой». Думаю, она его подружка. — Он махнул в сторону Сачи, которая явно смутилась, но теперь была испугана.

— Давай сюда цветок! — приказал я. Это было ошибкой. Пивное Брюхо двинулся вперед и пихнул меня в грудь:

— Так ты попробуй, отбери, хаоле, — процедил он, сощутив глаза.

Я схватил его за запястье и попытался вырвать цветок. Он отбросил его в сторону и размахнулся.

Я отпрянул, и его кулак скользнул по моему виску. Мне не хотелось драться с этим парнем. Больше "всего меня волновала Сачи. Я изо всех сил толкнул его, он попятился назад, споткнулся о пустую банку из-под пива и неуклюже упал на спину. Один из его приятелей засмеялся, и это заставило Пивное Брюхо рассвирепеть. Теперь он достаточно обезумел и был готов убить меня. В этот момент на улицу выбежал хозяин магазина, и это спасло мою кожу.

— Эй! Вы что? — закричал он на подростков. Судя по всему, они были знакомы. — Никаких драк, ясно вам?

Пивное Брюхо остановился, глянул на хозяина магазина, потом перевел злобный взгляд на меня. Его палец пронзил воздух, как лезвие ножа, и уткнулся мне в грудь:

— Еще встретимся, братишка. Считай, что ты труп! Подростки неторопливо отправились вверх по улице.

— Ты нажил себе скверного врага, — посочувствовал хозяин лавки. — Из-за чего сцепились?

— Из-за этого, — сказал я, поднимая с тротуара цветок и сдувая с него пыль. — Спасибо, что разогнали их.

Он ничего не ответил и вернулся в магазин, покачивая головой и бормоча:

— Глупые туристы...

Сачи робко коснулась моей руки, и я понял, что все еще дрожу.

— Все в порядке? — участливо спросила она.

— Да, конечно, — ответил я, прекрасно понимая, что это не так. Мое Сознательное Я оставалось спокойным, но Базовое содрогалось от страха. С самого раннего детства моя мама, воспитанная на высоких идеалах, твердила мне: «Никаких драк! Никаких драк!», но мир оказался не таким уж идеальным. У меня не было братьев, и я просто не знал, что делать при угрозе

физических столкновений. Я жалел, что Сократус не научил меня приемам рукопашного боя.

— Все в порядке, — повторил я. — Как ты?

— Вроде, нормально, — сказала Сачи. Я протянул ей цветок:

— Держи. Почти как новенький.

— Спасибо, — улыбнулась она, но ее улыбка растаяла, когда она вновь посмотрела на удаляющуюся банду подростков. — Я их и раньше встречала. Просто хулиганы. Пойдем внутрь, посмотрим, что там делает Мама Чиа.

Я отнес покупки в грузовик, осмотрелся вокруг, опасаясь, что хулиганы где-то рядом, и решил обязательно научиться защищать себя и других. Подобные случаи могли повториться. Иногда мир становится довольно опасным местом, не все люди добры — и не только уличные хулиганы. Я не мог оставить без внимания эту часть своей жизни. Что

было бы, если бы хозяин лавки не помог нам?.. Я поклялся, что никогда больше не позволю застать себя врасплох.

— Как провели время? — поинтересовалась Мама Чиа, когда мы разместились в грузовике.

— Отлично, — сказал я, переглядываясь с Сачи. — Успели даже завести новых друзей.

— Хорошо, — улыбнулась Мама Чиа. — Отвезем домой пакеты, а потом я кое с кем тебя познакомлю. Очень необычные люди.

— Здорово, — ответил я, гадая, кто бы это мог быть.

После обеда мы покончили со всеми делами и вернули грузовик Фуджи. Сачи выскочила из машины, крикнула нам: «Пока!» и побежала вверх по раскисшей от дождя дороге.

— Ключи в машине! — крикнула Мама Чиа Сею, стоящему на крыльце, помахала ему рукой, и мы направились по тропе к ее хижине. Я настоял на том, что буду нести большую часть покупок — три огромных пакета, — и оставил Маме Чиа лишь одну небольшую сумку.

— А почему это я должна нести эту сумку? — шутливо заворчала она. — В конце концов, я — важная персона, дипломированный шаман-кахуна, к тому же я старше тебя. Неужели не можешь понести эту сумку в зубах или под мышкой?

— Нет уж, я слишком ленив, — признался я, — но я уверен, вы это быстро исправите.

— Ленивый Воин, — провозгласила Мама Чиа. — Неплохо звучит!

Я помог ей распаковать покупки и направился к двери. Мама Чиа крикнула мне вслед:

— Встретимся у твоей хижины через час.

Глава 17

Отвага отверженных

Если я сам не сделаю себя, то кто сделает меня?

И если я буду делать себя, то кто я?

И если не сейчас, то когда?

Гиллель, «Речь отца»

Эта прогулка оказалась почти такой же долгой, как и предыдущая, но отправились мы в противоположном направлении. Часть пути мы прошли по длинной грязной дороге, проложенной фермерами Молокаи, поднялись почти на самый гребень горы, некоторое время спускались по крутой тропе, а потом опять начали взбираться вверх.

Каждый раз, когда Мама Чиа начинала тяжело дышать, я спрашивал, как она себя чувствует. После четвертого или пятого такого вопроса она обернулась. Я никогда еще не видел ее раздраженной до такой степени:

— Если ты еще раз спросишь, как я себя чувствую, я дам тебе пинка и отправлю домой. Понятно?

Когда мы начали последний подъем, уже смеркалось. Мама Чиа резко остановилась и придержала меня за плечо. Если бы не ее рука, я наверняка совершил бы продолжительный и последний в моей жизни полет — прямо у наших ног открывалось ущелье не меньше трехсот метров в глубину. Картина была фантастической и головокружительной: над сине-зеленым океаном ползли облака, а далеко под нами, над пенистым прибоем скользил альбатрос. Я следил за его полетом, пока не заметил что-то вроде деревушки, окруженной высокими пальмами.

— Калаупапа, — сказала Мама Чиа.

— Как же мы спустимся?

— Здесь есть лифт.

Мама Чиа взяла меня за руку, повернулась вправо и ступила вперед, в какую-то яму. Она потянула меня за собой, и мы оказались в чем-то вроде потайного, лестничного колодца, опускающегося вдоль стены пропасти. Лестница была очень крутой и темной. Мы молчали, и все наше внимание сосредоточилось на том, чтобы удержаться на узких ступенях.

Мы спускались вниз, и меня ослепила игра танцующих лучиков солнца, пробивающихся сквозь многочисленные дыры в стене пропасти. Наконец мы вышли на свет и спустились еще немного. Здесь, снаружи, в стене были сделаны специальные поручни, позволяющие избежать гибельной ошибки и падения на острые скалы внизу.

— Этой лестницей пользуются совсем немногие, — сказала Мама Чиа.

— Вполне понятно почему. Как вы себя... Она метнула в меня свирепый взгляд и оборвала мой вопрос:

— Здесь есть тропа, по которой можно спуститься даже на мулах, но на ней двадцать шесть поворотов. Спускаться по этой лестнице намного быстрее.

Она не произнесла больше ни слова. Спуск прекратился, тропа выровнялась, и, повернув за скалу, мы вышли в широкую долину, зажатую между высокими вершинами, ущельями и океаном. Селение впереди было с одной стороны ограждено буйной растительностью и рядами высоких деревьев, а с другой — песком и водой. Деревня представляла собой ровные ряды домиков, просторно рассыпанных по долине, простых, как бараки, а также несколько небольших коттеджей, выстроенных неподалеку от берега в тени пальм. Несмотря на укромное расположение и прекрасную природу вокруг, деревня была скорее спартанской, чем роскошной и больше напоминала военный лагерь, чем место отдыха в отпускной сезон.

Когда мы подошли ближе, я увидел рядом с домами людей. Несколько пожилых женщин работали на огородах. Мужчина, тоже пожилой, сидел на крыльце с каким-то устройством, похожим на ручную мельницу, — издали его трудно было рассмотреть.

Мы вошли в деревню, и люди улыбались, заметив нас. Их лица выглядели очень дружелюбными, но почти у всех были обезображены шрамами. Большинство людей приветливо кивало Маме Чиа — по-

видимому, здесь ее хорошо знали. Некоторые не отвлекались от своих занятий.

— Это поселок прокаженных острова Молокаи, — тихо прошептала Мама Чиа, и меня передернуло то ли от этих слов, то ли от капель заморосившего теплого дождя. — Испуганные и невежественные люди начали ссылать их сюда еще в 1866 году, оставляя здесь на произвол судьбы. В 1873 году на остров приехал Отец Дэмьен, основал эту колонию и помогал прокаженным, пока не умер шестьдесят лет спустя от этой же болезни.

— От проказы? Так она заразна?

— Да, но заразиться ею не так уж просто, так что можешь об этом не беспокоиться.

Несмотря на это утешение, я все-таки очень забеспокоился. Прокаженные! До сих пор я видел их только в фильмах на библейские сюжеты, в которых Христос являл на примере этой болезни чудесные исцеления. Вот Он мог позволить себе не беспокоиться о ее заразности, но Он был Сыном Божьим, а я — обыкновенный человек.

— Этим людям помогают обычные врачи, — продолжала рассказывать Мама Чиа, пока мы продолжали свой путь по деревне. — Хотя большинство обитателей деревни чистокровные гавайцы, но многие из них христиане и не доверяют медицине хуна. И все-таки есть несколько человек, с которыми я работаю. У каждого из них были необычные сновидения или странные события в жизни, а врачи традиционной школы не разбираются в подобных вещах.

Безобразия многих жителей колонии надолго приковывало мое внимание, и я постоянно спохватывался и напоминал себе о том, что смотреть на уродство так пристально слишком неприлично. Вот на крыльце сидит с книгой женщина, а вместо ноги у нее лишь небольшой обрубок. А вот мужчина, у которого нет обеих рук, но это не мешает ему достаточно ловко управляться с электрической мельницей.

— Он ювелир, — говорит Мама Чиа, — и делает прекрасных серебряных дельфинов.

Видимо, слух о нашем появлении распространялся достаточно быстро, потому что из бунгало выходило все больше и больше людей. Самому младшему из тех, кого я увидел, было около сорока — его голова была перевязана бинтами. К нам подошла женщина с очень

редкими волосами и шрамами на лице. Ее улыбка демонстрировала отсутствие нескольких зубов.

— Алоха! — радостно поприветствовала она Маму Чиа, а потом меня. Несмотря на физические недостатки, она улыбалась очень заразительно, лукаво и с любопытством. Она показала на меня и спросила, перемежая английский гавайским, обращаясь к Маме Чиа: — Кто этот кане (мужчина)?

— Он пришел, чтобы дать вам кокуа (помощь), — ответила Мама Чиа на старательном ломаном английском. — Он моя рабочая лошадка, — гордо добавила она, бесцеремонно ткнула в меня пальцем и скорчив отвратительную старушечью ухмылку. — Может быть, я оставлю его у вас на пару дней, пусть поработает. Мне уже надоели все эти парни-очаровашки, — жеманно заявила она в довершение комедии. Женщина засмеялась и сказала что-то на гавайском. Мама Чиа вскинула брови и расхохоталась.

Происходящее все больше озадачивало меня, и я спросил у Мамы Чиа:

— Вы сказали, что мы останемся здесь на несколько дней? Я слышу об этом впервые.

— Немы, а ты!

— Вы хотите оставить меня здесь одного? Это что, необходимо?

Мама Чиа погрузилась и посмотрела на меня, но ничего не сказала. Мне стало стыдно, и все-таки у меня не было никакого желания оставаться здесь надолго.

— Я понимаю, что это пойдет мне на пользу и все такое, но есть люди, которые любят и умеют делать подобные вещи — например, Отец Дэмьен, — а я, по правде говоря, не имею никакого опыта в уходе за больными или в возне на кухне. Я очень уважаю тех, кто способен на это, но... это не мое призвание, понимаете?

Мама Чиа вновь наградила меня пристальным взглядом и молчаливым укором.

— Мама Чиа! — взмолился я. — Да я в ужасе убегаю прочь, если только кто-то из них кашляет в мою сторону. Мне не очень-то нравится риск подхватить эту заразу. Или вы хотите, чтобы я остался здесь навсегда, уже как член колонии прокаженных?

— Сейчас мне кажется, что это было бы неплохо, — заявила она, поджав губы, резко развернулась и направилась к коттеджам на берегу.

Я поспешил за ней, и мы вошли в центральное строение, которое оказалось чем-то вроде общей столовой.

Прежде чем мы вошли, Мама Чиа сделала мне внушение:

— Кроме врачей и священников, здесь почти не бывает посетителей. Для всех этих людей твои глаза сейчас являются зеркалом, и они будут очень внимательны к твоему поведению. Если ты будешь смотреть на них со страхом и отвращением, они начнут относиться к самим себе точно так же. Ты понял, что я имею в виду?

Не успел я ответить, как нас окружила целая толпа радостных мужчин и женщин, вскочивших из-за своих столов, чтобы встретить Маму Чиа, которая взяла у меня из рук сумку и вынула из нее пакет с орехами и фруктовый пирог, испеченный, наверное, специально для этого визита.

— Это для Тиа, — объявила она. — Где Тиа? Люди подходили и ко мне:

— Алоха! — воскликнула какая-то женщина, похлопывая меня по плечу. Я едва удержался от того, чтобы не отпрянуть, и с облегчением заметил, что на ее руках нет язв.

— Алоха! — ответил я, напряженно улыбаясь в ответ.

Люди начали расступаться, пропуская вперед женщину. По сравнению со всеми остальными, она была очень молода — не старше тридцати пяти. Судя по внешнему виду, она была примерно на шестом месяце беременности. Зрелище будущей матери в этом месте и того, как сердечно развела руки Мама Чиа, увидев ее, было очень трогательным. Они обе улыбались и несколько раз осторожно обнялись.

Тиа была очень красивой, несмотря на искаленную кисть руки и перевязанное плечо. Мама Чиа вручила ей пирог:

— Это тебе и малышу, — сказала она.

— Махало! — смеясь, воскликнула Тиа, а потом обратила внимание на меня. — Ваш новый парень? — подмигнув, спросила она у Мамы Чиа.

— Что ты! — рассмеялась Мама Чиа. — Ты же знаешь, что все мои парни симпатичные — да и помоложе. — Все присутствующие зашлись в хохоте.

— Он заставил меня привести его сюда. Хочет хоть несколько дней помочь вам с огородами. Он достаточно крепкий, не стесняйтесь

нагружать его работой. Он был просто счастлив, когда узнал о здешнем правиле для добровольных помощников: работа до темноты. — Мама Чиа наградила меня очаровательной улыбкой и объявила: — Этого паренька зовут Дэн.

Тиа тепло пожала мне руку и снова обратилась к Маме Чиа:

— Я так рада снова вас видеть!

Они опять обнялись, и Тиа стала показывать пирог Мамы Чиа всем остальным.

Нас пригласили поужинать. Женщина, которая принесла нам поднос со свежими фруктами, двигалась удивительно грациозно, но, к моему огорчению, на месте одного глаза на ее лице была огромная впадина. Я был не очень голоден и собирался сказать ей об этом, поднял голову, посмотрел в ее единственный глаз и не мог отвести взгляда в течение нескольких

мгновений. Ее глаз был поразительно чистым и светлым, и мне показалось, что сейчас я смотрю прямо в ее душу — и эта душа очень похожа на мою. И я поблагодарил ее за еду, которую она мне предложила. «Махало!» — радостно сказал я.

На следующее утро, когда мы с Мамой Чиа остались одни и расположились на двух старых деревянных стульях, я спросил:

— Почему эта женщина, Тиа, была так благодарна вам за пирог?

— При чем же тут пирог? — засмеялась Мама Чиа. — Хотя пироги у меня прекрасные, не сомневайся! Она благодарна мне за то, что я нашла дом для ее ребенка.

— Что вы нашли?

Она посмотрела на меня, как на умственно отсталого, и объяснила, нарочито медленно и отчетливо выговаривая слова:

— Ты обратил внимание, что здесь совсем нет детей? Из-за болезни их запрещено рожать. На самом деле, дети прокаженных нечасто болеют этой болезнью от рождения, но для них опасность заразиться гораздо выше, поэтому им просто нельзя жить здесь. Наверное, это самая грустная тема в колонии, потому что эти люди испытывают особую привязанность к детям. За два месяца до рождения ребенка женщина должна покинуть колонию, родить где-нибудь вне ее, а потом вернуться.

— Вы имеете в виду, что Тиа никогда не увидит своего ребенка, что ей придется проститься с ним после родов?

— Да, но я смогла найти одну семью, которая живет неподалеку, и Тиа сможет навещать свое дитя — вот почему она так счастлива. — Мама Чиа резко поднялась со стула. — Мне нужно вернуться к своим пациентам и делам, а ты займись чем-нибудь. Увидимся.

— Подождите! Я ведь еще не ответил, останусь ли тут. Я пошел за ней.

— Хорошо. Так ты останешься?

Я заколебался. Мы молча прошли мимо бунгало и вышли на пляж. Я спросил:

— Вы приходите сюда, чтобы учить их?

— Чтобы учиться у них. — Она замолчала, словно подбирая слова. — Они нормальные люди, Дэн. Если бы не их болезнь, они бы работали на кукурузных полях, страховыми агентами, врачами, банковскими служащими — занимались бы обычными делами. Я не собираюсь идеализировать их — у них такие же проблемы и страхи, как и у всех остальных людей.

Но мужество подобно мускулам — оно развивается с упражнениями. Люди не подвергают испытаниям свой дух, пока не столкнутся с реальным противником. А эти люди столкнулись с одним из самых тяжелых эмоциональных и физических испытаний: отвергнутые перепуганным человечеством, они живут в изолированной колонии, не слыша смеха детей. Слово «прокаженный» стало синонимом слов «отверженный», «пария», «изгой». Они покинуты миром. Немногие могут перенести такое, и мало кто проявляет при этом подобную силу духа.

Меня привлекают все, кто обладает сильным духом. Вот почему эти люди мне особенно интересны — не как пациенты, а как друзья.

— И отвечают вам полной взаимностью.

— Да, — улыбнулась она. — Надеюсь, что так.

— Что ж, я тоже хотел бы иметь таких друзей. Я останусь, но только на несколько дней.

— Если ты проведешь их, стиснув зубы и с нетерпением ожидая, пока этот срок истечет, то лишь напрасно потратишь время. За эту неделю ты должен постараться раскрыть свое сердце так широко, как только сможешь.

— Неделя? Ведь вы говорили про пару дней!

— Алоха, — сказала она, сунула мне в руки флакон солнцезащитного лосьона и направилась в деревню. Покачивая головой, я повернул в противоположную сторону и вернулся к ряду коттеджей, размышляя об испытании и о силе духа.

Я вошел в большой зал главного здания. Оно оказалось госпиталем и было наполнено странными запахами. На койках, прикрытых ширмами, лежали люди. Ко мне подошел очень худой, изможденный мужчина, схватил меня за руку и сказал:

— Пошли!

Когда мы вышли из госпиталя, он выпустил мою руку и жестом предложил мне следовать за ним. Потом он указал пальцем на другое большое здание.

— Там едят. Потом, — сказал он и ткнул ладонью себе в грудь. — Зовут — Маноа.

— Алоха, — сказал я. — Очень рад познакомиться, Маноа. — Я не был уверен в том, что он понял меня, поэтому приложил руку к груди и сказал: — Дэн.

Он протянул мне ладонь, на которой было только три пальца, и мы пожали друг другу руки. Я заколебался лишь на мгновение. Он тепло улыбнулся мне, покивал головой, словно прочитав мои мысли, а потом вновь пригласил меня за собой.

Мы подошли к большому полю, на котором работали несколько человек. Некоторые из них поздоровались со мной, кто-то вручил мне мотыгу и показал на мой участок. И я начал разрыхлять землю.

Остаток дня, до самых сумерек, я работал на огороде. Я чувствовал себя не совсем уверенно, поэтому был очень рад тому, что передо мной стояла ясная задача и при этом я действительно помогаю этим людям.

Маноа показал мне, где я буду спать. К счастью, мне выделили отдельную комнату. Я спал очень крепко и проснулся совершенно изголодавшимся.

В столовой я подсел за общий стол. Все приветливо улыбнулись мне, но говорили они, в основном, друг с другом, к тому же на гавайском с незначительными вкраплениями искаженных английских слов. И все-таки ко мне относились очень дружелюбно и так настойчиво предлагали разные блюда, что я испугался, что наемся до такой степени, что не смогу встать из-за стола.

В этот день мы — я и другие люди, работающие на поле, — здорово потрудились, разрыхлив огромный кусок огорода с помощью короткого ливня, который хорошо увлажнил почву. Я провел весь день под палящим солнцем и был очень рад тому, что предусмотрительно смазал кожу защитным лосьоном. Большую широкополую шляпу мне вручили еще с утра.

Первые дни были самыми трудными — я чувствовал себя посторонним и одиноким в этом странном мире. Его обитатели, казалось, понимали это, но не предпринимали особых шагов, чтобы облегчить мое напряжение. После третьего дня, проведенного на огороде, работа стала для меня привычной и давалась легко.

Хотя внешне ничего не менялось, что-то внутри меня сдвинулось. Как жители этой колонии смирились со своей судьбой, так и я принял их существование и начал относиться к ним не как к «прокаженным», а как к обычным людям. И тогда я перешел от позиции постороннего наблюдателя к ощущению своей принадлежности обществу. Мне удалось настроиться на его внутреннюю гармонию, возникшую в изоляции этой коммуны. И я понял, что их собственные страдания привели к тому, что у этих людей появилось глубочайшее сопереживание страданиям мира.

Пришло еще одно утро, и, возвращаясь из деревянного туалета, я увидел старика с искривленной ногой, который брел по поселку, опираясь на костыли. В этот момент один из деревянных костылей сломался, и старик упал на землю. Я подбежал и попытался помочь ему подняться, но он отмахнулся, что-то пробормотал, улыбнулся мне беззубым ртом и встал на ноги самостоятельно. Держа сломанный костыль в одной руке, он, прихрамывая и опираясь на второй, направился к госпиталю.

Работы в поле закончились до той поры, пока не прорастут семена, но я нашел себе новые занятия в больнице — и их было достаточно, чтобы заполнить весь мой день, с утра до вечера. Я носил воду и помогал врачам менять повязки. Один из больных попросил меня постричь ему волосы. Мне никогда не приходилось этого делать, поэтому стрижка вышла ужасной, но пациенту, казалось, было совершенно все равно, как он выглядит.

Все заботы оказались не такими уж трудными. Все вокруг меня шутили и смеялись, и мне было весело, несмотря на то, что я едва

понимал половину того, что говорят жители колонии. Сейчас, когда я пишу эти строки, слезы наворачиваются мне на глаза — как ни странно, но дни, проведенные среди этих людей, оказались одними из самых счастливых в моей жизни. Эти дни были очень добрыми и человечными — простая помощь тем, кто в ней нуждался. И в те дни я был обычным человеком, одним из многих.

Чувство сострадания, подобного которому я никогда раньше не испытывал, возникло у меня на пятый день. В тот день я понял предназначение Мамы Чиа. Я перестал беспокоиться о том, что могу «подхватить» эту болезнь. И мне начало нравиться, я стал по-настоящему хотеть помогать другим, независимо от того, что именно нужно было для этого делать.

Мое сердце открывалось. Я уже искал любой возможности помочь кому-нибудь. Но я не мог обучать их гимнастике — жители поселка были слишком старыми для этого, — а других знаний или особых умений у меня просто не было.

Я гулял по пляжу, позади баков с пресной водой, и меня вдруг осенило: я сделаю им пруд! Я смогу оставить после себя долговечную красоту и пользу.

Одно лето я подрабатывал садовником, и за это время изучил основы изменения ландшафтов. Под большим тентом, игравшим в коммуне роль склада, нашлось несколько мешков с цементом и все необходимые инструменты. Образ бассейна уже сформировался у меня в голове: прекрасный, спокойный пруд, окруженный деревьями и скамейками, возле которого можно будет читать, медитировать или просто отдохнуть. Конечно, океан был всего лишь в нескольких десятках метров, но пруд — это нечто иное.

Я показал эскиз Маноа, а он — остальным. Все признали, что это хорошая идея, несколько мужчин вызвались мне помочь, и мы принялись копать.

На следующий день, когда мы уже закончили котлован и начали готовить раствор, за моей спиной неожиданно раздался знакомый голос:

— Да, Дэн, вижу, что неделя пролетела для тебя быстро. Надеюсь, ты здесь не шалил?

— Неужели прошла неделя? — спросил я.

— Да, и она тебе удалась, а теперь пора идти, — улыбнулась Мама Чиа.

— Ну уж, удалась... — смутился я.. — Но пока я не могу уходить — видите ли, мы тут решили кое-что сделать. Вы не могли бы вернуться за мной через несколько дней?

— Не знаю, — задумчиво сказала она, покачивая головой. — У нас еще много дел. Твое обучение...

— Я понимаю, но мне действительно хочется закончить этот проект.

Мама Чиа вздохнула и пожала плечами:

— У нас не останется времени на изучение специальных методов, которые позволят тебе связаться с...

— Всего пару дней!

— Это твой выбор, — сказала она, развернулась и направилась к бунгалу. Я успел увидеть выражение ее лица — на нем отражалось явное удовлетворение. Я на минуту задумался, а потом взялся за очередной мешок цемента.

Мама Чиа вернулась как раз тогда, когда мы заканчивали отделять стены бассейна. Когда они были готовы, я понял, что пора уходить. Мужчины, с которыми я работал, окружили меня и радостно жали мне руку и похлопывали по плечу. Мы сделали этот пруд все вместе, объединенные общей целью, и это так сплотило и сдружило нас. Все мы испытывали ощущение, которое возникает у мужчин уже тысячи лет, — удовлетворение от хорошей работы.

Я знал, что буду очень скучать по этим людям. К этим отверженным я ощущал гораздо более сильную привязанность, чем к своим коллегам в Огайо, — возможно, потому, что сам всегда чувствовал себя изгоем. Это ощущение усиливалось к тому же нашим общим свершением, открытостью, прямоотой и честностью жителей колонии. Им нечего было скрывать, они не пытались что-то из себя изображать и вести себя неискренне. Здесь никто не носил масок, и это позволило мне с облегчением сбросить свою маску, навязанную «цивилизованным» обществом.

Я сказал Маме Чиа, что готов отправляться. К нам подбежала Тиа и обняла нас обоих. Я нежно обнял ее в ответ, почувствовав ее отвагу и глубокую печаль — вскоре ей предстоит расстаться со своим ребенком.

Мы с Мамой Чиа неторопливо шли к берегу океана, и во мне возникли новые чувства — ко мне вернулись благодарность, печаль и любовь по отношению к Маме Чиа, которые я на десять дней отставил на задний план. Я остановился, положил руку ей на плечо и заглянул в ее ласковые глаза.

— Вы были так добры ко мне, — сказал я. — Мне очень хочется что-нибудь сделать для вас, как-нибудь помочь... — Я сделал медленный глубокий вдох, чтобы успокоить свою грусть. — Мама Чиа, вы удивительно добрый человек — таких просто не бывает! Мне кажется, что я недостойн всего этого — вашего времени, энергии, новой жизни, которую вы мне подарили. Как мне отблагодарить вас? Смогу ли я когда-нибудь это сделать?

В ответ Мама Чиа привлекла меня к себе и крепко обняла. Я подумал, что с Сократусом такое проявление чувств было бы просто невозможным, и разрыдался.

Отступив на шаг, она пристально смотрела на меня; ее лицо светилось от счастья:

— Я люблю то, что я делаю. Когда-нибудь ты поймешь, что я имею в виду. И я делаю это не для тебя, и даже не для Сократуса, поэтому благодарности не нужны. Они просто неуместны. Я делаю то, что делаю, во имя большей цели, высшей миссии. Помогая тебе, я помогу многим другим, когда ты тоже начнешь это делать. Пойдем, — она мягко пожала мою руку, — пойдем погуляем по берегу.

Я оглянулся на поселок, который продолжал жить своей обычной жизнью, и ощутил прилив сил, особый дух «алоха», заключенный в каждом колонисте. Сейчас я смотрел на них иными глазами, совсем не так, как в тот день, когда впервые появился здесь. Любые воспоминания со временем бледнеют, но это осталось во мне на всю жизнь. И мне кажется, что с каждым днем оно, напротив, становится все ярче, живее и намного значительнее, чем любое просветление или мистическое видение.

Глава 18

Откровения полночи

*В нас таится зерно Бога.
Как яблоня рождает яблоню,
как орехи растут на ореховых кустах,
так Бог вкладывает семена свои в Бога,
Мейстер Эккхарт*

Мы брели по пустынной полосе чистого белого песка и почти не разговаривали, слушая музыку прибоя, нарушаемую пронзительными криками альбатроса, охраняющего побережье. Глаза Мамы Чиа были обращены к горизонту. Она наблюдала за длинными тенями, отбрасываемыми заходящим солнцем, и мне казалось, что она, как кошка, видит нечто, недоступное взору обычного человека. Я рассматривал водоросли, выброшенные ночным штормом и необычно высоким приливом далеко на песок, а потом пошел по самому краю воды и подобрал несколько раковин. Сачи ими вряд ли удастся удивить, но вот Холли они наверняка понравятся. Передо мной в который раз предстало ее нежное личико, и я вновь ощутил щемящую тоску. Я вспомнил и о Линде и спросил себя, сможем ли мы снова быть вместе, или все-таки разные пути жизни предназначены нам судьбой.

Я оглянулся и увидел, что тени уже коснулись неровной цепочки следов, оставленных мной и Мамой Чиа на мокром песке. Я вернулся к поискам сокровищ моря, а Мама Чиа продолжала вглядываться вдаль.

В одном месте мы уперлись в выдающуюся в море скалу, и нам пришлось разуться и обойти ее вброд, по колено в воде. Когда мы обогнули ее, я услышал глубокий вздох Мамы Чиа и подумал, что она собирается что-то сказать, но, подняв глаза, понял, что это было реакцией на одно из самых печальных и странных зрелищ, которые мне когда-либо доводилось видеть, — с этой стороны скалы песок пляжа был покрыт ковром из миллионов морских звезд, выброшенных на берег недавней бурей. Прекрасные розовые, оранжевые и

коричневые пятиконечные звезды лежали на раскаленном песке, высыхая и умирая.

Я остановился, пораженный этим зрелищем океанского кладбища. Я много слышал о китах и дельфинах, которых выбрасывает на берег, но никогда своими глазами не видел ничего подобного. Теперь, когда меня окружали тысячи умирающих живых существ, я окаменел и чувствовал себя совершенно беспомощным.

Но Мама Чиа не потеряла присутствия духа. Без колебаний, она, прихрамывая, подошла к ближайшей морской звезде, подняла ее, подошла к кромке воды и опустила ее в родную стихию. Вернувшись назад, она подобрала следующую звезду и вернула ее океану.

Ошеломленный количеством нуждающихся в помощи животных, я сказал:

— Мама Чиа, их здесь тысячи! Вы не сможете помочь им всем!

Она опустила в воду очередную морскую звезду и подняла голову:

— По крайней мере, я могу помочь этой, — ответила она.

Она была права. Я подбежал к ней, взял по морской звезде в каждую руку и отнес их в море. Мы продолжали спасать животных до темноты и теперь двигались чуть ли не на ощупь — пляж освещался только бледным сиянием полумесяца и светом звезд. Многие морские звезды уже умерли, но мы все равно возвращали их в живительную воду, надеясь на лучшее.

Мама Чиа неутомимо наклонялась, снова и снова, и это меня беспокоило, но никакие слова не смогли бы отговорить ее от этого. Она собиралась жить до самой смерти. И пока я здесь, на острове, рядом с ней, я буду делать все, чтобы помочь ей в этом.

Была уже глубокая ночь, когда мы, уставшие до смерти, со счастливыми улыбками осмотрели чистый берег, рухнули на мягкий песок и мгновенно заснули.

Я проснулся внезапно, решив, что уже взошло солнце. Но источником разбудившего меня света был потрескивающий костер, возле которого, спиной ко мне, сидела Мама Чиа.

— Не спится? — спросил я, подходя к костру.

— Уже выспалась, — ответила она, не отводя глаз от костра.

Я встал за ее спиной и помассировал ей плечи и спину.

— Что вы увидели там, в огне? — спросил я, не рассчитывая на ответ.

— Что ты подумаешь, если я скажу тебе, что родилась не на этой планете? — спросила она.

— Что?

— Что ты подумаешь, если я скажу то же самое о Сократусе и о тебе?

Я просто не знал, что ответить, и никак не мог понять, говорит ли она серьезно.

— Вы это увидели в огне? — Я смог придумать только это.

— Садись, — сказала она, — и посмотри сам.

Я сел рядом с ней и уставился на прыгающие языки пламени.

Мама Чиа слегка подвинулась и начала разминать своими сильными пальцами мою спину.

— Ты как-то спрашивал, почему я так ждала тебя. Потому что все мы — одна семья, — сказала она. — Каждый из нас — член единой духовной семьи.

— Что вы имеете в... — Мне не удалось закончить свой вопрос. Мама Чиа резко надавила на нижнюю часть моей шеи.

В моих глазах вспыхнули звезды, а потом в них остался только огонь... Я погружался в него все глубже... глубже...

Я видел начало времени и пространства, когда Дух воплощался в материи: образовывались звезды, планеты, горы, океаны, в которых рождались твари, большие, и малые, плодившиеся и размножавшиеся.

Их было множество — не было лишь человека. Это были доисторические времена, когда мир был исполнен магии и Разум рождал свои первые легенды... Животные развивались, и из простейших форм возникали все более сложные. Но на планете все еще не было человека.

Я видел древнюю Вселенную, в искривленных пространствах которой, в царстве свободы и блаженства, играли и пели души ангелов. Воспоминания об этом, сохраненные в бесконечных хранилищах Духа, стали архетипами места, которые мы зовем Небесами.

Сонмы ангельских душ сошли на землю, увлекаемые любопытством и интересом к ее материальной природе, к формам органической жизни, к движимой ими сексуально-созидательной энергии, к тому, каково это — обладать телом.

Души узрели примитивные формы созданий, скитающихся по земле, — и омрачились. Они входили в тварей земных, смотрели на

мир их глазами, чувствовали его их кожей, познавали царство материи и жизни на земле.

Настал момент, когда они собрались покинуть свои животные оболочки и вернуться к своему Источнику. Но эти души недооценили притягательности материального мира. Они оказались в ловушке и отождествились с сознанием животных. Так на этой планете началось великое приключение.

Тонкие энергии и человекоподобное высшее сознание этих душ, заключенные в телах животных, повлияли на их ДНК и вызвали мгновенный и поразительный скачок эволюции. В моем видении гены, собранные в длинные спирали, меняли свое положение и соединялись в бесконечные цепи.

Следующее поколение животных созданий стало основой греческих мифов — кентавры, русалки, сатиры и нимфы, полуживотные-полулюди, они стали героями легенд, богами, обитателями Олимпа.

Теперь оказавшиеся на земле души забыли, что они рождены от Духа, а не от плоти. Они решили, что их оболочки и есть их сущность. Тогда на землю с миссией спасения спустились свободные души, надеявшиеся вернуть заблудших братьев. Но и они не смогли избежать ловушки.

Летело время, столетия проносились в мгновение ока. Была послана вторая спасательная экспедиция, и на этот раз в нее вошли самые мощные души, но вернуться с земли удалось лишь немногим — стремление к силе и власти стало ловушкой для большинства из них, и они превратились в царей, королей, фараонов и султанов, правителей земли. Одни стали подобными королю Артуру, другие — гунну Аттиле.

Наконец пришла третья — и последняя — группа спасателей, которые были самыми смелыми душами, Мирными Воинами, потому что они уже знали, что не вернутся назад, что им предстоит обитать в смертных оболочках бесконечные зоны времени — страдать, терять любимых, переносить смертельные муки и проходить через страшные испытания, пока все души земли вновь не станут свободными.

Это была добровольная миссия. Ее члены пришли, чтобы напомнить всем остальным, кем все они являются на самом деле. Они приняли обличья плотников, студентов, врачей, художников,

спортсменов, музыкантов и просто бездельников; гениев и безумцев, преступников и святых. Многие из них забыли о своей миссии, но в сердцах и глубокой памяти тех, кому предназначено проснуться, осознать свою природу, служить человечеству и помочь пробудиться другим, все еще тлеет неугасимая искра дерзания.

Эти спасатели не являются «лучшими» душами — единственным их отличием от всех остальных является любовь. Они могут временами забывать о ней, но всегда вспоминают вновь. И сейчас они пробуждаются. Сотни тысяч душ на этой планете открывают глаза и становятся единой духовной семьей.

Я вернулся к обычному сознанию очень резко, несколько секунд смотрел на костер, а потом перевел взгляд на Маму Чиа, сидевшую рядом.

Она по-прежнему смотрела на огонь, но, видимо, знала, что я очнулся, потому что сказала:

— Моя душа — одна из этой последней спасательной группы. Душа Сократуса и твоя душа — тоже, как и сотни тысяч других. Все, кто испытывает стремление служить и помогать людям. Только подумай! Сотни тысяч, и с каждым днем пробуждается все больше, каждую минуту рождается еще одно дитя, которое вскоре познает, кто оно на самом деле и с какой целью пришло в этот мир.

То общее, что нас объединяет, — это преследующее нас всю жизнь ощущение отличности от окружающих, какой-то странности, чувство постороннего человека, чужеземца, оказавшегося в незнакомой стране, невозможность приспособиться ко всеобщим законам. Время от времени мы испытываем смутное стремление «вернуться домой», хотя не знаем, где он, наш истинный дом.

Наше назначение не в том, чтобы «приспособиться», влиться в этот мир, хотя часто мы очень стараемся это сделать. Мы пришли сюда, чтобы учить, направлять, исцелять других и напоминать им об их подлинной сущности собственным примером.

Для большинства человеческих душ Земля стала школой, но наши души не полностью принадлежат Земле. Мы обучались где-то в ином месте, и поэтому существуют вещи, которые мы просто знаем — хотя не знаем, откуда знаем о них. Есть предметы и места, которые мы узнаем, хотя видим впервые. Мы не изучаем, но освежаем свою память, мы вспоминаем, что явились сюда с миссией спасения.

Твои искания, Дэн, были направлены на поиски путей к изменениям. Сначала — на пробуждение, потом — на поиск правильной точки опоры, лучших средств подготовки к определению своего призвания и наиболее естественных и эффективных методов взаимодействия и помощи другим. Это свойственно всем Мирным Воинам, участвующим в нашей миссии. Одни из нас работают парикмахерами, другие учителями, третьи — биржевыми агентами, ветеринарами или консультантами. Одни становятся всемирно известными, другие занимают скромные положения в обществе. Каждый играет свою роль и делает свой вклад в общее дело.

Мама Чиа замолчала, и я попытался осмыслить ее невероятный рассказ, глядя на океан. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем она заговорила снова:

— Так что, Дэн, ты — один из многих близких друг другу душ, каждая из которых носит свою собственную «оболочку» и барахтается в океане кармы. Рядом есть лодка, и она гораздо ближе к тебе, чем ко многим другим. Но для того, чтобы помочь людям оказаться в ней, ты сам должен забраться в нее.

В этом и заключается смысл всей твоей подготовки. Вот почему ты встретил Сократуса, вот почему я работаю с тобой. Это не означает, что ты какой-то особенный или более достойный, чем остальные. Но в тебе есть неудержимая движущая сила, заставляющая тебя делиться собой с другими. — Она сделала паузу. — Когда-нибудь ты начнешь писать книги, обучать других и искать других членов своей духовной семьи, чтобы напомнить им о целях нашей миссии, чтобы стать для них сигналом утреннего горна, зовущего к пробуждению.

При этих словах я ощутил груз ответственности, обрушившийся на мои плечи.

— Обучать этому? Да я едва ли запоминаю половину всего, о чем вы рассказываете. И у меня нет никакого писательского таланта, — запротестовал я. — В школе у меня были ужасные оценки по языку.

— Я говорю о том, что знаю, — улыбнулась она.

Рассвет должен был наступить через пару часов. Костер успел угаснуть и превратиться в слабые угли, когда я смог заговорить:

— Вы сказали, что существует много родственных нам душ...

— Да, но ты сочетаешь в себе определенные способности и качества, которые позволяют тебе стать хорошим посредником в

передаче знаний. Поэтому вы с Сократусом встретились, а потом он прислал тебя ко мне.

Мама Чиа улеглась на песке, уютно свернулась и уснула. Я продолжал смотреть на океан, и лишь когда небо с восточной стороны острова озарилось первыми лучами восходящего солнца, я незаметно для себя задремал.

Утро. Было очень странно просыпаться на пляже, где твоим единственным одеялом был тропический воздух, который был здесь теплым и приятным даже на рассвете.

Сон на свежем воздухе вызвал у меня дикий голод, и завтрак, извлеченный из бездонной сумки Мама Чиа, стал прекрасным событием, хотя пища была очень простой: горсть фигов, несколько орехов, апельсин и банан. Ночь откровений закончилась, и я пытался предугадать, какие чудесные открытия принесет новый день.

Но, как оказалось, день совсем не был насыщен событиями. Большую его часть мы потратили на возвращение домой, а вечером сидели в хижине Мама Чиа, пили чай и болтали под музыку, лившуюся из ее старомодного магнитофона. Мама Чиа отправилась спать рано, и я, посидев за столом еще немного, растянулся и уснул прямо на полу ее гостиной.

Я еще не знал, что на следующий день мне предстоит встретиться с призраком и столкнуться с целой серией событий, которые изменят всю мою жизнь.

Глава 19

Возрождение и путь воина

*Не жалея времени на раздумья;
но когда приходит время действовать —
не рассуждай, но действуй*

Эндрю Джексон

Это произошло неожиданно, в самый обыденный день, как обычно и случаются неожиданности. Причиной стало зерно, посеянное далеко в прошлом.

— Думаю, ты не против того, чтобы познакомиться с семьей Сачи, — сказала Мама Чиа, когда мы направились по незнакомой тропе, уходящей в глубину леса. Но почему при этом она улыбалась, как Чеширский Кот?

Примерно через десять минут мы вышли к поляне, на которой стоял прелестный домик. По размерам он был немного больше, чем дом Мама Чиа, но его конструкция была почти такой же, а совсем рядом с ним начинался огород.

В дверях дома возник малыш лет пяти, спрыгнул со ступенек и подбежал по дорожке прямо ко мне.

Выкрикнув: «Привет, Дэн!», он, смеясь, прыгнул мне на руки, как будто знал меня всю жизнь.

— Привет, — озадаченно ответил я.

— Меня зовут Сократус, — гордо заявил мальчик.

— Сократус? — Теперь я был совершенно сбит с толку. — Ну... Это очень примечательное имя.

Я увидел невысокую стройную, очень симпатичную женщину, одетую в темно-синий, украшенный цветами саронг, которая шла к нам. За ней бежала Сачи. К счастью, ни одна из них не намеревалась броситься мне в объятия.

Ласково улыбнувшись, женщина протянула мне руку:

— Здравствуйте, Дэн. Я — Сара.

— Добрый день, Сара, очень приятно познакомиться. — Я хитро подмигнул Маме Чиа. — Похоже, меня здесь уже все знают.

Мама Чиа, Сара, Сачи и даже маленький Сократус расхохотались в один голос. Я не понимал, что такого смешного сказал, но все они явно наслаждались происходящим.

— Сачи и отец Сока очень много рассказывали им о тебе, — сказала Мама Чиа и показала на что-то позади меня.

— Но откуда отец Сачи... — Я развернулся, никого не увидел, но тут произошло нечто, от чего я просто окаменел, — сзади раздался голос, перевернувший все внутри меня:

— Привет, Дэн.

Я быстро повернул голову назад, мое дыхание замерло, а челюсть глупо отвисла. Я впервые сталкивался с призраком. И все-таки передо мной стоял именно он — высокий и худой, с мягкой светлой бородой, глубокими глазами и теплой улыбкой.

— Джозеф! Неужели это ты?

Он обнял меня — и поверьте, я уже много лет не оказывался в таких крепких объятиях. Потом я отступил на шаг назад, рассматривая его.

— Но... Но Сократус сказал мне, что ты умер от лейкемии!

— Я ничего такого не говорил! — выкрикнул малыш. На этот раз рассмеялись все мы.

— Не ты, — сказал я мальчику, — а один старик, и это было очень давно.

— Умер? — переспросил Джозеф и улыбнулся. — Ну уж нет! Я, конечно, немного устал, но ты ведь знаешь, что Сократус склонен к преувеличениям.

— Но что случилось? — спросил я. — Как...

— Почему бы вам не прогуляться? — предложила Сара. — Похоже, у вас есть о чем поговорить.

— Отличная мысль, — сказал Джозеф. Мы медленно шли по лесу, и Джозеф описывал загадочные обстоятельства своей внезапной кончины.

— У меня действительно лейкемия, — объяснял он. — Я до сих пор ею болен, но, благодаря помощи Мамы Чиа, я вполне справляюсь с болезнью. И все-таки, в определенном смысле, Сократус сказал тебе правду. Я умер для всего внешнего мира. На несколько месяцев я

превратился в отшельника. Я сказал ему, что собираюсь укрыться в лесу, поститься и молиться, пока не выздоровею — или не умру.

— Чтобы объяснить причину этого, — сказал он, — я вернусь на несколько лет назад.

— Я вырос на Среднем Западе, в семье «незнакомцев». Я всегда буду благодарен за ту заботу, с которой родители относились ко мне. Я был очень болезненным ребенком, и часто они не спали целые ночи, ухаживая за мной. И, разумеется, я глубоко признателен им за все остальное—за кров и еду. Ноя никогда не чувствовал этих людей родными, я ощущал себя непохожим на всех остальных, понимаешь?

— Да, — ответил я, — прекрасно понимаю.

Мы присели на поваленное дерево, и он продолжил:

— Поэтому при первом удобном случае я покинул дом, отправился путешествовать по стране и добрался до восточного побережья, зарабатывая себе на жизнь самыми разными делами. А когда я оказался в Лос-Анджелесе, то просто не смог остановить свое движение — и докатился сюда, на Молокаи. Здесь жил один мой друг, он и убедил меня обосноваться на этом острове. Так я стал молодым фермером и даже выращивал «травку»...

— Ты выращивал марихуану?

— Да. В шестидесятых годах это было вполне нормально. Конечно, я давно перестал этим заниматься. Но тогда мне просто пришлось это сделать — когда это перестало приносить доход. Так что теперь я делаю комоды и шкафы, плотничаю понемногу. Вполне достаточно, чтобы оплачивать счета, не прибегая к преступной деятельности, — улыбнулся он. — В общем, тогда я очень прилично зарабатывал и уже был женат на Саре. В 1964 году родилась Сачи, и...

Джозеф замялся, и мне показалось, что ему больно вспоминать об этом.

— Я был словно разбит на кусочки... — Он пытался подобрать правильные слова. — Дэн, ты ведь знаешь о трех «Я»? Я кивнул:

— Я уже подружился со своим Базовым Я, но пока не могу установить связь с Высшим... — добавил я.

— А у меня все было наоборот, — усмехнулся Джозеф. — Я отвергал именно свое Базовое Я. Мне хотелось подняться ввысь и улететь куда-нибудь из этого мира. Меня угнетали повседневные проблемы, обычные для нашей планеты. Я твердил себе, что я

«духовное создание», «творческая личность» и реалии жизни просто недостойны моего внимания. Большую часть времени я проводил в медитациях, в общении с природой, за книгами — и все время мечтал оказаться где-нибудь «повыше», там, где мне не придется думать о торговле наркотиками и бытовых мелочах, о приземленности материального мира.

Когда родилась Сачи, я оказался просто не готовым к тому, чтобы иметь детей, потому что у меня не было умения налаживать взаимоотношения и, главное, — чувства ответственности. Я просто не знал, как себя вести. И однажды я взял половину наших сбережений и удрал. Я не знал, куда мне податься, и плыл по течению, пока не оказался в Калифорнии — в Беркли. Через несколько дней я познакомился с одним стариком...

— С бензоколонки, — улыбнулся я, закончив фразу Джозефа.

— Остальное ты можешь себе представить. Перед началом обучения Сократус настоял на том, чтобы я нашел себе достаточно ответственную работу, и я завел собственное кафе. У нас с ним получилась неплохая сделка, — рассмеялся Джозеф. — Я приносил ему вкусную еду, а он вывернул наизнанку всю мою жизнь.

— Что-то очень знакомое, — усмехнулся я.

— До боли знакомое, — добавил Джозеф. — Но я не жалею о потраченных деньгах. Он здорово со мной поработал. Я не виделся с ним уже пять лет... Два года назад я съездил в Беркли, но его там уже не было. Он как-то говорил мне о том, что собирается в горы, куда-то в Сьерру. Не знаю... Сомневаюсь, что мы его скоро увидим.

— Но что произошло потом? Я имею в виду, ты вернулся назад, наладил свою семейную жизнь, начал делать мебель, честно зарабатывать себе на жизнь...

Джозеф улыбался и загибал пальцы, пока я перечислял все эти проявления ответственности.

— Все не так просто, — сказал он. — Помнишь ту вещь, о которой Сократус так часто говорил? Про цепь и про ее слабейшее звено, помнишь? В общем, я просто решил укрепить свои слабые звенья.

— Моя работа все еще несколько оторвана от меня, — сказал я. — Но я еще не научился «прорабатывать» слабые звенья. Я еще не прыгнул в свое сердце. Мама Чиа говорит, что это случится само собой.

Джозеф задумался и сказал:

— Я думаю, это вопрос расширения осознания. Когда ты осознаешь все больше и больше, осознание само приводит себя в движение и становится чем-то вроде лекарства—физического, умственного или эмоционального. Все это действительно происходит естественным образом.

Мы посидели молча, и я напомнил:

— Ты сказал, что болел...

Джозеф отвлекся от своих размышлений:

— Да. Как я уже говорил, я собирался отправиться в горы, чтобы молиться и поститься в одиночестве. Но я вспомнил о том, как однажды Сократус сказал, что жизнь всегда тяжела, независимо от того, отстраняешься от нее или, наоборот, окунаешься в ее проблемы с головой. Поэтому я передумал. Я понял, что жизнь отшельника в пещере является лишь еще одной попыткой выбраться из собственного тела, трусливо убежать от повседневных трудностей. Скорее всего, я бы просто умер там.

Так что я решил вернуться на Молокаи, начать все с того момента, на котором остановился, но на этот раз делать все правильно и осмысленно потратить те дни, которые мне еще остались, — если, конечно, Сара примет меня.

— Она встретила меня с распростертыми объятиями, — улыбнулся он, — и это было самое невероятное. Как только я решился вернуться, принять то, что меня раньше пугало, и погрузиться в семейную жизнь, все сразу стало на свои места.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно тогда я начал работать с Мамой Чиа. Она обучила и исцелила меня. Не только от лейкемии.

— Это у нее здорово получилось, — сказал я. — Я видел твою семью.

На лице Джозефа отразилось полное удовлетворение, и я позавидовал ему, с печалью припомнив те обстоятельства, при которых расстался с собственной семьей. «Все переменится и наладится», — сказал я самому себе.

Джозеф медленно поднялся:

— Мне ужасно приятно снова встретиться с тобой, Дэн.

— Это лучшее, что произошло в моей жизни за очень долгое время, — ответил я. — Хотя за последнее время в ней случилось немало приятного.

— Вот в этом я не сомневаюсь, — с улыбкой сказал он.

— Жизнь просто поразительна, правда? — сказал я, когда мы с Джозефом направились назад, к его дому. — Подумать только, мы оба оказались здесь, рядом с Мамой Чиа!

— Жизнь действительно удивительна, — согласился он. — И Мама Чиа — тоже.

— Если уж говорить о прекрасном, то твоя дочурка — просто чудо. — Я вдруг вспомнил о том, что произошло с нами в городе. — Правда, недавно ей довелось довольно сильно поволноваться.

— Я знаю, она мне рассказывала. И, согласно тому, что я услышал, — невесело усмехнувшись, сказал он, — переволновалась не только она.

— Это правда, — признался я. — Но этот случай кое-чему меня научил, и мне захотелось изучить приемы рукопашного боя.

— Странно, что Сократус не научил тебя им. Он очень неплохо владел боевыми искусствами.

— Да уж, — улыбнулся я. — У меня была возможность убедиться. Но я был полностью занят своей гимнастикой.

— Я помню... — Джозеф задумался, а потом сказал: — Знаешь, моему, Фуджи изучал что-то вроде каратэ. Он очень отзывчивый человек. Может быть, он сможет помочь тебе? Но если честно, Дэн, то я не думаю, что умение драться является правильным решением подобных ситуаций. Я знаю этих парней. На самом деле, они не такие уж плохие ребята. Однажды они даже помогли мне докатить машину до бензоколонки, а до нее было не меньше километра. Им просто скучно, и они пытаются развеять свою тоску. С работой на острове довольно туго, и, скорее всего, эти ребята просто имеют заниженное мнение о самих себе. Все та же история... — вздохнул он.

— Да, я понимаю, — сказал я и еще раз внимательно посмотрел на Джозефа. — Я чертовски рад тому, что ты жив.

— А я как рад! — воскликнул Джозеф, и мы расхохотались.

Когда мы вышли из леса и подошли к крыльцу дома Джозефа, с него сбежал малыш Сократус, забрался Джозефу на руки и насильно

повернул его голову к себе, так что они едва не стукнулись носами. Очевидно, он требовал безраздельного внимания отца.

Джозеф чмокнул Сока в нос и снова повернул голову ко мне:

— Завтра я снова возвращаюсь на Оаху. Нужно закончить работу. Ну и семье тоже нужно уделить немного внимания.

— Конечно, Джозеф, — улыбнулся я. — Увидимся, когда вернешься.

— Не сомневайся, — заявил он.

Из дома вышла Сара, прильнула к мужу и обняла его рукой. Они долго махали мне, когда я попрощался и направился по тропе в лес. Когда их дом скрылся за деревьями, я услышал голос Сачико: «Обед готов!»

Возвращаясь в свою хижину, я испытывал острый приступ тоски, вызванный нахлынувшими воспоминаниями о Холли и Линде. Я гадал, станет ли когда-нибудь моя семья такой же счастливой.

После обеда я отправился к Сею Фуджимото. Мицу открыла дверь и тут же приложила палец к губам, прошептал:

— Я только что уложила ребенка спать. Фуджи нет дома, но он вот-вот будет. Входите.

— Спасибо, миссис Фуджимото...

— Зовите меня просто Мицу.

— Спасибо, Мицу, но я лучше подожду его в саду, хорошо?

— Собираетесь поиграть с духами сада? — заговорщически поинтересовалась она, улыбаясь.

— Возможно, — таинственно усмехнувшись, ответил я.

У меня всегда было особое отношение к садам и роцам. Мне нравилось сидеть на земле в окружении деревьев и трав. Я нашел удобное местечко и растянулся на траве на животе, ощущая тепло, исходящее от плодородной земли и согревающее мне грудь и живот. Прямо передо мной из земли выбивался молодой побег кабачка; его нежный и хрупкий желтый цветок, источавший едва уловимый тонкий аромат, слегка колебался под дуновениями ветерка.

Мне показалось, что я действительно чувствую духов этого сада, энергию, которую невозможно встретить среди холодного, рационального бетона и асфальта городов, среди их жесткости и строгости. А здесь я ощущал покой...

Похоже, я задремал, и к действительности меня вернул только шум подъехавшего к дому грузовика. Я вышел из сада и увидел Фуджи, поздоровался с ним и помог разгрузить несколько мешков с удобрениями, которые он привез из города. Только после этого, смахнув пот, он сказал;

— Рад встретиться, Дэн. Спасибо, что помогли.

— На самом деле, Сей, я пришел попросить помощи у вас, — сказал я.

Он с любопытством посмотрел на меня:

— Чем же я могу помочь?

— Джозеф сказал, что вы владеете каратэ. Фуджи улыбнулся:

— О, понятно. Да, в свое время немного нахватался то тут, то там. Сейчас, конечно, я уже не такой шустрый, поэтому приходится расправляться с негодяями, кидая в них мешки с удобрениями или сбивая машиной, — пошутил он. — А почему вас заинтересовало каратэ? Нужно кого-то вздуть?

Он нахмурил брови, комично раздул грудь и Принял грозную позу, но его улыбка ту же растянулась до ушей;

— Нет, — засмеялся я. — Ничего такого. Просто я подумал, что неплохо было бы научиться защищаться.

— Мысль действительно неплохая. Такое умение всегда может пригодиться, — одобрительно сказал он. — В городе есть очень неплохая школа каратэ. Я несколько раз наблюдал за их занятиями.

— Вы знаете, вряд ли у меня получится заниматься в городе. Просто не хватит времени, чтобы успеть чему-то научиться.

— Так вы что, хотите чего-то вроде таблетки, моментально обучающей каратэ? — удивленно спросил Сей.

— Конечно, нет! — Я снова рассмеялся. — Просто хотел попросить, чтобы вы научили меня несколькими приемам.

— Я? — Он покачал головой. — Дэн, прошло так много лет... Я уже забыл все, что умел. — Он встал в стойку, ударил ногой воздух, согнулся и, притворно сморщившись, схватился за поясницу. — Понимаете, что я имею в виду?

— Фуджи, я говорю вполне серьезно, — сказал я. — И это для меня очень важно.

— Я был бы счастлив помочь вам, Дэн, — Фуджи вновь печально покачал головой, — но этому действительно нужно учиться у

настоящего мастера, Извините, мне пора на ферму, нужно там изгородь сделать.

— Знаете, я сейчас не занят. Можно мне помочь вам?

— Было бы неплохо, спасибо. Чему я действительно могу вас научить, так это искусству ставить заборы, — пообещал он. — Пойдем, я только скажу Мицу, что пошел на ферму.

— И все-таки подумайте насчет уроков каратэ, — крикнул я ему вслед.

— Я не люблю много думать, — отозвался он.

Остаток дня мы провели на его ферме, устанавливая ограду. Это была достаточно тяжелая работа — приходилось копать глубокие ямы, пилить столбы и обтесывать их топором. К счастью, Фуджи заставил меня надеть перчатки, и все-таки мои ладони покрылись волдырями, что напомнило мне старые добрые времена, когда я до крови натирал руки в гимнастическом зале. Потом Мицу пригласила нас на вегетарианский ужин — вареный рис, овощи, фрукты и тофу. Поев, мы немного поболтали, и крик ребенка из задней комнаты стал для меня сигналом того, что пора прощаться.

— Вы неплохо поработали, Дэн, — сказал Фуджи, вручая мне бумажку в десять долларов — первые деньги, которые я заработал за последние несколько месяцев.

— Я не могу взять у вас деньги, Сэй! — запротестовал я.

— Это не мои деньги, а твои. Я сам не работаю бесплатно и не допущу, чтобы кто-то работал бесплатно на меня, — настаивал он, вкладывая «десятку» мне в руку.

— Что ж, тогда я потрачу ее на то, чтобы оплатить уроки каратэ, которые вы мне дадите, — заявил я. Фуджи вскинул брови и задумался:

— Даже если я дам вам один урок живописи, вы еще не станете художником.

— Стану! — засмеялся я. — Просто не очень хорошим. Сей не улыбнулся и покачивал головой, словно мысль об уроках каратэ была для него болезненной:

— Мне нужно подумать.

— Это меня вполне устраивает. Спокойной ночи!

Утром меня разбудил Фуджи.

— Хорошо, — сказал он, пристально глядя на меня. — Я покажу вам пару приемчиков.

Я начал протирать сонные глаза.

— Жду на улице, — сказал Фуджи и вышел.

Соскочив с кровати, я быстро умылся и выбежал из хижины, на ходу запрыгивая в шорты и надевая рубашку.

Фуджи привел меня на небольшую круглую полянку метрах в десяти от дома и сказал:

— Становитесь лицом ко мне.

— Разминка? Будем разогреваться? — спросил я, с удовольствием ощущая, как тело начинает вспоминать старые гимнастические привычки.

— Разогреться на Гавайях? — переспросил он. — Мы тут всегда неплохо разогреты. Кстати, для того, что я буду показывать, разминка вообще не нужна. Разогреться будем прямо в процессе. Готовы?

— Готов.

— Отлично. Сейчас я покажу один очень важный прием рукопашного боя. — Он принял боевую стойку. — Повторяйте за мной.

Он отпустил руки, и они свободно повисли вдоль туловища. Потом он начал поднимать правую руку к плечу. Я старательно копировал его движения. Он выпрямил руку вперед, в мою сторону, и, когда я сделал то же самое, он сжал мою руку в своей и, к моему удивлению, начал трясти ее, улыбаясь и приговаривая:

— Как дела? Очень приятно встретиться. Давайте станем друзьями.

— Фуджи! — воскликнул я, высвобождая ладонь из его объятий. — Пожалуйста, хватит шутить! Я ведь отношусь ко всему этому очень серьезно.

— Я тоже, — заверил он меня. — И этот прием — один из моих любимейших. Он называется «Новый Друг». Я всегда показываю его с самого начала.

— Значит, есть и другие? — с облегчением предположил я.

— Конечно. Но если срабатывает этот, первый прием, другие уже просто не нужны. А еще у меня есть приемчик под названием «Отдай Кошелек Грабителю». Он тоже помогает избежать драки.

— Фуджи, в городе у меня была стычка с хулиганами. Если мы встретимся снова, мне вряд ли удастся пожать им руку, а мой

бумажник им не нужен. Им просто хочется испортить мне шкуру.

— Понятно, — сказал он, теперь уже серьезно. — Ладно, покажу вам кое-что еще.

— Удары?

— Нет. Это может покалечить человека. Я был уже изрядно раздражен:

— У вас несколько странная школа рукопашного боя.

— Мирная школа, — спокойно заметил он. — Причинив боль многим людям, начинаешь уставать от вида крови. Так или иначе, я обещал научить вас самозащите, а не причинению увечий.

Следующие несколько часов Фуджи показывал мне множество приемов, основанных на увертках, маневрировании, поворотах и кувырках в сторону, а также методы блокировки с помощью круговых движений рук, простые и изящные.

— Я предпочитаю простые приемы, — объяснил он. — Их легче усваивать.

Он предложил мне представить воображаемых противников. Они должны были быть сильнее и подлее, чем любые реальные хулиганы. К концу дня мои защитные движения начали жить своей собственной жизнью и становились все более уверенными и грациозными.

После занятия я сунул руку в карман и вернул ему десять долларов.

— Нет уж! — Он отмахнулся от денег. — Это был не урюк, просто игра. Мне хватит приятных воспоминаний о проведенном времени. А деньги придержите, они вам пригодятся.

— Спасибо вам, Фуджи.

— И вам спасибо, Дэн.

Мы с уважением пожали друг другу руки, и Фуджи улыбнулся:

— Все-таки это — мой любимый прием.

Я вызвался проводить Сея домой и по дороге спросил:

— Фуджи, здесь никогда не появлялся подвижный старик с белыми волосами, приятель Мама Чиа, по имени Сократус? Фуджи нахмурил брови, припоминая, потом улыбнулся:

— Да, несколько лет назад был такой. Короткие белые волосы и самая пестрая гавайская рубашка, какую мне только доводилось видеть. Вроде бы, он был из Калифорнии. — Он усмехнулся. — Очень забавный человек.

Я попытался представить себе Сократуса в цветастой гавайской рубашке и раздумывал, увижу ли когда-нибудь своего старого учителя и друга.

Книга третья

Великий Скачок

*Мелкими осмотрительными шажками
можно достичь почти всего.*

*Но бывают такие моменты, когда
необходимо*

сделать большой скачок.

*Пропасть нельзя преодолеть в два
прыжка.*

Дэвид Ллойд Джордж

Глава 20

Одиссея

*Секрет жизненного успеха:
будь готов к возможности до того, как
она возникнет.*

Бенджамин Дизраэли

Когда мы подошли к дому Фуджи, на небе уже были видны звезды, свет которых приглушался полной луной. Кроме пения сверчков и легкого шелеста ветра в кронах деревьев, ничто не нарушало спокойного сна леса.

— Вы уверены, что не хотите поужинать с нами? — еще раз спросил Фуджи. — Мицу всегда рада поводу поставить на стол еще одну тарелку.

— Нет, спасибо. Мне нужно успеть кое-что сделать, — сказал я.

На самом деле, мне просто не хотелось приносить лишние хлопоты семье, в которой недавно родился ребенок.

Улыбнувшись, Фуджи кивнул и направился по дорожке к крыльцу, но вдруг остановился и уставился в пространство. Он уже не улыбался.

В этот момент у меня появилось странное предчувствие — не то чтобы дурное, но очень беспокойное.

— Что это, Фуджи? Вы тоже это чувствуете? — встревоженно спросил я.

— Да, — сказал он.

— Что бы это могло... — Мои мысли сами по себе обратились к Маме Чиа. — Мама Чиа! — воскликнул я. — Вы думаете Фуджи пристально посмотрел мне в глаза:

— Пойду-ка, навещу ее на всякий случай.

— Я с вами! — немедленно заявил я.

— Не стоит, — возразил он. — Скорее всего, просто ерунда.

— Я тоже хочу в этом убедиться.

Фуджи на мгновение заколебался, но потом кивнул, и мы быстро поднялись по тропе, ведущей к ее хижине. По мере того как мы приближались к ее дому, наше беспокойство возрастало.

— Я так надеюсь, что это просто ерунда... — пробормотал я, пытаясь убедить самого себя, что все будет в порядке.

Мы поднялись по ступеням и уже собирались постучать, как вдруг Фуджи заметил ее, лежащую под деревом у самого края огорода. В ярком свете луны лицо Мама Чиа выглядело удивительно умиротворенным, но странно неподвижным. Фуджи помчался к ней и, присев рядом на корточки и схватив ее руку, проверил ее пульс.

Я на негнущихся от шока ногах побежал за ним, присел рядом и погладил ее седые волосы. Мои глаза заволокло слезами.

— Я так хотел отблагодарить вас, Мама Чиа, — шептал я. — Я даже не простился с вами...

Мы с Фуджи одновременно отшатнулись от неожиданности, когда Мама Чиа резко открыла глаза, села и свирепо спросила:

— Неужели старуха уже не имеет права спокойно вздремнуть под звездами?

Мы с Сеем переглядывались. Наше удивление сменилось восторженной радостью.

— Мы решили, что вы... вы... — Я замялся.

— Я на всякий случай пощупал ваш пульс... — Фуджи явно пребывал в таком же замешательстве.

Она, наконец, сообразила, что мы имеем в виду:

— Ага! Вы решили, что старая ведьма отбросила копыта? Не волнуйтесь, я только упражнялась, чтобы не растеряться, когда придется сделать это по-настоящему. Если хотите, можем тренироваться вместе каждый день, чтобы вы наконец перестали вести себя как слабоумные заики! — расхохоталась она.

Счастливый Фуджи начал сбивчиво оправдываться, окончательно смутился и убежал, сославшись на то, что дома остывает ужин. Перед тем как уйти, он отозвал меня и дал мне странный совет:

— Дэн, насчет тех парней из города...

— Да? — спросил я.

— Иногда лучший способ выиграть схватку заключается в том, чтобы потерпеть поражение.

— Что вы имеете в виду?

— Подумайте об этом, — с загадочной улыбкой сказал он, повернулся и исчез в лесу, поспешив к вегетарианскому супу Мицу.

Вечером мы с Мамой Чиа сидели в ее гостиной и отмечали счастливый исход случившегося за бутылкой сакэ. Мой организм был настолько очищен физическими упражнениями и простым, здоровым питанием, что эффект спиртного был молниеносным и разительным — я стал еще слезливее, чем обычно. С мокрыми глазами и заплетающимся языком, я клялся Маме Чиа в вечной преданности и непрерывно прощался с нею, «на всякий случай». Она снисходительно похлопывала меня по руке, улыбалась, но почти ничего не говорила.

В какой-то момент я, должно быть, просто свалился под стол, потому что на следующее утро обнаружил, что сплю прямо на полу. В ушах у меня гудели нотрдамские колокола. Мне отчаянно хотелось снять с себя раскалывающуюся голову, но возможности убежать от похмелья не было.

Мама Чиа, напротив, выглядела неприлично свежей и принялась готовить для меня одно из своих «особых лекарств — хуже, чем сама смерть».

— Раз уж мы заговорили о смерти, — запинаясь, произнес я, и каждое слово грохотом отдавалось в моей голове, причиняя невыносимые мучения, — то я очень сомневаюсь, что вчера мы беспокоились о том, о ком нужно было. Первым наверняка отброшу копыта я — и мне искренне хочется, чтобы это случилось поскорее.

— Боже, какая боль! — добавил я, безумно вращая глазами.

— Перестань вращать глазами! — потребовала Мама Чиа. — Скоро тебе станет легче.

— Спасибо. Я не знал, что вращаю глазами.

Час спустя мне действительно полегчало. Голова прояснилась, и вместе с этой ясностью ко мне пришла новая волна беспокойства.

— Знаете, я действительно очень испугался за вас прошлой ночью. Стоял, как остопоп, и чувствовал себя совершенно беспомощным, словно не мог ничего для вас сделать.

Мама Чиа присела передо мной на подушку, лежащую на полу, строго посмотрела на меня и сказала:

— Давай-ка выясним этот вопрос раз и навсегда, Дэн. Нет ничего такого, что ты должен для меня делать. Если ты хочешь достичь

спокойствия разума, то, пожалуйста,ними с себя полномочия генерального директора Вселенной.

— Я уже говорила тебе, что это случится — независимо от того, будешь ты что-то делать или нет. Может быть, завтра, может, через год, — но это случится скоро. И я уже упаковала чемоданы и сижу на них, — спокойно заявила она, забрасывая ноги на край кушетки и безмятежно уставившись в потолок.

— Мама Чиа... С самого начала я считал, что вы нужны мне только для того, чтобы показать, куда мне идти дальше, — признался я.

Она усмехнулась.

— Но сейчас я просто не знаю, известно ли мне что-то другое, кроме того, чему меня научили вы и Сократус.

— Всегда есть что-то новое, чему нужно учиться. Она повернула ко мне голову:

— Одно знание только готовит тебя к следующему.

— Эта школа в Японии, где вы познакомились с Сократусом... Дальше мне предстоит отправиться туда?

Она вновь перевела взгляд на потолок и молчала.

— Вы что, недостаточно мне доверяете, чтобы рассказать, где она находится?

— Это закономерный вопрос, Дэн, и я понимаю, что ты чувствуешь. Но я не могу просто вручить тебе ее название и адрес.

— Но почему?

Мама Чиа вздохнула, подбирая слова для ответа.

— Ты можешь считать это уставом школы, — сказала она, — или правилом безопасности, или первым посвящением. Но только тот, кто достаточно чувствителен и открыт, способен найти ее.

— Да, когда дело касается подробностей, вы настолько же любезны, как и Сократус. В свое время он сказал, что если я не смогу найти вас, то я просто не готов к этому.

— Ты ведь сам в этом убедился.

— Да, но это еще не значит, что мне это нравится.

— Нравится тебе это или нет, но существует более широкая картина, высшая точка зрения, — напомнила она. — Ив ней участвует гораздо больше людей, чем ты, я и Сократус. Все мы — разноцветные нити, сотканые в одно огромное одеяло. В мире существуют такие

загадки, которые я даже не пыталась раскусить — я просто наслаждалась ими.

— Однажды Сократус показал мне свою визитную карточку. Там было указано его имя, а ниже было написано: «Парадокс, Юмор и Перемены».

Мама Чиа рассмеялась:

— Да, вот это и есть жизнь. Сократус всегда умел добираться до самой сути вещей. — Она коснулась моей руки: — Дэн, теперь ты понимаешь, что вопрос не в том, доверяю я тебе или нет? Все зависит от того, доверяешь ли себе ты.

— Я плохо понимаю, о чем вы говорите.

— Тогда постарайся просто поверить в это.

— Но Сократус говорил, что вы покажете мне путь!

— Конечно! Но ведь «показать» не значит «отвести за ручку». Чтобы найти эту тайную школу, ты должен открыть Внутренний Архив. Устав школы не позволяет мне прямо сказать, где ее искать. Я могу только научить тебя увидеть ее, подготовить тебя к этому. А сама карта — внутри.

— Внутри чего?

— Тайные школы часто расположены в самом центре города или в крошечной деревне, где все жители на виду. Возможно, она кроется за окнами соседнего дома, а ты просто ее не видишь. Но большинство людей отправляются искать такие школы в дальние края, они слишком заняты рысканием по пещерам Непала и Тибета и считают, что святость таится только в недоступных местах. Пока мы, Воины, не исследуем пещеры и темные углы собственного разума, мы видим во всем только свое отражение, Сперва великих учителей звучат глупо только потому, что входят в уши глупцов.

— Сейчас, — продолжала она, — наступает время, когда тайное становится явным, скрытое — видимым, а ангелы отрываются от земли и взмывают ввысь. Один из них — ты. Моей обязанностью — моим счастливым долгом — было помочь тебе расправить крылья. Как и Сократус, я всего лишь нянька проснувшихся душ. Наша задача — поддерживать тебя, когда ты учишься летать, но не катать тебя на собственных крыльях.

Тебе придется искать дорогу самому, точно так же, как ты искал — и нашел — меня. Я имею право лишь указать, в каком направлении ты

можешь лететь, подтолкнуть тебя и пожелать попутного ветра.

Она заметила выражение моего лица.

— Не хмурься, Дэн. И не пытайся постичь все разумом. Чтобы плавать в океане, совсем не обязательно знать о нем все.

— Вы считаете, что я уже готов к началу поисков?

— Нет, еще нет. Если ты уйдешь сейчас... — Она не закончила свою фразу. — Тебе осталось немного. Может быть, час, но, может, и несколько лет. Я надеюсь, что проживу достаточно долго, чтобы увидеть, как ты...

— Сделал Великий Скачок, — закончил я за нее.

— Да. Потому что, как я уже говорила, после четвертого этажа все происходит само собой, как будто ты поднимаешься в лифте.

— Я бы сделал этот скачок сегодня, прямо сейчас, — если бы знал как... — огорченно заявил я.

— И я готов сделать что угодно для вас, Мама Чиа, только скажите что?

— Мне бы тоже очень хотелось, чтобы все было так просто, Дэн. Но это должно возникнуть внутри тебя, как цветок прорастает из зерна. И ты не можешь насильно ускорить этот процесс. Не в нашей власти распоряжаться естественными ритмами.

Тебе просто нужно делать то, что ты считаешь правильным, и решать те проблемы, которые важны для тебя в настоящий момент. Использовать все возможные средства для роста, для своего подъема. Покончить с каждой нерешенной проблемой нижних этажей. Встретиться лицом к лицу с оставшимися в тебе страхами и победить их. Приложить все силы к улучшению своего здоровья и повышению энергии, учиться направлять и воспитывать ее. Чтобы превзойти себя, ты должен стать собственным хозяином.

Она замолчала и сделала глубокий вдох, прежде чем продолжить:

— Я уже показала тебе все то, что способно в этом помочь. А вот поможет это тебе или нет, зависит от того, как ты распорядишься этим.

На мое сердце лег тяжелый груз. Я уставился в пол и тихо сказал, обращаясь, скорее, к самому себе:

— Я все время теряю своих учителей. Сначала меня покинул Сократус, а теперь и вы говорите, что скоро уйдете...

— Не стоит слишком привязываться к учителям, — мягко сказала она. — Не путай это с признательностью их дарам. Понимаешь?

— К сожалению, да, — печально вздохнул я. — Это значит, что меня ждет еще одна охота за знаниями — поиск нового человека без имени в местах без названия.

— Учитель появляется, когда готов ученик, — улыбнулась она.

— Я слышал это и раньше, — заявил я.

— Но понимал ли ты это? На самом деле, это означает, что, когда ученик готов, учитель появляется везде — в небе, в деревьях, в такси и в банках, в кабинетах психотерапевтов и на бензоколонках, среди твоих друзей и твоих врагов. Все люди учатся друг у друга. Окрестности твоего дома, твой квартал, город, штат, страна — везде живут учителя разных уровней осознанности. Есть люди, которые являются более искусными и осознанными учителями в отдельных областях. Но это не важно, потому что все несет в себе дар и урок, все взаимосвязано, каждый осколок отражает в себе Единство, если только ты умеешь видеть и слышать его. Сейчас все это для тебя лишь абстракция, но однажды — и этот прекрасный день близок — ты проникнешься этим до конца. И когда ты поймешь это, — сказала она, показывая мне сверкающий камень, — ты сможешь посмотреть на такой камень, или на прожилки листочка дерева, или на бумажку, которую гонит по земле ветром, — и постичь скрытые законы Вселенной.

Немного поразмыслив над ее словами, я спросил:

— И все-таки, неужели есть что-то плохое в людях-учителях?

— Конечно! Каждый учитель, воплощенный в человеческом теле, обладает своими собственными особенностями и слабостями. Эти недостатки могут быть большими и малыми. Это может быть жажда секса, или страсть к еде, или стремление к власти. Или, того хуже, учитель может начать заниматься с тобой — и внезапно умереть.

Последние слова произвели на меня должный эффект.

— Для большинства людей учитель-человек — просто лучший аттракцион, живой пример для подражания, идеальное зеркало. Человеческие слова и письменность понять намного легче, чем язык облаков, кошек или вспышек молний в багровом небе.

Разумеется, люди обладают особой мудростью, но люди-учителя смертны. Как только ты откроешь Внутренний Архив, ты увидишь все непосредственно, изнутри, и тогда для тебя во всем будет проявляться Учитель Вселенной.

— Что же мне делать, чтобы подготовиться? — спросил я.

Мама Чиа замолчала и немигающими глазами смотрела в пустоту перед собой. Через несколько секунд она повернулась ко мне:

— Я уже научила тебя всему, что поможет тебе подготовиться.

— Подготовиться к чему? — переспросил я.

— К тому, что придет.

— Терпеть не могу загадок.

— Может быть, поэтому жизнь и предлагает тебе их в таких количествах, — улыбнулась она.

— Как мне узнать, когда я буду готов?

— Ты мог бы узнать по своей вере, — сказала она, — но твоя вера в себя слаба. Поэтому тебе нужны испытания, проверки, доказательства, которые покажут, на что ты уже способен, а к чему еще не готов.

Мама Чиа встала, прошлась по комнате, выглянула в окно, а потом снова принялась ходить по гостиной. Наконец она остановилась и объявила:

— На этом острове есть сокровище. Оно хорошо скрыто от посторонних, неподготовленных глаз. Я хочу, чтобы ты нашел его. Если тебе это удастся, ты готов к тому, чтобы идти дальше, и я благословлю тебя. Если нет... — Она сделала паузу и закончила: — В общем, встретимся в лесу сегодня вечером, на закате, тогда и расскажу тебе подробности.

На подоконник опустился Рэдберд. Не отрывая глаз от птицы, я сказал:

— Договорились. Где именно встретимся? — Ответа не было, и я огляделся. Мама Чиа исчезла. — Мама Чиа! Где вы? — крикнул я.

Я осмотрел дом, потом обошел его снаружи, хотя уже понял, что не увижу ее до самого заката. Но где? Как мы найдем друг друга в лесу? Тут меня осенило, что это и есть первая задача.

Послеобеденное время я посвятил отдыху и старался не думать о том, что буду делать, когда зайдет солнце. Я валялся на кровати, но все-таки был слишком возбужден, чтобы заснуть. Какая-то часть меня продолжала неумолимо перебирать все, что я знал о трех «Я» и семи этажах Башни Жизни. В сознании проплывали образы, а в сердце — противоречивые чувства.

Сейчас я просто не мог представить себе мир, каким он был до моего знакомства с Мамой Чиа. Я удивлялся тому, как вообще мог жить раньше. Однако мое воображение время от времени возвращалось к предстоящему испытанию. Что же Мама Чиа уготовила мне на этот раз?

В итоге я все-таки начал размышлять о всех вероятных и неправдоподобных местах, где она могла ожидать меня, но быстро заключил, что попытки осмыслить это совершенно бесплодны.

Потом я вспомнил, что все Базовые Я пребывают в связи друг с другом, и поэтому мое Базовое Я наверняка должно знать, где находится Мама Чиа. Мне нужно было лишь прислушаться к его сообщениям, передаваемым через интуитивные ощущения, и тогда я пришел бы к ней, словно используя счетчик Гейгера! Теперь я понимал, как можно найти ее, — но не знал, как сделать это практически.

Я помнил, что для восприятия сообщений Базового Я нужно расслабить тело и очистить Сознательное Я. Когда солнце было уже низко над горизонтом, я отправился в лес, нашел удобное возвышенное место и занялся медитацией. Позволив своим легким вдыхать и выпускать воздух в естественном ритме, я отпустил свои мысли, ощущения и чувства, которые тоже стали свободными и вздымались и опадали, как океанские волны. Течение мыслей не вовлекало меня в свой поток, и я просто слепил за тем, как они приходят и уходят, без привязанности и суждений.

На закате я поднялся на ноги, потянулся, сделал несколько глубоких вдохов, сильным выдохом выпустил из себя все напряжение, заботы и беспокойства, которые могли помешать мне почувствовать свое Базовое Я, — и быстро зашагал к центру поляны, на которой стояла моя хижина. «Никаких колебаний, — напомнил я себе. — Доверься своему Базовому Я. Оно знает».

Сначала я попробовал мысленно представить себе, где она находится. Я расслабился и подождал возникновения зрительного образа. Передо мной появилось лицо Мамы Чиа, но я чувствовал, что эта картина составлена на основе моих воспоминаний, и не смог рассмотреть окружающей ее обстановки. Потом я напряг свой внутренний слух, пытаюсь уловить какой-нибудь намек, может быть, даже ее голос. Но это тоже не сработало.

Будучи гимнастом, я развил в себе утонченность кинестетических ощущений, которая помогала мне чутко осознавать собственное тело. Я использовал это чувство, медленно поворачиваясь на месте и стараясь поймать ощущение правильного направления. В этот момент вмешался мой разум: «Наверное, она просто сидит на ступенях своего крыльца. Нет, скорее, возле лягушачьего пруда. А может, где-то неподалеку от дома Джозефа и Сары? Или Фуджи и Мицу? Что, если она тайком проскользнула в мою хижину и притаилась там, дожидаясь, пока я не прекращу своих попыток и не вернусь домой?» Я внезапно осознал, чем занимаюсь, и отбросил все эти бесплодные догадки. Эта задача не предназначалась для логики и рациональности.

«Нужно чувствовать!» — твердил я себе. Я мягко попросил свое Базовое Я дать мне какую-нибудь подсказку и терпеливо ждал, продолжая медленно крутиться на месте. Ничего, ничего... И наконец:

— Вот! — Возбуждение заставило меня выкрикнуть это в полный голос. Я поднял руку — или она поднялась сама? В этом я был не уверен — и ощутил внутреннее подтверждение этого направления, «нутром» почувствовал его. Я испытывал подобную инстинктивную уверенность и в прошлом, но сейчас это было намного сильнее. Мое Сознательное Я немедленно пусти-

лось в самые разнообразные сомнения: «Да это же глупо! Просто воображение. Ты ведь не можешь знать наверняка, просто гадаешь».

Не обращая внимания на эти мысли, я последовал за своей рукой, указывавшей чуть влево от тропы, поднимающейся к горному хребту. Когда я двинулся с места, мое чувство не исчезло и даже не ослабело. Я зашел далеко в лес, не стараясь удерживаться на тропе, и остановился. Я снова покрутился на месте, чувствуя себя слепым, опирающимся только на внутренние предчувствия. Возникло ощущение приближения к Маме Чиа, но потом меня опять переполнили сомнения.

Однако интуиция была сильнее этих возражений ума, и она подсказывала мне, что Мама Чиа уже близко. Сделав очередной оборот вокруг, я замер и двинулся вперед. Прямо передо мной было большое дерево, и я коснулся его рукой.

— Это было несложно. В следующий раз тебе придется действительно попотеть.

— Мама Чиа! — воскликнул я, отпрянув от неожиданности. Она сидела под деревом и улыбалась мне. — Я сделал это! Получилось! — От радости я начал подпрыгивать. — Я ведь не знал, где вы прячетесь, просто не мог знать, но я нашел вас!

Это в очередной раз доказало мне, что в мире, в человеке и во мне самом кроется гораздо больше, чем видимо глазу. По-настоящему доверившись своему Базовому Я, отстранившись от мешающих рассуждений Сознательного Я, я использовал все, что изучил за это время, и воплотил эти знания на практике.

— Невероятно! — повторил я. — Просто чудо! Галантно, хотя и не без усилий я помог Маме Чиа подняться и нежно обнял ее.

— Спасибо! Это действительно было чудесно.

— Базовое Я любит чудеса, — сказала она. — Вот почему сейчас ты испытываешь прилив энергии.

Впрочем, я уже почти остыл и заявил Маме Чиа:

— Я найду сокровище, где бы оно ни было спрятано. Но кажется, никакое золото мне уже не нужно: настоящее сокровище — это вы! Я хочу остаться здесь, на острове, с вами, сколько вы мне позволите, и помогать вам.

— Дэн, — ответила она, мягко обнимая меня за плечи, — это говорит о том, что ты уже близок к скачку, очень близок. Но я — не тот человек, которому тебе предназначено служить. Я — только промежуточная остановка, не против того, чтобы ты вспоминал меня с чувством благодарности, если сам того хочешь. Но я допускаю это не ради себя, а ради тебя, потому что любая благодарность открывает сердце.

В последних розовых лучах заката ее лицо, казалось, распространяет вокруг счастье и блаженство, многократно усиливая ту любовь, которую я испытывал к ней.

— А сейчас, — сказала она, — пришло время приступить к поискам сокровища.

Она снова присела на траву, вынула из сумки блокнот и ручку и закрыла глаза. Она сидела молча, равномерно и глубоко дыша, словно ожидая чего-то. Потом она начала писать своим дрожащим почерком — сначала медленно, затем все быстрее. Закончив, Мама Чиа протянула листок мне:

Под водой и в небесах,
В горных скалах и в лесах,
Верь себе и будь собой,
Вернись с сокровищем домой.
Тебе найти его помочь
Смогут утро, день и ночь.
А еще я подскажу:
Что вверху, то и внизу.
Если ты его найдешь,
то за море поплывешь. [\[12\]](#)

Я несколько раз перечитал написанное.

— Что это значит? — удивленно спросил я и поднял глаза. Мама Чиа уже исчезла. — Боже! Да как же вы это делаете? — завопил я, и мои крики эхом разнеслись по лесу. Вздохнув, я уселся и начал гадать, что же мне делать теперь.

Итак, мне предстоит отправиться на поиски сокровища — что-то вроде одиссеи. Пожалуй, разумно было бы хорошо выспаться и начать с утра. Но в загадке упоминалось, что я буду путешествовать «утро, день и ночь». С другой стороны, глупо начинать, не имея никакого представления, что, собственно, я собираюсь делать. Я еще раз перечитал стихотворение. Очевидно, мне предстояло побывать в горах и в лесу, а еще — «под водой и в небесах», и это меня совершенно озадачивало. Самой же загадочной была фраза: «Что вверху, то и внизу».

Внезапно, возможно стремясь найти хоть какую-то подсказку, я решил пройтись по лесу и поискать сам не знаю чего. На востоке, низко над горизонтом, висела полная луна, что позволяло мне неплохо видеть все вокруг.

— Один в лесу, во тьме ночной, играю в прятки я с луной... — замурлыкал я себе под нос, размеренно шагая по влажной, чуть светящейся в лунном свете тропке. Я чувствовал себя бодрым, внимательным и оживленным. С наступлением ночи лес изменился гораздо меньше, чем я сам. Загадочность испытания и непривычная обстановка заставили мое Базовое Я подняться на поверхность. Я наслаждался своим возбуждением.

У меня в животе возник теплый жар, который, по мере повышения объемов энергии, распространился и в область груди — от этого мне

хотелось запеть, словно птица.

— И-и-ха! — высоким фальцетом заорал я. Я чувствовал себя птицей, потом пришло ощущение силы, и я вообразил себя горной пумой, неслышно крадущейся в ночи. Я впервые сталкивался с таким захватывающим приключением.

Когда я начал подниматься выше, на моем лице и груди заблестел пот. Я не уставал поражаться загадочности жизни. Эта волшебная ночь была совершенно нереальной или, скорее, настолько же реальной, как сновидение. Что, если все это — лишь сон? Вдруг я все еще лежу на доске для серфинга в океане и в горячечном бреде представляю себя в чужом теле, живущим чужую жизнь. А может, я все еще в Огайо?

Я остановился и посмотрел на лес, раскинувшийся внизу. Листва темных деревьев отражала призрачный, серебряный свет луны. Нет, это не сон. На мне — реальный пот, в небе — настоящая луна, и я вполне по-настоящему устал. Скоро начнется рассвет. Горный хребет начинался прямо передо мной, до него оставалось не меньше получаса пути. Я прибавил ходу, стремясь добраться до вершины до восхода солнца.

Тяжело дыша, я взобрался на гребень скалы, нашел укромное место, растянулся на нем и проснулся только тогда, когда мне в глаза ударило солнце, стоящее уже почти в зените. Я встал, сладко потянулся и посмотрел вниз — подо мной был весь остров. Что теперь?

В этот момент в моей голове зазвучал голос Сократуса. Однажды он рассказывал мне о коанах, неразрешимых загадках, назначение которых в том, чтобы смутить сознательный разум. «Решение» или «ответ» заключается не в правильных словах, а в озарении, которое приходит к разгадавшему коан.

Интересно, не является ли загадка Мама Чиа коаном? Часть моего ума принялась созерцать эту возможность. Теперь она может заниматься этими размышлениями. Долгие часы, независимо от того, сплю я или бодрствую.

Потом я вспомнил о смещении формы. Мама Чиа назвала это «формой глубокого сопереживания». Ребенком я часто развлекался игрой в «что, если бы...»: «Что, если бы я был тигром? На что это было бы похоже? А гориллой?» В своих детских играх я подражал самым разным животным. Мои фантазии не отличались подробными

детальями, но испытываемые ощущения были вполне реальными. Может быть, стоит попробовать заняться подобным сейчас?

Как только мне в голову пришла эта мысль, я заметил альбатроса, поймавшего поток теплого воздуха и почти неподвижно парящего в небе прямо надо мной. Испытав легкий шок, я осознал, что на какое-то неуловимое мгновение стал альбатросом, увидел его глазами мир и самого себя, стоящего далеко внизу, среди скал, с поднятой к небу головой. С резким криком птица развернулась и, мощно размахивая крыльями, полетела вдоль берега прямо по направлению к городу, пока не превратилась в точку. Я понял, куда мне нужно отправиться — в Кау-накакаи. Как чудесно начался этот день!

Перед тем как спуститься, я еще раз любовался на остров Молокаи, купающийся в лучах тропического солнца. Как здорово, что я сразу отправился сюда, хотя сначала собирался лишь осмотреть всю территорию поисков. Прямо у своих ног я заметил перо альбатроса, подобрал его и ощутил, как во мне поднимается знакомое и древнее чувство, зовущее в путь. Впереди меня ждет приключение! Почему бы не начать его с небольшого ритуала?

Левой рукой я поднял перо высоко над головой, а правую опустил вниз, соединяя небеса и землю. Я выглядел похожим на одну из фигур магических карт таро, которые мне когда-то довелось рассматривать. Потом я медленно поклонился четырем сторонам света и попросил помощи в своих поисках у духов острова.

Базовое Я немедленно отблагодарило меня обновленными силами, и я спустился в лес так быстро, словно спланировал на крыльях, остановившись только однажды, чтобы сорвать несколько плодов папайи. Я разламывал и поглощал сочную мякоть прямо на ходу, забыв о хороших манерах, а косточки и кожуру аккуратно выбрасывал в кусты. Во мне появилась какая-то одержимость, и в одно мгновение я осознал, что уже не помню, куда направляюсь. Ах, да, в город!

Ливень начался как раз вовремя для того, чтобы смыть с моего лица и груди липкий сок папайи. Дождь сменился солнцем, которое высушило меня, а мягкий ветер расчесал мне волосы и бороду.

Я вышел на шоссе и почти сразу поймал попутку, которая помогла мне преодолеть половину расстояния до Каунакакаи в кузове грузовика, украшенного надписью «Ферма Молокаи». Остаток пути я

прошел пешком и почувствовал себя суровым горцем, когда неторопливо миновал въездной знак и угодил, так сказать, прямо в объятия своих недавних знакомцев и заклятых врагов — Пивного Брюха и его шайки.

Я был, мягко говоря, не очень готов к этому. Я шел целый день, подкрепившись только несколькими плодами, и чувствовал себя довольно усталым, — а теперь передо мной возникла перспектива получить хорошую взбучку; Когда Пивное Брюхо узнал меня, его круглую рожу медленно озарила недобрая улыбка, а пальцы начали сжиматься в кулаки, предвкушая сладкую месть. Я произнес, вложив в свой голос интонации Джона Вэйна, Гарри Купера, Маршалла Диллона и Юшнта Иствуда вместе взятых:

— Я слышал, вы хотели меня видеть, черви?

Это несколько ошеломило их и ненадолго остановило.

— Черви? — задумался Пивное Брюхо. — Он что, к нам обращается?

— Да, и я думаю, это невежливо, — пояснил Здоровый Парень из его свиты.

— Я плачу тебе не за то, что ты думаешь\ — заявил их бесстрашный вождь.

— Ты мне вообще ни за что не платишь, — ответил Здоровый Парень и с удивлением задумался над этим открытием. Я же в это время обозрел всю компанию и отметил, что самый маленький из стоящих передо мной «червяков» был выше меня сантиметров на десять и тяжелее килограмм на двадцать.

Пивное Брюхо собирался продолжить дискуссию, но вдруг вспомнил свое первоначальное намерение: стереть меня в порошок. Обычно до состояния белой пены взбивают сливки, но я выглядел для этой цели гораздо более соблазнительным. Думаю, он был несколько удивлен, уразумев, что случилось после того, как он двинулся вперед с твердым решением вытряхнуть из меня все внутренности.

Пивное Брюхо выбросил вперед кулак, но я без особых усилий пригнулся под ним, не забыв недавних тренировок. Я увернулся от еще одного удара, и от следующего, и так далее. Пивное Брюхо размахивал кулаками, как подающий в бейсболе, — прямые и обводящие удары, короткие и длинные выпады следовали один за другим. Но мое

Базовое Я хорошо усвоило уроки прошлого. «Приближается боль, уворачивайся!» — подстегивал я его и умудрялся избегать всех ударов.

Конечно, после одного урока Сея я не стал мастером рукопашного боя, но этот единственный урок оказался очень удачным. По правде говоря, мне показалось, что у Пивного Брюха практических уроков было ненамного больше — опытным уличным борцом он мне не показался.

Похоже, это начало доходить и до него самого, но он оказался настойчивым парнем. Его лицо побагровело, он пыхтел и отдувался. Он просто из кожи вон лез, пытаясь проучить этого хиппи, калифорнийского хаоле, но ему это никак не удавалось и, что самое ужасное, — не удавалось прямо на виду у его подданных.

Я продолжал уворачиваться, нырять под его кулаки и уводить лицо и живот от ударов. Мне становилось все легче это делать, я почувствовал себя ловким, как Брюс Ли, и даже успевал посылать мысленные благодарности Фуджи.

Потом я вспомнил слова, которые Сей сказал мне при последнем расставании: «Иногда лучший способ выиграть — потерпеть поражение». Я вдруг настроился на этого парня, который неистово рассекал воздух передо мной, ощутил то, что он чувствует, — и мне стало грустно. Это была его территория, а я вторгся на нее; умение драться было одной из немногих вещей, которыми он мог гордиться, но сейчас, на глазах его лучших и единственных друзей, наступал его крах. А я, как всегда, думал только о самом себе. Фуджи был прав. Важнейшей частью искусства самозащиты является понимание того момента, когда вообще не стоит защищаться.

Я остановил свои увертки, встал прямо и позволил правому кулаку Пивного Брюха, который предпринимал последние отчаянные попытки добраться до меня, врезаться мне в скулу. Кулак приблизился к моему лицу, словно летающий окорок. Я услышал сочный удар, от которого моя голова чуть не оторвалась от шеи. В глазах вспыхнули искры, и через секунду я обнаружил себя валяющимся на куче мусора.

Я присел и, потирая челюсть, сказал:

— Вот это ударчик! У тебя кулаки медные, что ли?!

Он сохранил свое достоинство. Я уже превратился в поверженного противника. Он торжественно приподнял кулак, и я увидел, как его лицо засияло от удовольствия:

— Эти кулаки — из железа, приятель!

— Помог бы мне встать, что ли? — попросил я, протягивая ему руку. — После такого удара мне не обойтись без кружечки пива, а ты его честно заработал. Пошли, угощаю.

Глава 21

Солнце в глубинах

*В подводных пещерах есть жажда,
есть любовь, есть экстаз.
Они тяжелы, как раковины,
но ты можешь удержать их в ладонях...*

*Джордж Сеферис, «Книга
упражнений»*

Он заколебался, но потом сжал мою ладонь и помог мне подняться.
— Со мной разоришься. Я могу выпить море пива. — Он улыбнулся, демонстрируя отсутствие двух зубов.

Мы направились к ближайшему заведению — вывеска над дверью гласила «У Духов». Я все еще потирал ноющую скулу, испытывая еще большую благодарность к скромному Фуджи, который дал мне такой мудрый совет. «Никогда не подозревал, что существует такой удивительный способ заводить друзей», — думал я.

И все-таки это мне удалось. Мы потягивали пиво, и Пивное Брюхо, которого, как оказалось, зовут Кимо, мне все больше нравился, и он, как оказалось, ответил мне взаимной симпатией. Когда у меня кончились деньги, остальные ребята понемногу разошлись, но Кимо продолжал сидеть за столиком и даже предложил выпить еще по бутылочке за свой счет.

— О, спасибо, Кимо, но я уже заполнен пивом до отказа. Послушай, — осенило меня, — ты не знаешь, где я могу одолжить лодку? — Я сам не понимал, почему мне в голову пришла эта идея, но позволил вопросу вырваться наружу.

К моему удивлению, Кимо, который до этого осоловело пялился на выбор напитков в баре, лениво потягивая пиво, неожиданно оживился. Его щеки порозовели, и он восторженно воскликнул, возбужденный, как первоклассник:

— Хочешь покататься на лодке? У меня есть лодка! Да я лучший моряк в городе!

Пошатываясь, мы в обнимку выбрались из пивной, а уже через полчаса трезвели под свежим морским бризом, преодолевая небольшое волнение океана на лодке Кимо.

— Я знаю одно место — клюет отлично! Любишь рыбалку?

Разумеется, вопрос оказался риторическим, как если бы он спросил меня, люблю ли я дышать. Я не в силах был ответить отказом.

— Не рыбачил уже целую вечность, — дипломатично ответил я.

К счастью, оказалось, что у него только одна удочка, так что Кимо занялся рыбалкой и погрузился в свой собственный мир, а я, довольный тем, что у меня есть компания, перегнулся через борт и принялся вглядываться в глубину.

Волнение прекратилось, и вода была гладкой, как зеркало, и прозрачной, как горный хрусталь. Я увидел стайки рыб, скользящих под лодкой, и мне стало интересно, на что это было бы похоже, если бы...

Без малейших сознательных усилий с моей стороны—возможно, секрет именно в этом и заключался — я обнаружил себя плывущим среди рыб. Вот на что это похоже — на полет! Рыбы ощущают море, как мы — воздух. Я испытал необычное чувство мастерства плавания: легкое намерение позволяло мне то лететь, словно торпеда, то мгновенно останавливаться и висеть в расслабленной неподвижности.

В расслабленной, но не дремлющей неподвижности! Я всегда был начеку. Здесь смерть могла прийти с любой стороны. Вдруг я увидел внизу огромную тень, и окружающие меня мелкие рыбки мгновенно рассыпались во всех направлениях. Море было миром непрерывного движения и размножения.

рождения и смерти, но, несмотря на эту подвижность» — царством красоты и покоя...

Я поднял голову, когда Кимо задумчиво сказал:

— Знаешь, Дэн, эта лодка и этот океан похожи на мою жизнь...

Я почувствовал, что он хочет поделиться со мной чем-то очень личным, и внимательно слушал его.

— Иногда она такая спокойная... вот как сейчас. Но иногда бывают штормы. Их нельзя удержать — можно только держаться на плаву, ворочать парусами, привязывать все веревками. Зато когда переживешь бурю — становишься сильнее... Понимаешь?

— Понимаю, Кимо. Моя жизнь тоже очень похожа на это.

— Правда?

— Конечно. Думаю, у каждого человека случаются такие штормы, — сказал я.

— А ты мужик нормальный. Раньше я так не думал, — усмехнулся он, — но теперь вижу, что ошибался.

— Ты тоже парень что надо, — улыбнулся я и при этом не кривил душой. После того, что я увидел в глубинах океана, Кимо казался мне каким-то другим.

Он, похоже, собирался сказать что-то еще, но колебался. Потом его нервы не выдержали, и он признался:

— Когда-нибудь я закончу школу и найду себе хорошую работу. И научусь правильно говорить, как ты, например.

Он замолчал. Судя по всему, ему хотелось услышать мое мнение.

— Ну, — сказал я, — любой, кто понимает море так же хорошо, как ты... Думаю, такой человек способен добиться всего, чего угодно, если по-настоящему захочет.

— Ты действительно так считаешь? — Его лицо расцвело от смущения.

— Конечно.

Он замолчал, погрузившись в раздумья и глядя на поплавок, поэтому я снова привалился к борту и продолжил созерцать прозрачные глубины океана. Через несколько минут Кимо решительно отложил удочку и поднял парус:

— Хочу показать тебе одно место.

Меня галсы, он ловко направил лодку к югу, и вскоре впереди показался риф, вершина которого едва возвышалась над поверхностью моря.

Кимо спустил парус, разделся, прыгнул в воду и поплыл. Он напомнил мне тюленя, неуклюжего на суше, но совершенно свободно двигающегося в море. Отфыркиваясь, он вынырнул у борта, подтянулся, схватил плавательную маску, показал мне на очки для плавания и крикнул:

— Давай, вылезай!

— С удовольствием! — с энтузиазмом заявил я.

Я был вспотевшим и грязным, поэтому мысль о купании была восхитительной. Я сбросил сандалии, носки и шорты, надел и пристроил на глазах очки и последовал за Кимо. Он плавно скользил в

прозрачной воде, направляясь прямо к прекрасному, острому, как бритва, коралловому рифу, гребень которого проходил метрах в трех от поверхности.

Кимо проплыл еще метров двадцать, потом остановился и, мягко покачиваясь на волнах, подождал, пока я не догоню его. Я плавал не очень хорошо, и к тому времени, когда добрался до него, уже чувствовал усталость. Когда он сказал: «Нырнем!», я заколебался, сомневаясь в своих силах.

— Подожди! — сказал я, задыхаясь и сожалея, что проводил так мало времени в бассейне колледжа. — А что там, внизу?

Кимо, чувствуя себя, в буквальном смысле слова, как рыба в воде, никак не мог понять, что меня смущает. Но, увидев на моем лице беспокойство, он растянулся на спине, как выдра, и объяснил:

— Там пещера. Никто не знает, кроме меня. Я хочу показать ее тебе.

— Но ведь это под водой. Чем же мы будем дышать?

— Конечно, нужно сделать глубокий вдох. Но потом, когда мы проплывем через туннель и окажемся в пещере, там будет воздух. — Он с восторгом поделился своим открытием.

Его восхищение не прибавило мне уверенности.

— А сколько нужно будет не дышать? — начал я, но он резко перевернулся и камнем нырнул вниз. Я видел, как он погружается все ниже и ниже в мерцающую глубину.

— Кимо! — закричал я. — Он длинный, этот туннель?

Конечно, он уже не мог меня слышать. Для принятия решения у меня были считанные мгновения. Последовать за ним или вернуться назад, в лодку? Последнее было безопаснее и, скорее всего, мудрее. Но во мне опять проснулся тот внутренний голос, который я слышал так часто: «Давай, сделай это!»

— Все, все, молчи! — взмолился я, сделал несколько частых и глубоких вдохов, погрузился в глубину и поспешил за Кимо.

Очки сидели плотно, и оказалось, что плыть под водой намного легче, чем удерживаться на поверхности. Все-таки регулярные дыхательные упражнения, которыми я занимался в прошлом, и даже те редкие, которые выполнял ежедневно, помогли мне. Я мог удерживать дыхание дольше, чем обычные люди, однако никогда не пытался упражняться в этом при погружениях на пятиметровую глубину, после

которых необходимо было проплыть сквозь туннель неизвестной длины.

Все вокруг было окутано призрачным рассеянным светом. Уши неприятно заложило от давления воды. Я зажал пальцами нос, сглотнул, а потом неистово ринулся вниз, стараясь не упустить из виду Кимо и полностью сосредоточившись на пещере, в которой будет воздух. Я увидел, как Кимо скользнул в большую дыру, зияющую в рифе, и нацелился на нее.

К моему отчаянию, туннель быстро сузился, и мне приходилось внимательно следить за острыми краями кораллов. В голове возник образ мурены, и я с опаской следил за многочисленными темными пятнами в стенах туннеля. Легкие начали требовать воздуха, но туннель оказался длинным, и я еще не видел его конца. Теперь он стал еще уже. Я осознал, что уже не могу развернуться, и испытал приступ паники. Мои легкие уже сокращались, и я изо всех сил стискивал зубы.

Наконец мелькающие впереди ноги Кимо исчезли вверх, и как раз в тот момент, когда мои губы готовы были разомкнуться и втянуть несущую смерть соленую воду, туннель резко повернул вверх, моя голова оказалась в прохладном воздухе подводного грота, и я начал судорожно хватать ртом воздух, захлебываясь им и кашляя.

Мое настроение значительно улучшилось. Все еще задыхаясь, я растянулся на каменном выступе, Оставаясь наполовину в воде.

— Ну, как тебе местечко? — гордо поинтересовался Кимо.

— Угу, — только и смог произнести я. Я пришел в себя и начал разглядывать лиловые, зеленые и голубые кораллы, окрашенные в настолько невероятные оттенки, словно были плодом фантазии голливудского декоратора. Потом я осознал нечто странное: сквозь единственное отверстие в своде пещеры пробивался тонкий луч света, но ведь весь риф скрывался под водой! Как же здесь могло быть отверстие?

— Видишь свет? — спросил Кимо. — Эта дыра закрыта чем-то вроде стекла. Свет пропускает, а воду — нет.

— Но как?..

— Давным-давно здесь жили ома, японские ныряльщики. Думаю, они нашли эту пещеру и вставили туда стекло, — пояснил он.

Я кивнул, но все еще был озадачен:

— Ну а как здесь появился воздух?

— Он сюда попадает несколько раз в год, во время сильных отливов. Иногда даже просачивается на поверхность. Я так и нашел эту пещеру — увидел пузырьки воздуха, поднимающиеся из дыры.

Я уже чувствовал себя вполне нормально, уселся на камне и наслаждался тем восторгом, который вызывала эта таинственная пещера, скрытая от всего мира. Мы с Кимо перемигивались, как мальчишки, играющие в заговорщиков в секретном домике на деревьях.

— Интересно, бывал ли здесь кто-то еще? — спросил я.

— Вряд ли. Только эти ама и я. — Кимо пожал плечами. После этого мы молчали, с благоговением рассматривая кораллы и впитывая энергию подводного грота, по стенам которого причудливо мелькал преломленный толщей воды солнечный свет.

Кимо улегся на спину и смотрел на своды пещеры. Я, осторожно придерживаясь за острые края, двигался вдоль стен, рассматривая кораллы вблизи. Кроме них, в этом подводном колоколе буйно росли морские водоросли. Именно они придавали пещере сверхъестественный зеленоватый оттенок.

Я развернулся, чтобы направиться назад, но моя рука соскользнула, и я инстинктивно вцепился в какую-то щель на уровне плеча. Я устоял на ногах, но мои пальцы наткнулись в этом углублении на что-то вроде камня. Я вынул его и с восторгом понял, что на моей ладони лежит крошечная статуэтка, хотя ее форма была искажена облепившими ее ракушками и водорослями.

— Ты только посмотри! — восхищенно воскликнул я. Он подошел ко мне и смотрел на фигурку с не меньшим удивлением.

— Похоже на скульптурку.

— Держи, — я вложил ее ему в руку. Мне не хотелось расставаться с ней, но он был хозяином этого места и всего, что в нем хранилось.

Он повертел ее в руках. Похоже, она ему очень понравилась, но у него тоже был свой кодекс правил:

— Нет. Ты ее нашел, значит, она твоя. Оставь на память. Я с благодарностью кивнул.

— Спасибо, что показал мне это чудо, Кимо.

— Только никому не говори, ладно?

— Унесу секрет с собой в могилу, — улыбнулся я, пряча статуэтку в плавках. — Не волнуйся, никто не узнает.

Дорога назад тоже стала испытанием, но не таким трудным, как первое: я уже знал длину туннеля, к тому же у меня было достаточно времени, чтобы, не торопясь, сделать хороший глубокий вдох.

Когда мы вернулись на берег, начало темнеть. Кимо настоял на том, чтобы я переночевал у него. Я познакомился с тремя его сестрами и четырьмя братьями, с двумя из которых, впрочем, уже доводилось встречаться на улице. Все они кивали мне, стараясь скрыть свое любопытство, и быстро проходили через гостиную, где расположились мы с Кимо. Он предложил мне пива — я согласился — и какую-то траву с едким запахом, которую он назвал «Мауи-Мозго дробилка». От «травки» я решительно отказался. Мы разговаривали до глубокой ночи, я начал понимать, насколько похожими могут быть души двух человеческих существ, совершенно разных на первый взгляд.

Перед тем как Кимо устроился на своей кровати, а я — на куче одеял, уютно разбросанных на полу, он поделился со мной еще одним откровением: всю свою жизнь он чувствовал себя непохожим на других людей, «будто с другой планеты, понимаешь?».

— У меня такое чувство, что мне нужно что-то такое сделать в жизни, только вот не знаю, что именно... — печально добавил он.

— Может быть, для начала закончить школу? — спросил я. — А потом пересечь все моря и океаны.

— Да, — мечтательно повторил он, закрывая глаза, — все моря и океаны!..

Погружаясь в сон, я вспоминал весь этот невероятный день, который начался на вершине горы, а закончился в подводной пещере. Я вновь задумался об украшенной ракушками фигурке, которая сейчас покоилась в моем кармане. Завтра нужно будет лучше ее рассмотреть.

Утром я попрощался с Кимо, вышел из его дома и вернулся на дорогу, ведущую через джунгли Молокаи к долине Пелекуну. У меня возникло ощущение, что «сокровище», о котором говорила Мама Чиа, состоит из множества крошечных кусочков, которые нужно собрать в разных местах и которые вместе составят единую мозаику. Я чувствовал, что если буду бдительным и открытым, если последую за зовом моего сердца, то найду остальные фрагменты этого сокровища, где бы они ни скрывались. И тогда меня подвозили фермеры, но большую часть времени я шел пешком по обочине шоссе, а потом

свернул на лесную тропу. Я думал о Кимо и о других людях, с которыми меня сводила жизнь. Вспоминая свое видение в огне костра, я размышлял об их жизненном предназначении, о той широкой картине, в которую складываются человеческие судьбы. Когда-нибудь я найду средства, которые позволят мне помочь им найти и понять это предназначение. Я был настолько уверен в этом, насколько вообще мог быть в чем-то уверен.

После наступления темноты я оказался в каком-то странном месте. Мне показалось, что я заблудился, и на меня нахлынула внезапная усталость. Не желая бродить по лесу кругами, я решил поспать прямо здесь до самого утра, а потом продолжить свое путешествие. Я лег на сухие листья и легко уснул, хотя во мне и возникло легкое беспокойство по поводу такого быстрого погружения в сон, смутное чувство, подсказывающее, что мне не стоит спать здесь. Однако эти ощущения были очень слабыми, и я списал все на усталость.

Ночью мне приснился странный и темный, но захватывающий и страстный эротический сон. Мне явился суккуб, опасная, но невыносимо соблазнительная женщина-соблазнительница, которая любила меня... до смерти. На ней была прозрачная голубая накидка, через которую просвечивала мраморно-белая кожа...

Я проснулся, вспомнил, где нахожусь, но леденящее чувство ужаса не исчезало, и, ощущая присутствие демона, я огляделся по сторонам и увидел среди деревьев женскую фигуру, завернутую в слабо светящуюся голубоватую ткань, которая неслышно летела ко мне по воздуху. Я еще раз посмотрел по сторонам и понял, что оказался на кладбище, в непомеченных могилах которого бились неуспокоившиеся души.

Волосы дыбом встали у меня на голове. Базовое Я кричало: «Беги отсюда! Быстра!»

Стройный и холодный призрак приближался, и я почувствовал, что страх и соблазн были единственными силами, которыми она пользовалась. Но я уже преодолел их однажды. Я вернулся из ада и рая, и теперь ни ужас, ни обольщение не имели надо мной власти.

— Ничего не выйдет! — твердо сказал я привидению. — Я не стану твоей добычей.

Я заставил себя подняться и медленно, не оглядываясь, покинул это жуткое место, зная, что призрак следует за мной почти вплотную.

В какой-то момент я почувствовал, что он бросил свои попытки и исчез, но я продолжал решительно идти по лесу остаток ночи. Теперь меня подгоняло иное чувство — возрастающее беспокойство, ощущение того, что я упустил нечто важное. Его значение ускользало от моего осознания, как забытое слово, которое крутится на языке.

Я вспомнил слова из загадки Мама Чиа: «Что вверху, то и внизу». Что бы это все-таки могло значить?

Я побывал в «выси», когда ночевал в горах. Я был внизу, в городе, и даже на «дне», в глубинах моря. И они были подобны друг другу. Что вверху, то и внизу. Не очень похоже на первый взгляд, но все же одинаково — потому что, где бы я ни оказывался, я был здесь. Сокровище крылось не в каком-то из этих мест, оно было во всем. Мама Чиа уже рассказывала мне ответ на эту загадку: оно внутри меня, в моем собственном сердце.

Это было гораздо больше, чем интеллектуальное понимание. Осознание этой истины пришло ко мне как переполняющая сила, экстатическое просветление. На какое-то мгновение я перестал осознавать свое тело. Я рухнул на колени на мокрую от росы траву. Я нашел сокровище, раскрыл важнейшую тайну мира. Во мне бурлили потоки энергии. Мне хотелось смеяться, плакать, танцевать и летать!

Но в следующий миг экстаз сменился внезапным и отчетливым чувством потери. И я понял, не зная почему, что Мама Чиа умирает.

— Нет! — крикнул я окружающим меня деревьям. — Нет! Не сейчас! Дождитесь меня, пожалуйста!

Я вскочил на ноги и помчался навстречу рассвету.

Глава 22

Жить до самой смерти

*Учителя становятся мостами,
по которым ученики могут перейти
пропасть.*

*После этого учителя уходят с радостью,
зная, что в мире будут возникать все
новые мосты.*

Никос Казандзакис

Не знаю, как долго я бежал по лесу, карабкался по скалам, спотыкался, падал, обдирая ладони и колени, вскакивал и снова бежал. Весь в грязи, измученный, покрытый засохшими пятнами крови и синяками, мокрый от пота и ливня, я в последний раз споткнулся и рухнул на нижнюю ступеньку хижины Мама Чиа спустя примерно два часа после рассвета.

Я поднял голову—из дома вышли Фуджи, Мицу, Джозеф и Сара, и Джозеф помог мне встать на ноги и войти. Мама Чиа лежала на усыпанной цветами постели, ее лицо было спокойным и умиротворенным.

Когда я на негнущихся ногах двинулся к ней, Джозеф отпустил меня, и все они остались стоять в дверях. Я опустился на колени, моя голова поникла, а по щекам потоком полились слезы. Я приложил лоб к ее руке, такой холодной, леденяще холодной...

Я не мог говорить и погладил ее по щеке, мысленно прощаясь и вознося небесам беззвучную молитву. Рядом со мной присела Мицу, тихо успокаивающая плачущую Сачи. Сара держала на руках спящего Сократуса, безмятежного в своем невинном непонимании происшедшего.

Джозеф стоял прямо, его глубокие глаза были черными от горя, но он продолжал ласково утешать безутешную Сару.

В долине царила печальная тишина, даже птицы умолкли. Из жизни ушел очень особенный человек, и вся природа пребывала в

скорбющем молчании.

На подоконник опустился Рэдберд, повертел головой во всей стороны и увидел Маму Чиа. У птиц есть свой крик горя, и мы слышали его, когда апапан опустился ей на грудь и издал этот особый, пронзительный звук. Он еще раз в отчаянии посмотрел на всех нас и мягко вылетел в окно, словно освободившаяся от брэнного тела душа.

Я вышел наружу и вдохнул теплый влажный воздух, который принес ветер с востока. Солнце было уже высоко в небе. Рядом со мной появился Джозеф.

— Она умерла спокойно, без боли, — тихо сказал он. — Мицу нашла ее всего час назад. Дэн, мы знали, что тебя здесь нет. Как ты узнал?

Я пристально посмотрел на него, и он нашел ответ в моем взгляде. Понимающе кивнув, Джозеф сказал:

— Недавно она оставила мне инструкции... О том, что делать с ребенком Тиа, и о других делах. Она хотела, чтобы ее тело кремировали, а прах похоронили на кладбище кахуна. Я займусь этим.

— Я помогу тебе, — сказал я.

— Конечно. Мы нашли здесь вот это. — Он вынул из кармана лист бумаги. — Похоже, она написала это сегодня ночью.

Я развернул листок. Рукой Мамы Чиа было написано всего три слова: «Друзья не прощаются».

Мы с Джозефом посмотрели друг на друга, улыбнулись, и наши глаза вновь наполнились слезами.

Я вернулся в хижину, сел у ее ног и просто смотрел на нее. Когда я был юным, смерть была мне совсем незнакома: телефонный звонок, письмо, сообщение в газете, торжественное уведомление о несчастном случае с человеком, которого я едва знал. Смерть была гостьей других домов, но не моего собственного. Умершие просто растворялись в памяти.

Но сейчас она стала реальной, и причиняла боль, острую, как удар ножа. Нависнув над телом Мамы Чиа, Смерть шептала в мой разум холодные и бесстрастные откровения о моей собственной брэнности.

Я гладил руку Мамы Чиа, чувствуя ту боль, которую не способна излечить никакая метафизическая философия. Я уже мучительно скучал по Маме Чиа, я физически ощущал пустоту, образовавшуюся во

мне после ее ухода, как если бы часть моей жизни была безжалостно вырвана. И я осознал, что в конечном счете мы действительно не в силах управлять этой жизнью, не способны остановить волны, неумолимо накатывающиеся на нас. Мы можем лишь учиться скользить на них, мириться с их мощью и использовать для роста своего мастерства. Следует принимать самих себя такими, какие мы есть, со всеми нашими сильными и слабыми сторонами, с нашей глупостью и любовью. Принимать все и всех. Делать то, что можем, и открыться всему остальному.

Кому-то может показаться странным, что я настолько привязался к женщине, которую знал так недолго. Но краткость нашего знакомства вызвала во мне лишь большее страдание, потому что даже за эти несколько недель во мне выросло огромное восхищение Мамой Чиа — ее добротой, смелостью и мудростью. Мне казалось, что я знал ее так мало, но в то же время — всю свою жизнь. Она была одним из любимейших моих учителей. И она ждала меня с самого моего рождения.

Джозеф связался с сестрой Мамы Чиа, а та, в свою очередь, сообщила печальное известие остальным родственникам. Тело покоилось в хижине в течение двух дней, как требовала Мама Чиа в своих указаниях. Утром, на третий день, мы были готовы к путешествию в долину Пелекуну, к священной роще кукуй и месту захоронения за ней. Катафалком стал старый грузовик Фуджи, который мы украсили венками и гирляндами цветов. Мы проехали по дороге столько, сколько могли. Сей вел грузовик, а за ним шли все мы — я, Джозеф, Сара, Мицу с младенцем, дети Джозефа, Виктор, племянник Мамы Чиа, другие родственники, а за нами — огромная процессия местных жителей, которым Мама Чиа помогала долгие годы.

Когда дорога закончилась, мы сняли с грузовика соломенный гроб — его сделали прокаженные из лепрозория, которые не могли покинуть территорию колонии и прийти на похороны, — и двинулись по скользким извилистым лесным тропам, мимо водопадов, пока не пришли в рощу кукуй, которую она так любила, а вечером завершили свой путь на кладбище кахуна.

Я почувствовал, как древний дух Ланикаула почтил Маму Чиа и пригласил всех нас на охраняемую им священную землю. Теперь они вместе будут вечно наслаждаться видом на свой прекрасный остров.

К ночи мы выстроили погребальный костер, разместили тело Мама Чи на ложе из листьев и цветочных лепестков и обложили гроб сухим хворостом. Когда все было готово, мы по очереди произнесли несколько прощальных слов.

Фуджи был парализован горем и не мог говорить. Мицу сказала:

— Мама Чи учила меня: «Нам не всегда дано совершать в жизни великие поступки. Но мы можем делать малое и вкладывать в него великую любовь».

Джозеф процитировал Будду.

— Принесение даров — святое деяние. Медитация и религия умиротворяют разум. Постигание великой истины ведет к нирване. Но самым величайшим, — по лицу Джозефа потекли слезы, — подлинно великим является любящая доброта.

Не отрывая печальных глаз от погребального костра, Сачи сказала:

— Я люблю вас, Мама Чи. Незнакомая мне женщина сказала:

— Мама Чи научила меня тому, что добрые слова кратки и их легко произнести, но их эхо разносится во Вселенной вечно

Она опустила на колени и склонила голову в молитве.

Когда подошла моя очередь, я понял, что мой ум совершенно пуст. До этого я немного продумал свои слова, но сейчас они улетучились. Я смотрел на костер, и в моей голове вихрем проносились воспоминания — встреча с Рут Джонсон на улице, вечеринка, лечение после моих страданий в океане... И ко мне пришли строки из Евангелия от Матфея: «Ибо алкал я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и Вы посетили Меня...».^[13] Я произнес их вслух.

Ко мне подошел Фуджи и, к моему удивлению, вручил мне факел.

— В своем завещании она просила, чтобы ты зажег погребальный костер, Дэн. Она сказала, что ты сможешь правильно выпустить ее.

Я крепко сжал в руке факел, осознав, что все, чему она меня учила, сводится к этой последней истине: «Живи, пока не умрешь».

— Прощай, Мама Чи, — громко сказал я и коснулся факелом сухих листьев и хвороста под гробом. На них тут же затанцевали языки пламени. Над телом Мама Чи, как бабочки, взмыли в воздух тысячи красных, фиолетовых, белых, розовых и желтых цветочных лепестков, а потом оно скрылось за стеной огня.

Когда в небо поднялись клубы дыма, я отступил от этого невыносимого жара. Глядя на людей, собравшихся вокруг костра в умирающих лучах солнца, я вспомнил любовь Мама Чиа к цитированию мудрых мыслей, и обнаружил, что произношу вслух слова Джорджа Бернарда Шоу, которые она как-то повторила: «К моменту смерти я хочу израсходоваться без остатка, потому что чем больше я работаю, тем полнее живу. Я наслаждаюсь жизнью во имя самой жизни. Она никогда не казалась мне «огарком свечи»; наоборот, для меня она — яркий факел, который мне довелось нести. И мне хочется, чтобы этот факел горел так ярко, как только возможно...»

Больше я не мог говорить. Я стал каким-то одержимым. Я плакал и смеялся, как смеялась бы Мама Чиа. Потом я упал на колени и склонил голову.

Мое сердце было открыто, а разум смолк.

Внезапно мне показалось, что я слышу голос Мама Чиа, ясный и четкий, как если бы она стояла прямо передо мной, и я поднял голову. Костер еще горел, и собравшиеся либо печально смотрели на него, либо сидели на корточках, опустив голову, и я понял, что этот голос звучит только в моей голове. Мама Чиа напевала мягким, даже веселым голосом:

Над могилой моей не стой.
Я не сплю, я осталась с тобой.
Я — шум ветра и шорох листвы,
я в бриллиантовом блеске травы,
Я — луч солнца на белых снегах,
я в осеннем дожде и в лугах.
Над могилой не плачь и не стой —
я жива, я осталась с тобой.^[14]

Мое сердце распаивается навстречу этим словам, а сознание переносит меня в место, где я никогда не был. Я ощущаю бренность существования и смерти как части великого цикла жизни. Я чувствую, что теряю рассудок от сострадания ко всему живому. Я одновременно падаю в бесконечные глубины отчаяния и возношусь к невероятным высотам блаженства, и эти два чувства сменяются во мне с невообразимой скоростью.

Это уже не остров Молокаи. Я стою в небольшой комнатке, которую видел, когда испытывал свою волю под водопадом. Резкий и едкий запах разложения, слегка скрашиваемый сладковатым ароматом благовоний, наполняет спертый воздух. Монахиня в слишком тяжелых для этой душной жары одеждах стоит у постели прокаженного. Я прикасаюсь к скользкому от мази лицу старика, но сейчас мое сердце любит его, сопереживает его страданиям и боли. В обезображенном умирающем прокаженном я вижу лица всех, кого люблю.

Я стою на Рю де Пигалль, наблюдая за жандармом, помогающим больному и пьяному нищему подняться в карету «скорой помощи». Я становлюсь этим полицейским и чувствую вонючее дыхание пьяницы. Вспышка огня — и я вижу этого несчастного ребенком, скорчившимся в углу от страха, а к нему с искаженным от злости лицом приближается огромный пьяный отец. Я ощущаю боль и ужас мальчика, бессильные слезы, градом катящиеся из его глаз. Я вновь становлюсь жандармом, поднимаю беднягу на руки и нежно несу к машине.

В следующий миг я сижу рядом с подростком в его спальне в богатом доме Лос-Анджелеса. Он торопливо втягивает в ноздри белый порошок, и я чувствую его чувство вины, отчаяние и ненависть к самому себе. Мое сердце раскалывается от сострадания.

Африка. Я вижу седого старика, мучительно медленно бредущего к умирающему ребенку с чашкой воды. Я кричу от боли, и мой голос бесконечно долго отражается от невидимых стен. Я плачу по голодному ребенку, по больному старику, по подростку-наркоману, по бездомному алкоголику, по усталой монахине и по умирающему прокаженному. Этот ребенок — мое дитя, эти люди — мои люди.

Я страстно желаю помочь им, облегчить страдания каждой несчастной души, но знаю, что там, где пребываю, могу лишь любить, сострадать и довериться мудрости Вселенной—делать то, что в моих силах, и открыться всему остальному.

В это мгновение я испытываю внутренний взрыв, переполняющая меня энергия стремительно направляет меня ввысь, я пронзаю свое сердце и перехожу к состоянию совершенного сопереживания чистому существованию.

Мое тело прозрачно и переливается невероятными цветами спектра. Снизу — красный, потом оранжевый, желтый, зеленый — и

ярко-золотой. Мое внутреннее зрение окутано голубой дымкой, я поднимаю глаза вверх, к центру лба, и вижу темно-синий, переходящий выше в фиолетовый...

Вне рамок личности, не заботясь о физическом теле, я парю в пространстве. Здесь Дух встречается с плотью, и отсюда я ясно вижу всю планету, которую мы называем «Земля». Она постепенно удаляется, превращается в крошечную точку вдали, потом вся Солнечная система становится лишь туманным пятнышком, потом и она теряется в миниатюрной галактике, и я оказываюсь там, где больше нет иллюзий пространства и времени, где есть только То, Что Есть: парадокс, юмор и перемены.

То, что следует за этим, я способен описать только такими словами: «Я был Един со Светом», но это объяснение — лишь пыль букв на страницах, потому что не было «Я», которое могло бы быть «Едино» с чем-то иным. Не было никого, кому принадлежит этот опыт. Попытки рассказать об этом мучали мистиков и поэтов многие тысячелетия. Как отразить яркие краски Ван Гога, рисуя прутиком на песке?

Вселенная сторела до пепла и поглотила меня. Не осталось никакого следа индивидуального — только Блаженство, Реальность и Тайна.

Теперь я понимаю пословицу даосов: «Кто говорит — не знает. Кто знает — не говорит». Это происходит не потому, что мудрые не желают говорить, просто это невозможно выразить словами. Слова не долетают до этого, как камень нельзя добросить до звезд. Если все это кажется бессмыслицей — пусть так. Но однажды — и, быть может, этот день очень близок — вы поймете все сами.

Я вернулся в пространство и время. Я потерял всякую ориентацию, меня вращало и несло в космосе с бешеной скоростью. Потом я внезапно оказался здесь, на Земле, стоя на коленях перед потухшим погребальным костром Мамы Чиа, под темными облаками, стремительно проносящимися по лику луны. Земля блестела от недавнего ливня, и я почувствовал, что промок до нитки. Капли дождя затушили последние угли костра. Мне казалось, что прошло лишь несколько мгновений, но на самом деле миновало уже несколько часов.

Все уже разошлись, и со мной остался только Джозеф. Увидев, что я поднял голову, он подошел ко мне и спросил:

— Как ты, Дэн?

Я все еще не мог говорить, так что просто кивнул ему. Он нежно потрепал меня по голове, и я ощущал, как через его пальцы в меня проникает любовь и сопереживание. Он понял, что я хочу остаться здесь еще немного, поэтому бросил последний взгляд на пепел и ушел в лес.

Я сделал глубокий вдох, втянув в себя влажный аромат тропиков, смешанный с горьким запахом дыма. Все казалось мне нереальным, словно я просто играл свою роль в вечной драме, и это измерение Вселенной было лишь крошечным действием на одной из бесконечного числа сцен, созданных Богом.

В моем разуме медленно начали возникать вопросы, потом мысли потекли быстрее, и я уже полностью пришел в себя, вернулся к своему уму, телу и окружающему миру. Что же все это значило?

Может быть, это было «место вне пространства и времени», о котором мне говорила Мама Чиа. В то время ее рассказы звучали для меня как пустая абстракция, потому что в моем опыте никогда не было ничего подобного. Теперь они превратились в живые, реальные описания. Она говорила: «В этом месте ты можешь встретиться с кем только захочешь». Мне так хотелось вновь оказаться там, еще раз почувствовать эти невыразимые ощущения.

Я, пошатываясь, поднялся — ноги дрожали, — прислонился к дереву и простоял так, глядя в небо, пока над лесом не опустилась тьма. Я повернулся и направился по тропе вглубь леса. Далеко в горах я видел отблески факелов.

Но что-то не позволяло мне уйти. Это чувство было очень четким, поэтому я вернулся, сел под деревом и начал ждать. Я просидел там всю ночь, иногда дремал, потом вновь просыпался. Это было похоже на продолжительную медитацию, хотя большую часть времени мои глаза были открыты и смотрели в темноту.

Как только кладбище озарилось первыми лучами солнца, передо мной появилась Мама Чиа. Она выглядела так же, как всегда, но ее тело было полупрозрачным. Возможно, этот образ возник только в моем разуме.

Так или иначе, но она стояла передо мной, улыбаясь, подняла руку и показала вправо, в сторону холмов, где была видна плотная стена деревьев.

— Вы хотите, чтобы я отправился туда? — вслух спросил я.

Она еще раз безмятежно улыбнулась, но ничего не ответила. В глаза мне ударило солнце, я прикрыл веки, а когда открыл их опять, Мама Чиа уже исчезла.

Моему измененному — или очищенному? — восприятию все это казалось вполне нормальным. Я медленно встал и направился в указанном направлении.

Я пребывал под влиянием недавних событий и откровений, поэтому слепо, напролом пробивался сквозь густые кустарники, несколько раз сильно порезавшись об их острые колючки. Наконец, чаща передо мною открылась, и я оказался на незнакомой узкой тропе.

Глава 23

Урок одиночества

*Мы должны пройти сквозь одиночество и трудности,
сквозь уединение и тишину,
чтобы найти то волшебное место,
где мы можем плясать свой неловкий танец
и петь свою печальную песню.
Этот танец и эта песнь являются древнейшими ритуалами,
с помощью которых сознание приходит к осознанию собственной человечности.*

Пабло Неруда

Тропа привела меня к крошечной хижине, не больше трех метров в длину и ширину. Я вошел в нее и осмотрел обстановку. В хижине царил полумрак, и она освещалась лишь несколькими тонкими лучами света, проникающими сквозь соломенную крышу и щели в стенах. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел длинный ствол бамбука, опускающийся с крыши к большому деревянному желобу, укрепленному на стене. Очевидно, полая трубка предназначалась для сбора дождевой воды в своеобразный умывальник. В противоположном углу этого спартанского жилья я заметил темную дыру в полу, игравшую, судя по всему, роль туалета, а рядом с ней стояло ведро для воды. Постель из толстого слоя листьев располагалась прямо на земляном полу.

Простое устройство хижины свидетельствовало, что она служила местом уединения и отшельничества. Я решил остаться здесь> пока не получу очередного знака, подсказывающего мне дальнейшие действия.

Я прикрыл дверь, усталю упал на листья, закрыл глаза, но тут же ощутил чье-то присутствие и быстро вскочил. Передо мной, скрестив ноги, словно в медитации, сидела Мама Чиа, но ее глаза были открыты

и сияли. Я чувствовал, что она хочет что-то сказать мне, поэтому терпеливо ждал, стараясь не спугнуть это видение.

Она плавно махнула рукой, ее образ начал медленно таять в воздухе, и я услышал слова:

— Все — сон во сне...

— Я не совсем понимаю, Мама Чиа. Что это значит? — тихо прошептал я.

— Мы припаем всему собственное толкование, — призрак Мамы Чиа полностью растворился.

— Подождите! Не уходите! — выкрикнул я.

Мне хотелось прикоснуться к ее лицу, обнять ее, хотя я понимал, что это неуместно и невозможно.

Глядя в полумрак, я услышал ее последние слова, которые будто принесло эхом:

— Все хорошо, Дэн. Все будет хорошо... Наступила полная тишина.

Она ушла навсегда — я чувствовал это своим сердцем. Что мне делать теперь? Как только я задал самому себе этот вопрос, в моем разуме возник ответ: ничего — просто размышлять, пока не придет ясность.

Я оценил то, чем сейчас располагаю: у меня нет еды, но это случалось и раньше. Мое Базовое Я уже не боялось голода, а воды в деревянном желобе было вполне достаточно.

Я несколько раз энергично потянулся, уселся поудобнее и закрыл глаза. Скоро в моем уме сами по себе возникли фрагменты воспоминаний, образов и звуков, которые позволили мне заново пережить все свои приключения.

Я вспомнил слова Мамы Чиа: «Путешествия по миру, в лучшем случае, лишь отражают путешествие внутрь себя, а в худшем — подменяют его. Мир, в который ты отправляешься на поиски, содержит только символы, но не цель твоих исканий. Священное мистическое путешествие происходит во внутреннем мире. Перед тем как найти свою цель во внешнем мире, найди ее в себе. Иначе учитель может окликнуть тебя, но ты пройдешь мимо него, не услышав призыва».

«Когда ты научишься путешествовать по пространствам мира своей души, твое сознание превзойдет границы пространства, времени

и твоего физического тела».

Хотя я слышал это раньше, но только сейчас понял смысл сказанного. Прежде чем я смогу продолжить свое путешествие по земле, мне необходимо исследовать собственную душу. Удастся ли мне сделать это? Сможет ли мое осознание проникнуть так глубоко внутрь себя и достичь восприятия за пределами физических ощущений?

Я сосредоточенно размышлял об этом всю ночь и весь следующий день. Я нашел Маму Чиа в лесу. Я знал, что во мне, как и в каждом человеке, таятся скрытые способности. Но как их обнаружить? Как привести их в движение, почувствовать, использовать?

Сократус как-то сказал, что «воображение — нечто большее, чем обычное зрение». Он добавил, что оно «мост к ясновидению, первый шаг к нему. Расширяясь, оно становится чем-то иным. Воображение подобно гусенице; освободившись от кокона, оно превращается в порхающую бабочку».

Нужно начать с этого. Я закрыл глаза и позволил внутренним образам свободно течь перед моим взором: роща кукуй, подводная пещера Кимо, пальма перед хижиной Мамы Чиа, толстый переплетенный узлами ствол баньяна. Потом я увидел свою дочь, Холли, которая сидела на полу своей комнаты и тихо играла в куклы. Я ощутил горький привкус печали, вызванный мыслями о карме людей этого мира, и отправил своей дочурке мысленное послание любви, надеясь, что она сможет почувствовать его. Я послал такое благословение и Линде, а потом вновь отпустил свое воображение.

Всю ночь я провел в живых снах. Это было не удивительно, учитывая впечатления от недавних событий. Я посещал незнакомые места, миры и иные измерения, краски, чистота и богатство которых вызывали у меня благоговение. Но, разумеется, все это были лишь сновидения — по крайней мере, так я считал...

Дни текли незаметно, да и сами понятия дня и ночи потеряли для меня значение. Разница была только в оттенках темноты, окружающей меня.

Утро пятого дня (если я не ошибался в своей оценке времени) принесло глубокое ощущение ясности и покоя. Спазмы голода совершенно исчезли. Я принимал различные позы йоги, а потом мое внимание привлекли пятнышки света на стенах, которые показались мне похожими на звезды ночного неба, и я использовал их для

медитации. Я медленно и глубоко дышал, эти звезды на стенах растворились в темноте, и теперь я видел только собственный разум, сияющий во тьме, как волшебный фонарь. Меня вновь завертело в круговороте образов и звуков. Я провел весь день, упершись взглядом в стену. Когда мое осознание настроилось на более тонкие энергии, скука полностью развеялась, и я бесстрастно отметил, что, даже если у вас нет телевизора, можно найти не менее захватывающие развлечения.

Вновь потекли дни, и следующий был точно таким, как предыдущий. Я растягивался, сосредоточенно дышал и наблюдал за шоу, которое разыгрывалось моим воображением. Лучики солнца, призрачный свет луны, светлые пятна, незаметно ползущие по стенам и по полу... Время шло мягко и бесконечно медленно. Я вошел в особенный ритм тонких энергий и парил в океане тишины, гладь которого лишь изредка нарушалась всплесками сознательной активности разума.

Внезапно что-то изменилось, словно непрерывный натиск моего осознания наконец разрушил передо мной стену, открыл врата. Я осознал, что сотрудничество Базового и Сознательного Я является ключом к дисциплине, целеустремленности, исцелению, воображению, интуиции, смелости, постижению нового и личной силе. За эти несколько мгновений я словно проглотил целую энциклопедию метафизики.

Однако теперь я был похож на ученика чародея, который заколдовал себя, но не знает, как вернуться к прежнему облику. Я не мог восстановить свое нормальное состояние. Воображаемые картины продолжали переполнять мой разум, и я уже чувствовал, что перегружен ими. Мои легкие сокращались, словно кузнечные меха, я дышал все глубже и быстрее, но энергия во мне продолжала прибывать, и мне казалось, что я сейчас взорвусь.

Кожу на лице стянуло, губы ввалились внутрь, и, к моему удивлению, я зарычал, как волк. Тогда мои руки сами собой сложились в мудру — одну из поз йоги, которым я научился в Индии.

В следующее мгновение мой разум застыл, и я оказался в лесу. Прямо передо мной стояли три «Я»: ребячливое Базовое Я, робот Сознательного Я, а Высшее Я, существо, играющее всеми цветами

радуги — розовым, темно-синим и фиолетовым, — нежно обнимало их руками.

Потом все три «Я» слились.

Я увидел свое собственное тело — полностью обнаженное, освещенное бледным светом луны, с разведенными в стороны руками. Область живота излучала красноватое сияние, голова представляла собой шар белого света, а над головой бушевал вихрь, переливающийся самыми невообразимыми цветами.

Я вошел в физическое тело, стоящее передо мной. Я полностью соединился с ним, ощущая единство всех его частей. Я чувствовал силу, вырывающуюся из района пупка, чистоту осознания, ясность разума и одухотворяющий призыв Духа.

Длительная подготовка привела меня к полному единению: три «Я» стали одним. Пришел конец внутренним сражениям, внутреннему и внешнему сопротивлению, и внимание совершенно естественно перешло в мое сердце. Все мысли и образы, возникающие в моем уме, растворялись там, в чувствах любви и самопожертвования. Я стал точкой осознания, которое покоилось в области сердца, но одновременно пребывало за моими бровями, в макушке головы и выше нее.

Я чувствовал, как целительный, любящий свет Высшего Я окружает меня со всех сторон, обнимает меня, пронизывая каждую клеточку моего существа вплоть до отдельных атомов. Я слышал его призыв и видел мост света, протянувшийся от той точки осознания, которое было мной, к Высшему Я, расположенному над моей головой. Я ощущал его силу, мудрость, нежность, смелость, сочувствие и милосердие. Я осознал его связь с прошлым и будущим, его вечное настоящее.

Еще один призыв, и я почувствовал себя точкой света, поднимающейся по этому мосту вверх, к сознанию моего Высшего Я. Я переместился в этот вихрь радуги и теперь видел свое тело внизу, под собой. Мое личное сознание и осознание Высшего Я проникли друг в друга, и я впитал в себя его безмятежность, мощь, мудрость и сострадание.

Теперь я знал все, что знает оно, чувствовал то, что оно ощущает. Я качался на блаженных волнах безграничной любви. Я видел энергии

ангелов, управляющие моим телом, и понял все величие возможностей, предоставляемых телесным воплощением.

В этот миг я осознал присутствие вокруг моей физической формы других светящихся существ. Счастье и радость переполнили меня, когда я понял, что знаком с этими существами с самого детства, но обычно не замечал их присутствия. Одни из них были моими соратниками-учениками, другие — образами, знакомыми по забытым сновидениям, — ангелы, целители, руководители и учителя — вся моя духовная семья. Я ощущал их любовь и знал, что с этого момента никогда больше не буду чувствовать себя одиноким.

Затем вперед выступил Ангел Судьбы и поднял руки, чтобы показать мне направляющие меня символы. Когда сияющие руки приблизились ко мне и раскрылись, я увидел его дары: вспышку молнии, а рядом с ней — пылающее сердце. По том на ладонях Ангела возник золотой орел, сжимающий в когтях лавровый венец. Я узнал в этих символах отвагу и любовь, знаки Мирного Воина.

Последним даром Ангела оказался вспыхивающий образ самурая. Его меч покоился в ножнах, висящих на боку, а сама фигурка не стояла, но склонилась в медитативной позе. Хотя я не мог видеть глаза воина, я чувствовал, что они широко раскрыты и сияют небесным светом. Образ померк. Я поблагодарил Ангела Судьбы за его дары, он поклонился, отступил назад и тоже растворился.

Пребывая в сознании Высшего Я, я знал, что ангелы мудрости, исцеления и чистоты всегда находятся рядом с каждым из нас. Я мог видеть прошлое и будущее, я был способен послать импульс любви любому живому существу во Вселенной. Без каких-либо усилий я мог расширять пределы своего видения, выходить в измерения вне рамок моего физического тела, парить над всем миром, зоркий, как орел.

Когда я сделал это открытие, что-то вернуло меня обратно в физическое тело. Я почувствовал, как мое осознание скатывается по светящемуся мосту к центру лба, и тогда вновь ощутил сигналы своей нервной системы, звуки и запахи вокруг, биение собственного сердца.

Я был бодрым и спокойным. Я открыл физические глаза, продолжая испытывать прилив энергии и волны блаженства. В этом состоянии сновидения наяву я нацарапал на полу хижины следующие строки:

Нет пути к покою — Покой есть Путь. Нет пути к счастью — Счастье есть Путь. Нет пути к любви — Любовь есть Путь.

Это не было поэтическими изысканиями. Это было ясное и молчаливое осознание истины.

В следующие дни, пребывая в относительно нормальном состоянии сознания, я начал видеть ясные образы происходящего за пределами хижины, по всему миру. Теперь мое «воображение» было способно привести меня намного дальше, чем я мог предположить вначале, — в любой мир, в любую реальность. Физический мир был лишь одним из этих царств, точкой опоры.

Моей площадкой для игр стала вся Вселенная, с ее бесконечными измерениями, временами и пространствами. Я мог стать рыцарем средневековой Европы или космическим путешественником пятидесятивосьмимерного пространства. Я мог посещать иные планеты или проводить время в молекулах медной монеты, потому что осознание, которое представляет собой каждый из нас, не ограничено ни временем, ни пространством.

Целыми днями я путешествовал по этому неиссякаемому Космосу — летел сквозь невиданные леса и диковинные пейзажи. Каждый день я навещал свою дочурку и видел, как она играет, читает или спокойно спит. Я уже не был ограничен физическим телом и теперь познал материальный мир как одну крошечную часть доступной мне бесконечности миров. Отныне я никогда не почувствую себя в плену стен и потолков, костей и смертной плоти.

Я вспомнил, как Мама Чиа рассказывала мне:

— Ты можешь говорить: «мое тело», потому что ты — не тело. Ты можешь говорить: «мой разум», «мой Я», «моя душа», потому что ты — ни одно из этого. Ты — чистое Осознание, просвечивающее сквозь физическое тело, но остающееся при этом незамутненным и вечным.

— Осознание преломляется сквозь призму души и становится тремя лучами света — тремя Я, — каждый из которых обладает своей формой осознания, присущей целям, функциям и сфере ответственности этого луча.

— Базовое Я заботится и защищает физическое тело, и при взаимодействии всех трех Я обеспечивает тебе опору и равновесие. Оно — фундамент и носитель для души, путешествующей в этом мире. Оно соединяет Сознательное и Высшее Я с землей, как корни

дерева. — Сознательное Я направляет, воспитывает и убеждает Базовое Я, оно объясняет ему смысл происходящего вокруг, как родители опекают свое дитя, обучает его лучшим способам служения тебе в телесном воплощении. Но этот родитель должен научиться внимательно и с любовью прислушиваться к своему ребенку, поощрять в нем дух индивидуальности и рост осознания. Материнство и отцовство — самые священные формы развития этой чуткости.

— Высшее Я излучает любовь, вдохновение, одухотворение и вызывает в Сознательном Я вспышки просветления, поднимая его ввысь, к Духу. Оно не старается насильно ускорить темпы развития Сознательного Я и терпеливо ожидает, неизменно любящее и понимающее.

— Каждое из трех Я помогает другому, и они должны прийти к полному взаимопониманию, слиться вместе, образовав Единое, которое намного больше, чем сумма его частей.

Словно проясняя эти слова Мамаи Чиа, в моем разуме само собой возникло мистическое видение. Я увидел монаха, который поздней осенью брел у подножия величественной горной гряды. Поднялся порывистый холодный ветер, который принес с собой яростный дождь и срывал с деревьев красные, желтые, оранжевые и зеленые листья, укрывающие землю разноцветным ковром. Пытаясь укрыться от разыгравшейся стихии, замерзший монах забежал в пещеру.

В пещере он столкнулся с огромным медведем. Они посмотрели друг на друга, и в течение нескольких мгновений парализующего ужаса монах прощался с жизнью. Медведь медленно приближался, и монах сказал: «Давай поможем друг другу, Брат Медведь. Если ты позволишь мне остаться здесь вместе с тобой и будешь собирать хворост для костра, я буду каждый день печь для тебя лепешки». Медведь согласился, и они стали друзьями — человеку было тепло, а медведь всегда был сыт.

В этом видении медведь олицетворял Базовое Я, а монах — Сознательное. Огонь, лепешки и пещера были благословением Высшего Я. Каждая часть в человеке служит двум другим.

После многих дней путешествия внутрь себя, очнувшись от своих видений, я вернулся на землю, к своей человеческой оболочке. Я испытывал радость и удовлетворение.

Я вспомнил о последнем даре, который преподнес мне Ангел Судьбы. Прежде чем уснуть, я попросил свое Базовое Я открыть мне, в чем заключается значение этого дара, и показать мне путь к пониманию этого символа.

Утром я получил ответ на этот вопрос: мое подсознание посоветовало мне осмотреть фигурку, которую я нашел в подводном гроте. Все свободные концы наконец сошлись воедино, и я понял, что мне пора покинуть эту хижину.

Я вышел наружу и чуть не ослеп, когда мне в глаза вонзился яркий свет солнца. Я жадно вдыхал запах леса, орошенного недавним ливнем. Я оставался в своем затворничестве двадцать один день.

Слабый от голода, я медленно брел по холмам, чувствуя себя так, словно состою не только из костей и плоти. Я ощущал себя новорожденным, только что покинувшим соломенное чрево своей хижины. Глубоко вдыхая свежий воздух, я заново постигал образы, запахи и звуки, окружавшие меня, словно видел все это впервые.

Я знал, что интенсивность восприятия, умиротворенность и блаженство, которые я испытываю, скоро пройдут. Как только я вернусь в повседневность, ко мне придет мое обычное состояние, но в этом не было ничего плохого. Я принял свое человеческое состояние. И, подобно Маме Чиа, я буду жить, пока не умру. Но сейчас я наслаждался в океане счастья и экстаза перерождения моего сознания.

Когда я проходил мимо деревьев папайя, с ветки одного из них упал плод. Я подхватил его на лету, улыбнулся и поблагодарил Дух за все его подарки, великие и малые. Медленно пережевывая сладкую мякоть, я втягивал тонкий запах плода.

Неподалеку я заметил крошечный зеленый побег, пробивающийся сквозь красноватую почву ввысь, к солнцу. В семени этого маленького ростка скрывалась зрелость сильного дерева, все законы мироздания. Все мы вырастем, как это семя.

Базовое Я расширит и очистит свое осознание, приблизившись к уровню Сознательного Я.

Сознательное Я, отдавшееся законам Духа, поднимется, проникая через сердце в Высшее Я.

Высшее Я, объединившееся со своими братьями, вернется к самому источнику единства, к Свету Духа.

Все высшее поднимает и направляет низшее. Все низшее поддерживает высшее.

Если слабый росток может открыть такие тайны, то какие же откровения когда-нибудь преподнесет мне бескрайнее небо? Что смогут рассказать камни, что нашепчут деревья? Чему научит звенящий родник? Какую древнюю мудрость поведают горы? Мне так много предстоит узнать, столько нового ждет меня впереди!

Что же изменилось во мне? Я вспомнил историю об Олдосе Хаксли. Когда он был пожилым человеком, один из друзей спросил его:

— Профессор, чему научили вас все ваши духовные искания и практики?

Усмехнувшись и подмигнув приятелю, Олдос ответил:

— Пожалуй, я стал немного добрее.

Крошечные вещи способны привести к огромным переменам. Я вздохнул от сострадания к тем людям, которые погрязли в мелочах своей жизни, которые, подобно мне вчерашнему, утратили способность видеть широкую картину мира, потеряли ощущение освобождающей истины, лежащей в основе нашей жизни.

И я вспомнил последние слова Мама Чиа: «Все будет хорошо, Дэн. Все будет хорошо».

Мое сердце открылось, и по лицу покатались слезы счастья и печали за тех, кто все еще чувствует себя одиноким, заброшенным, запертым в собственной хижине затворника. Я рассмеялся от радости, потому что теперь с абсолютной уверенностью знал, что они, эти люди, непременно встретятся с тем, что увидел я, что они обязательно смогут пробудить в себе любовь и обрести поддержку Духа.

Рано или поздно, каждый человек проснется и увидит мир глазами своего сердца

Эпилог

Друзья не прощаются

Не нужны ни географические карты, ни философские рассуждения.

Отныне и вовек, единственным направлением движения является сама Вселенная;

Акшара Нур

Вернувшись в свою хижину на поляне, я немедленно вынул из рюкзака покрытую ракушками фигурку из пещеры Ки-мо. Несколько часов я осторожно снимал со статуэтки налет, нанесенный морем, с помощью своего швейцарского армейского ножа. После долгих промываний и соскабливаний я начал различать фигуру воина-самурая, склонившегося в медитации. Внезапно я ясно понял смысл этого символа — следующий шаг моего путешествия, Япония, где мне предстоит найти тайную школу.

Той ночью мне приснился старик-японец с лицом мудрым и печальным, словно что-то тяжелым камнем лежало у него на сердце. За его спиной в воздухе кувыркались ловкие воины. Я знал, что я найду этого старика — не только для того, чтобы получить от него знания, но и для того, чтобы служить и помочь ему.

Я тихо, без церемоний попрощался со всеми друзьями, которые давно стали дорогими моему сердцу, — с Джозефом и Сарой, Сачи и малышом Сократусом, с Фуджи, Мицу и их младенцем, с Маноа, Тиа и со всеми остальными — ко всем я испытывал глубокую привязанность и нежность.

Джозеф рассказал мне, что лодочка, которую Мама Чиа приготовила для меня, находится в маленькой бухточке, скрытой за деревьями Калаугапа, колонии прокаженных. В этот раз я позаботился о том, чтобы у меня было достаточно провианта. Теплым ноябрьским утром, с рассветом солнца, я сунул свой рюкзак под сиденье, протацил

лодку по песку, столкнул ее в тихий залив и забрался внутрь. Мягкое течение подхватило меня, а свежий бриз сразу наполнил парус.

Качаясь на мощных волнах океана, я смотрел, как ливень стекает по прибрежным скалам мириадами ручейков, кое-где сливающихся в неистовые водопады, окруженные радужными облаками тумана, которые низвергались в прибой.

В небе возникла прекрасная радуга, крутой дугой соединяющая противоположные стороны острова. Я бросил последний взгляд в сторону берега и увидел фигурку крупной пожилой женщины, стоящую у стены леса. Она взмахнула рукой на прощанье и исчезла в тумане дождя.

Теперь я смотрел только вперед, в направлении ветра, несущего меня по проливу к острову Оаху.

Позади, в безбрежных просторах Тихого океана, таял крошечный остров Молокаи, на котором под руководством неожиданно возникшего учителя я узрел невидимые миры, обрел широкий взгляд на этот мир и новые глаза, не знающие одиночества, не разделяющие понятия «я» и «другие», свет и тень, внешнее и внутреннее. Теперь все для меня было наполнено Духом, и это видение будет озарять мой путь всю оставшуюся жизнь.

Я знал, что просветление и необычайные опыты поблекнут, что скоро во мне вновь проснется беспокойная одержимость исканий, потому что мое путешествие еще не закончилось — вовсе не закончилось. Я вернусь домой, чтобы повидать свою дочь, решить неотложные повседневные дела, привести все в порядок — просто на всякий случай. А потом я снова отправлюсь на поиски и найду тайную школу в Японии, и мне откроются скрытое прошлое Сократуса и Мама Чи — и мое собственное будущее. Смело доверив свою жизнь ветру, я вновь последую зову Духа.

Остров уже полностью скрылся в облаках, укрывших горизонт. Парус раздулся от резкого порыва ветра, и воздух наполнился сладким ароматом. Я поднял голову и с восхищением увидел миллионы разноцветных цветочных лепестков, опускающихся вокруг меня с неба. Ошеломленный этим чудесным зрелищем, я зажмурился, а когда открыл глаза, лепестки исчезли. Было ли это лишь видением? Впрочем, так ли это важно?

Улыбаясь, я вглядывался в бесконечный океан. В сотне метров от меня в волнах плескался горбатый кит, которого очень редко можно встретить в этих широтах. Он выпускал фонтаны воды, и океан кипел под могучими ударами его волшебного хвоста. Мою лодку подхватили высокие волны, они подталкивали ее вперед, к дому. И я с радостью подчинялся их воле. Я знал, что как океан несет эту крошечную лодку, так Дух вечно несет каждого из нас вперед, неуклонно приближая к нашему истинному дому, к Бесконечному Свету.

Примечания

1

Самая знаменитая ченнелинговая книга в мире («Курс Чудес», или «Курс в чудесах», или, может быть, «Путь среди чудес»), а также широко распространенное во всем мире духовное течение, основывающееся на практиках, описанных в этой книге. — *Прим. ред.*

2

Шаман использует магические приемы, чтобы лечить людей, обнаруживать потерянные или спрятанные вещи, предсказывать будущее и управлять событиями, влияющими на человеческую жизнь. В состоянии транса шаманы способны связываться с духами природы и другими невидимыми союзниками и врагами. — *Прим. Автора*

3

Уединенная обитель, жилище людей, посвятивших свою жизнь религиозной жизни; место, в котором учитель живет вместе со своими учениками. — *Здесь и далее прим, перев.*

4

Одна из шести ведических философий Индии, признающая единую, монистическую Реальность.

5

Течение человеческого существования в цепи перерождений.

6

В буддизме: освобождение от перерождений, окончательное единение и покой в Абсолюте.

7

Популярный американский географический журнал

8

Очевидно, речь идет о названом отце и учителе Сержа Кахияи Кинга, См.: «Городской шаман». «София», Киев, 1996 год.

9

Remember, friend, as you pass by,
As you are now, so once was I.
As *I* am now, so you must be.
Prepare yourself to follow me.

10

There once was a beaut from Killervy,
whose body was nubile and curvy;
a man found her there
in her lace underwear, and...

11

Евангелие от Матфея, 20: 26.

12

Over water, under sea, in the forest high you'll be. Trust your instinct, in the sea; bring your treasure home to me. If you find it, as you might, you will travel day and night. As you see it, you will know, as above, then so below. Once you grasp it, you will be ready then to cross the sea.

13

От Матфея, 25: 35–36. —Прим. Перев

14

Do not stand at my grave and weep, I am not there; I do not sleep. I am a thousand winds that blow, I am the diamond glints on snow. I am the sunlight on ripened grain. I am the gentle autumn rain. Do not stand at my grave and cry. I am not there. I did not die